

**К 10-летию Института дополнительного
профессионального образования СГУ**

Н.П. Лысикова Н.Р. Вакулич О.И. Алимаева Е.В. Листвина

Культурно-образовательное пространство современного человека

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*К 10-летию Института дополнительного
профессионального образования СГУ*

**Н.П. Лысикова Н.Р. Вакулич О.И. Алимаева
Е.В. Листвина**

Культурно-образовательное пространство современного человека

Издательство «Саратовский источник»
2010

УДК 130.2+37:1
ББК 87+71.0
К 90

К Культурно-образовательное пространство современного человека:
Коллективная монография/Под ред. профессора Ю.Г.Голуба. – Саратов:
Издательство «Саратовский источник», 2010. – 167 с.

ISBN 978-5-91879-029-8

В коллективной монографии исследуется реальное состояние и динамика культурно-образовательного пространства как интегративного феномена современной модели жизнедеятельности человека.

Для научных работников, преподавателей высшей школы и студентов вузов, а также всех интересующихся проблемами человека, культуры и образования.

Рекомендуют к печати:

Кафедра социокультурных основ образования
Института дополнительного профессионального образования
Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского
Научно-методическая комиссия
Института дополнительного профессионального образования
Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор *И.В. Стеклова*
Доктор философских наук, профессор *З.В. Фомина*

Работа издана в авторской редакции

УДК 130.2+37:1
ББК 87+71.0

ISBN 978-5-91879-029-8

© Коллектив авторов, 2010
© Издательство «Саратовский источник», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Человек в контексте современной культуры	6
1.1. Интегративность современного человека и мозаичность культурного мира	6
1.2. Трансформация массовой культуры в глобальном мире	19
1.3. Народная культура как ресурс личностного развития	32
1.4. Человек в современной социокультурной ситуации	49
Глава 2. Социокультурное пространство непрерывного образования	57
2.1. Интеграция культуры и образования в современных условиях	57
2.2. Молодежные субкультуры и контркультуры в современном обществе	69
2.3. Непрерывное образование и аксиологические ориентиры личности	82
2.4. Социокультурные институты в эпоху глобализации: образовательный аспект	97
Глава 3. Динамика культурно-образовательного пространства в обществе риска	
3.1. Динамика интеграционных процессов в социокультурной сфере	115
3.2. Риски в образовательном пространстве	128
3.3. Социокультурная адаптация в мультикультурной среде	138
Заключение	156
Список литературы	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные условия развития общества задают новые ориентиры динамике основных его феноменов – культуре, образованию, человеку. На всем протяжении своего развития культура всегда была тесно связана с другими социальными институтами, в том числе с институтом образования. Обострение культурно-образовательных проблем затрагивает судьбы множества людей, влияет на жизненный путь каждой личности. За внешними проявлениями глобального кризиса скрываются сложные и противоречивые внутренние процессы, происходящие в культурно-образовательном пространстве человека.

Исследование культурно-образовательного пространства как интегративного феномена современной модели жизнедеятельности человека является теоретически и практически весьма актуальным, потому что позволяет поставить и проанализировать ряд кардинальных вопросов, требующих своего последовательно решения, в том числе:

во-первых, зафиксировать уникальные и неповторимые ценности традиционного отечественного образования и культуры, составляющих основу ментальности человека;

во-вторых, помочь современникам в непростых глобализационных и рискогенных условиях не растеряться, не потерять себя, а вычленив и использовать жизненно значимые объекты, явления, связи и инстанции;

в-третьих, нейтрализовать, или хотя бы смягчить, негативные последствия вхождения отечественного образования в мировое культурно-образовательное сообщество;

в-четвертых, реализовать свои культурные и образовательные потребности в профессиональной, творческой, повседневной, досуговой видах деятельности.

Основная идея коллективной монографии состоит в исследовании реального состояния и динамики культурно-образовательного пространства современного человека, что и определяет архитектуру всей работы, которая состоит из трех глав.

Первая глава посвящена проблеме человека в контексте современной культуры. Для ее рассмотрения авторы выделяют комплекс взаимосвязанных направлений и последовательно останавливаются на особенностях взаимосвязи интегративности современного человека и мозаичности современного культурного мира (Н. Р. Вакулич), специфике трансформации массовой культуры в глобальном мире (О. И. Алимаева), исследовании реальных возможностей народной культуры в качестве ресурса личностного

развития человека (Н. П. Лысикова), анализе человека в современной социокультурной ситуации (Е. В. Листвина).

Во *второй главе* анализируются феномен и специфика социокультурного пространства непрерывного образования. С этой целью авторы предприняли попытку исследования вопросов интеграции культуры и образования в современных условиях (Н.П. Лысикова), особенностей содержания и связи с непрерывным образованием молодежных субкультур и контркультур в современном обществе (О. И. Алимаева), взаимосвязи непрерывного образования с аксиологическими ориентирами личности обучающегося (Н.Р. Вакулич), а также с особенностями развития социокультурных институтов в условиях глобализации и непрерывного образования (О.И. Алимаева).

Третья глава связана с рассмотрением актуальной проблемы динамики культурно-образовательного пространства в современном обществе риска. Для ее раскрытия последовательно на обширном исследовательском материале анализируются динамика интеграционных процессов в социокультурной сфере (Н. П. Лысикова), риски в образовательном пространстве (Е. В. Листвина), а также весьма непростой процесс социокультурной адаптации человека в мультикультурной среде (Н. Р. Вакулич).

Исследование реального состояния и динамики культурно-образовательного пространства современного человека в течение ряда лет являлось кафедральным научным направлением. Авторы коллективной монографии неоднократно апробировали данный теоретический материал в научных статьях, пособиях, в выступлениях с докладами на международных, всероссийских, региональных и институтских научных конференциях и семинарах, на его основе разработана и успешно используется дополнительная профессиональная образовательная программа повышения квалификации для преподавателей высшей школы «Социокультурные проблемы образования».

Авторы выражают искреннюю признательность руководству Института дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского за предоставленную возможность издания коллективной монографии «Культурно-образовательное пространство современного человека», а также нашим уважаемым рецензентам за ценные советы и пожелания.

ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1. ИНТЕГРАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И

МОЗАИЧНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО МИРА

Характерной особенностью современного мира является его многополярность, мультикультурность и мозаичность. Происходит расширение культурных свобод, а не гомогенизация или подавление - вот единственная устойчивая альтернатива, обеспечивающая стабильность, демократию и развитие человека как в национальном, так и в международном масштабе. Культурное многообразие воспринимается как базовый элемент человеческого развития, понимаемого как способность человека выбирать, кем быть и что делать. При этом, культурная свобода предполагает расширение возможности выбора, а не консервацию ценностей и обычаев и не слепое следование традиции.

Культурное пространство человека в основном формируют различные средства массовой информации. Телевидение и Интернет вытеснили из культурных потребностей человека театры, библиотеки, музеи. Создавая культурное пространство, человек осуществляет свой способ видения мира. В свою очередь культурное пространство воздействует на человека, через создание внешних знаковых форм, через изменение образа жизни, конструирование его нового облика.

Современное социокультурное пространство связано с развитием промышленных технологий и новых средств осуществления социокультурной коммуникации. Одновременно в обществе складывается новый уровень культурных контактов, обуславливающий иные объемы и интенсивность коммуникативных процессов, актуализуется проблема преодоления межиндивидуальных и межгрупповых культурных барьеров и культурной дистанции между представителями различных сообществ.

Обществу приходится решать ряд внутрисоциальных проблем, связанных, прежде всего, с изменением механизмов социальной стратификации и форм социализации, а также с профилактикой девиантного поведения. Развитие коммуникативных технологий вывело культуру за пределы модернизированных обществ и сделало ее распространение процессом глобального характера. Базовые формы современной культуры стали популярными в большинстве стран и являются одной из приоритетных сфер создания и распространения культурных инноваций. Стереотипный характер культурных образцов культуры, эксплуатация тематики, актуальной для большинства

респондентов, высокий уровень привлекательности форм репрезентации массовой культуры, латентность к культурным вариациям, этнокультурным и субкультурным особенностям, ее вариативность и динамичность сделали современную культуру доступной для большинства обитателей глобализирующегося мира, и, одновременно, помогли сгладить негативные последствия глобализации. Именно через массовую культуру человечество сегодня представляет результаты своего культурного творчества.

Еще одна тенденция развития социокультурного пространства — ускоряющиеся процессы глобализации и информатизации, находящиеся в диалектическом единстве и взаимообусловленности. Именно их синтез все в большей степени определяет генеральное направление социального развития человечества на ближайшую перспективу.

Одним из определяющих факторов структурно-качественных трансформаций культурно-цивилизационных параметров современного мира является экранная культурная революция, сопоставимая по своей значимости, разве что с возникновением письменности. «Информационная революция выразилась не только в количестве и скорости обращения информации, она привела к образованию сетевого общества с собственными субкультурами, создала мощные по воздействию новые средства визуализации. Огромное количество мультимедийных средств в сочетании с интерактивностью постепенно осуществляют «культурную революцию», сопоставимую с Гутенберговой»¹.

Виртуализация реальности, подобно любой социально-информационной технологии, является амбивалентным процессом, обладает двойным назначением, т. е. характеризуется не менее мощным социальным негативом. Благодаря новому информационному режиму современный социум становится проницаемым для любых информационных импульсов.

Информационное общество, обретя невиданную ранее свободу, единство в многообразии, динамизм развития, приобрело и новую степень уязвимости перед деструктивными факторами и различными социальными девиациями. Негативные факторы, получившие в глобальной системе новые стимулы и возможности, разнообразны, их диапазон простирается в границах от международного терроризма до хакерства, стандартизации культурных ценностей, распространения манипулятивных технологий и т. п.

---

¹ Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека//Философские науки. 2009. № 10. С. 11.

Вместе с тем, современная информационно-коммуникационная система кардинально изменила условия для культурного обмена и взаимодействия, образования, бизнеса, межличностного общения, все более успешно стирая пространственные, временные, социальные, языковые и иные барьеры, формируя единое социокультурное пространство. Облик культуры XXI в. определяется, прежде всего, усиливающейся интеграцией различных культурных конфигураций в единое культурное целое, которое следует обозначать как «мировая культура». Он характеризуется все более интенсивным формированием «мирового сообщества», и, соответственно, «мировой культуры». Панкультурные процессы становятся нашей повседневной реальностью. Темпы модернизации и интенсификации коммуникативных процессов возрастают так, что индивидуальное сознание далеко не всегда в состоянии с этим справиться, то есть осмыслить, понять и принять.

Происходит все большее усложнение системы социальных связей и культурной интеграции в пределах всего мира, обеспеченное приоритетом технических наук в организации социокультурной деятельности человека. Локальные социокультурные системы, сохраняющие свою самобытность, постепенно отказываются от нее либо вынуждены замыкаться в собственном социокультурном пространстве, что становится, со временем, все сложнее: налицо «... перспектива довольно интенсивного перемещения сообществ и перемешивания культур, субкультур, возникновения новых пространственных феноменов»².

Все острее встает вопрос о том, как привести в соответствие сложившиеся стереотипы с тенденциями сегодняшнего дня. Виртуализация социокультурного пространства при существующей мозаичности социума дезориентирует человека, мешает процессу культурной идентификации личности, иногда размывает границы культурной идентичности. «Идентичность сама по себе есть нечто самоценное, не подлежащее отмене или торгу, гарантирующее сохранению в бытии и сохранению самого бытия, возможного только в качественной определенности всех его составляющих»³.

Поиски культурной идентичности на протяжении длительного времени были острой проблемой для России. Проблема идентичности возникает при отсутствии или неполноте онтологического статуса, именно на разрыве онтологии субъекта, его феноменологии и его

² Михайлова Н. Г. Местные и региональные сообщества: традиции и современные нормы культурной деятельности // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития. М., 2010. С. 87.

³ Самохвалова В. И. Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. 2008. № 4. С. 39.

рефлексии и актуализируется тема идентичности. В условиях значительных социокультурных сдвигов постоянно происходит осмысление и переосмысление собственной культурной сущности. Условия современного общества предлагают бесконечное множество возможных идентификаций, каждая из которых позволяет человеку создать определенный Я-образ. Структура «Я» становится столь сложной, какой не была никогда ранее, в связи с чем вопрос об идентичности также становится наиболее острым: чем больше Я-образов, тем более сложно сохранять их связанность и последовательность, т. е. саму идентичность, осознание принадлежности каждого из своих Я-образов к единому комплексу «Я».

Нормальная идентичность представляет собой сбалансированную систему «Я», где все Я-образы правильно связаны друг с другом, и индивид сознает их все, как принадлежащие ему и отражающие часть его сознания. Кризисная идентичность выражается в нарушении связей между различными Я-образами, в том, что некоторые из них больше не вписываются в существующую систему, и требуется реформация, переструктурирование «Я». Однако в этой сложности одновременно заложен и путь к наиболее полноценному развитию индивида. Человеческое «Я» состоит из множества Я-образов, каждый из которых соответствует определенному аспекту внешней реальности и внутренней индивидуальности человека. Однако лишь они вместе, складывая свои картины мира в единую картину, создают полноценную человеческую личность и позволяют каждый раз осваивать всякий конкретный аспект реальности с разных точек зрения, получая наиболее полную картину мира. Неспособность к подобному многопозиционному познанию приводит к догматичности и ригидности мышления. Имеет смысл говорить о существовании множества Я-позиций, объединяемых познающим субъектом в совокупный индивидуальный опыт, который и соответствует единому «Я». Организация «Я» в качестве единой структуры является активной деятельностью, производимой познающим субъектом как на сознательном, так и на бессознательном уровне. Множественность и разнообразие Я-позиций не менее важны для познания, чем сводящее их вместе единое «Я». Проблема идентичности, отсюда, превращается в проблему организации многогранного индивидуального опыта⁴.

Культурная идентичность формируется в «интерактивном» мировом пространстве, где практически не остается культурно гомогенных обществ, человек постоянно сталкивается с «другими», вынужден воспринимать этих других и быть воспринимаемым. Однако

---

⁴ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13-22.

противоречия, возникающие при столкновении различных культурных ценностей, стилей общения, норм поведения, остро чувствуются в процессе межкультурной коммуникации. Разрешение межкультурных конфликтов является центральным вопросом при работе с представителями различных культур.

Интеграция представляет идентификацию как со старой, так и с новой культурами, результат которой — сохранение культурного наследия в сочетании с благожелательным отношением к культуре большинства. Стремление сохранить собственную культуру долгое время рассматривалось как дисфункциональное. На самом деле оно играет важную роль для поддержания позитивной самоидентификации. Проблема интеграции в современной жизни актуальна, требует комплексного подхода в ее решении на всем протяжении жизни человека, но главным, безусловно, должна оставаться социокультурная и этноконфессиональная интеграция.

По мнению исследователей внутренней территории у культуры нет, поскольку она вся расположена на границах, и эти границы проходят всюду. Культура существует там и тогда, когда она пересекается в своих горизонтах с другой культурой – на границах этих пересечений становится понятным, в чем самобытность ответов каждой культуры на значимые и сходные для разных культур предельные вопросы о человеке и мире. В качестве самоопределяемой реальности культура создает собственное пространство во множестве подвижных границ и собственное время, проявляемое в закономерностях ее исторического развития. Культура сложна и многомерна – в ней взаимодействует множество самостоятельных субкультур⁵.

В последнее время виртуальная реальность как онтологический феномен, как совокупность информационных технологий, как актуальный и сверхмодный в своей актуальности концепт современных науки, публицистики, художественной прогностики и т.п. вызывает интерес ученых различных областей науки, выступая в качестве предмета анализа и осмысления философов, социологов, культурологов, психологов.

Информационные технологии нового века необозримо расширили привычный мир за счет виртуальной реальности. Привычная для нас реальность диверсифицирует в виртуальности свое разнообразие, воплощая в информационных двойниках отношения, вещи, деньги, идеи, самого человека. Емкость виртуального мира безгранична. В нем

---

⁵ Борисенков В. П., Гукаленко О. В., Данилюк А. Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования. М. – Ростов/на/Д., 2004.

беспрепятственно реализуется информационная составляющая практически любого вида человеческой деятельности.

С появлением и активным внедрением в повседневную практику информационно-коммуникационных технологий глобализационные процессы начинают приобретать качественно новое содержание. «В отличие от предшествующей, для современной стадии глобализации, в особенности, характерны экспонентально растущая интеграция глобальной торговли, инвестиций и финансовых потоков, усиление регулирующей деятельности международных структур (НАТО, МВФ, ВТО и др.), невиданное ранее по «проникающей способности» действие информационно-коммуникационных средств. Существенные отличия настоящей стадии глобализации состоят в принципиально новой технологической основе, обеспечивающей действительно всемирный характер современной экономики и капитала, изменении структуры и сущности современного капитала – за последние тридцать лет темпы роста трансграничных финансовых потоков существенно превышают темпы роста международной торговли, тем более, производства»⁶.

Последние десятилетия XX века прошли под знаком революционных инноваций в сфере информационно-телекоммуникационного оборудования. Прямым следствием научно-технического прогресса явилось сжатие, уплотнение пространства - времени в рамках становления единой глобальной международной системы планетарного масштаба. «Именно потому, что жизнь человеческая ограничена во времени, человек смертен, он должен преодолевать пространство и время. Для бессмертного божества автомобиль не имел бы значения»⁷. На современном этапе развития общества люди связаны между собой сложными системами информационно-коммуникационных потоков, для которых расстояния, территориальные границы, географические преграды более не имеют существенного значения.

Несомненно, вокруг каждого субъекта информационной среды возникает личностный узел информационных коммуникаций, который формируется как его собственными сознательными усилиями, так и теми социальными силами, институтами, другими субъектами, которые имеют целью воздействие на данного субъекта или взаимодействовать с ним. Каждый человек целенаправленно обустраивает личностные коммуникации, выбирая каналы радио и телевидения, газеты и журналы, определяя свой круг общения. Но конкретная личность далеко не свободна в этом выборе, поскольку вынуждена выбирать из

---

⁶ Мариносян Х. Э. Истоки и сущность глобального кризиса. Задачи государства в построении нового миропорядка // Философские науки. 2009. № 1. С. 7.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. М., 2001.

предлагаемого набора средств массовой коммуникации, выражающих различные политические или иные интересы.

Современная социокультурная ситуация наиболее ярко демонстрирует, что расширение внешних границ общественной свободы, возникновение информационного общества, резкое увеличение информационного потока и создание новых различных средств массовой коммуникации не только не привели к освобождению отдельной личности, но, напротив, еще более закрепили сознание человека.

Современный этап развития общества с его господством экранной культуры оказывает деструктивное влияние на сознание человека, подчиняя изначально заданным параметрам жизнедеятельности. Не следует забывать и о том, что современный человек погружен в насыщенную и порой агрессивную информационную среду, наполненную сообщениями, стимулирующими различные реакции, такие как новостная информация, политическая, коммерческая и социальная реклама, опросы общественного мнения, слухи, пропаганда. По всем этим каналам на человека интенсивно транслируется разнообразная информация, формируя мозаичный образ реальности.

С развитием новых коммуникационных технологий и появлением на их основе различных коммуникативных структур возникает жесточайшая регламентация всех видов деятельности. Бесконечные потоки аудиовизуальной рекламы диктуют человеку, что он должен есть, пить, во что следует одеваться, в каких домах жить. Одновременно с этим происходит навязывание человеку многочисленных «культурно-развлекательных» программ, ток-шоу различной тематической направленности, формирующих определенные правила поведения, аксиологические установки, необходимые для дальнейшего манипулирования сознанием.

Активное внедрение в повседневную жизнь информационно-телекоммуникационных технологий несоизмеримо расширило и ускорило процесс интернационализации не только экономических и хозяйственных, но также политических и социокультурных связей. Экран телевизора или монитора позволяет независимо от его географического местоположения получить доступ к социальному и культурному опыту других народов, познакомиться с традициями и обычаями иных культур. Формы видения мира становятся значительно более многообразными, нежели в совсем недавнем прошлом. Несомненно, подобное соприкосновение с иными культурными традициями накладывает свой отпечаток на национальные и религиозные основы жизнедеятельности, стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал,

корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество. Связывая людей в громадные наднациональные сообщества с гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, информационно-коммуникационные сети побуждают жить и потреблять однотипным образом⁸. Подобные процессы, получившие название информационной и культурной глобализации, формируют в сознании каждого человека чувство принадлежности к глобальному мировому сообществу, которое формируется из отдельных онтологических фрагментов этнокультурной и виртуальной реальности. «В виртуальной реальности (VR) идентификация (самоидентификация) происходит по разным параметрам, не обязательно адекватно отражающим человека, реально существующим, но и химерическим, фантомным. Самоидентифицироваться можно по ключевым фразам, по «тегам», по собственному интересу или потребности, а можно и по теоретическим и лексическим штампам»⁹.

Во многих продуктах экранной культуры преобладают стереотипы и приоритеты массовой культуры американского образца, несущие в себе ярко выраженные эгоцентрические тенденции. «Если обратиться к анализу западной культуры, оказавшей и продолжающей оказывать в последнее время сильнейшее влияние на умы и сердца многих образованных россиян, то трудно не заметить в ней противоречивого синтеза космоцентрической и эгоцентрической культур при безусловном приоритете последней»¹⁰. Эстетические вкусы и предпочтения часто довольно примитивны и формируются главным образом средствами телевидения, поп-музыкой. Эти вкусы и ценности поддерживаются периодической печатью, современным массовым искусством, довольно часто оказывающим деморализующее и дегуманизирующее воздействие на человека.

Очевидно сужение стереотипной вариативности продуктов культуры. На первый план выдвигаются первичные примитивные формы духовной самореализации человека, открыто пропагандируется вседозволенность, насилие, нивелировка отношений, различные формы девиантного поведения.

В условиях общества риска меняется духовно-психологический климат и содержание внутренней жизни современного человека. Очевидно порабощение внутренней жизни, сознания человека материальными, потребностями. Современная цивилизация не только

---

⁸ Московичи С. Наука о массах // Психология масс. М., 2001.

⁹ Шичанина Ю. В. Самоидентифицирование и Интернет – форматы // Философские науки. 2009. №10. С. 49.

¹⁰ Дзялошинский И. Культура, журналистика, толерантность // Материалы научно-практической конференции «Пресса, государство, культура: мультикультурализм как новая философия взаимодействия». М., 2002. С. 37.

решительно отрицает созерцание, душу, вечность, но и пытается открыто отвергнуть духовную ипостась человека. Складывается мощная индустрия по наращиванию экзотических, часто извращенных потребностей, по превращению их в главный мотив поведения¹¹. Отмечается перманентный рост агрессии у детей и подростков, выделяется в качестве одного из факторов, влияющих на этот процесс, просмотр современных американских анимационных сериалов.

Нельзя не заметить постоянно усиливающийся инфантилизм и нигилизм современной молодежи. В последнее время информационные потоки, направленные на подрастающее поколение постепенно формируют определенный психотип поведения, ограничивающий человека рамками дозволенного только массовой культурой. В пространстве индивидуального сознания реализуются разного рода суггестии и иные способы «промывания мозгов», а также «протезирование» сознания бесчисленными слоганами. Инструменты социальной механики активно реализуются в пространстве общественной жизни, результатом чего оказывается своеобразная социальная невменяемость, анестезия нашей чувствительности к социальным противоречиям, которая обеспечивается переводом ответственного самоопределения личности в социокультурное, образовательное, клубное, бытовое, досуговое пространство.

Бездушность, отчуждение, атомизированность делают физическую и духовную жизнь человека невыносимой, отсюда – лишь один шаг к самоубийству и наркотикам. Все большее распространение приобретает такая модель взаимодействия личности и общества, которую можно определить как бегство от общества, стремление человека уйти в мир иллюзий, фантазий, мистику, религию. Подобное бегство от себя и мира приобретает весьма специфические черты. Многочисленные религиозные общины возникают повсеместно, многие деловые люди прекрасно осознают тот факт, что в период внутреннего надлома человек часто прибегает к помощи, так называемых, «ловцов человеческих душ», поэтому охотно провозглашают себя «пророками» и «мессиями», поработав с помощью псевдотеорий не только души, но и тела неопитов, постепенно прибирая к рукам их бизнес, имущество, вклады и другие материальные компоненты человеческой жизни.

Уставшие от постоянных трудностей, не понимающие происходящего в окружающем их мире, многие молодые люди вступают в ряды возможных неформальных объединений, зачастую деструктивной направленности. В них они, с одной стороны, реализуют

---

¹¹ Слободчиков В. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. 2008. №9. С. 33-39.

свою потребность находиться среди подобных себе, а с другой стороны, ищут защиту от жестокого и непонятного мира.

В ряде случаев человек убегает от общества в квазиреальный мир, в качестве которого может выступать и книга, и ролевая игра, и «всемирная паутина». В информационном обществе он все чаще погружается в виртуальный мир при помощи Интернета или компьютерных игр. Как уже отмечалось, современный мир состоит не только из различных фрагментов этнокультурной «мозаики», в нем присутствуют и активно воздействуют на человека виртуальные квазимир, поэтому в «пестрой мозаике» социокультурного пространства особое место занимает специфическая субкультура геймеров.

Довольно часто, человек в своем виртуальном мире пытается достичь то, что не дано ему как реальному живому человеку. Многие «игроки», рисуя судьбы и характеры своих героев, прежде всего, обращаются к самому себе, к своим воспоминаниям, своим горестям. Ролевые игры, как бы вознаграждают человека за то, в чем ему было отказано в реальной жизни, приносят красоту и силу, дают возможность спасти мир, сделать блестящую карьеру, стать не только великим полководцем, императором, но и божеством. Каждый персонаж в ролевой игре выступает в качестве двойника своего создателя: в них он торжествует над окружающим его бытием. Реализуя креативные способности в процессе игры в создании виртуального мира, человек ощущает собственную значимость.

Не менее важна потребность к обретению внутренней свободы, наиболее полному выявлению своего внутреннего мира, во всем его противоречии и непонятности, проявляется в стремлении к поиску своей единой, неповторимой личности. В игре человек пытается обрести свободу, поскольку именно в ней он обнаруживает беспредельный полет фантазии, полностью раскрепощается и многократно увеличивается его сила воображения, начинают проявляться, ранее, казалось бы, невозможные, ассоциативные фантазии игрока.

Исследуя в процессе виртуального бытия бесконечное разнообразие квазиреальности, развертывая для себя собственную картину бытия, человек обнаруживает свободу безоглядного проявления себя, по-новому осмысливая «вечные проблемы», при этом очень часто создается новый мир, вызванный из небытия.

Мозаичность современного культурного пространства позволяет уподобить его большому конструктору. Ритуалы и правила игры, заложенные в нем, настолько универсальны, что дают возможность различным субкультурам моделировать стратегии и тактики, сюжеты и

жанры, наиболее близкие кругу их интересов. Главное правило игры — собрать из известных элементов что-то свое, уникальное и неповторимое. Истоки наиболее значимых культурных кодов современных квазимиров можно найти в архаической культуре. Ритуализация в процессе игры основных жизненных актов позволяет остановить время и переместиться из мира физического в мир сакральный.

В самом существе кризисной эпохи ведущей стороной оказывается именно антропологический кризис, кризис модели человека, выработанной в европейской культуре. Сегодня эта модель, когда-то целостная, расщепилась на множество самых разных, но уже фантомных моделей. Репертуарно-ролевой человек, человек, потребляющий все и вся, человек, играющий во всех обстоятельствах своей жизни — вот характерный представитель современного социума. Эта фантомная модель является, в той или иной мере, продуктом многообразных мозаичных культур, составляющих онтологическое пространство бытия культуры. Именно они определяют содержание и смысл нашей деятельности, наших взаимоотношений, наших традиций и ценностей.

Еще одним значимым культурным кодом является идущее из архаики представление о целостности и завершенности мира. Неслучайным в этом контексте становится само понятие «мир». В идеале квазимир содержит в себе собственную сакральную историю — от сотворения мира вплоть до конца времен. Эта целостность во многом достигается за счет использования известных символов и стереотипов. Создание «иномирья» в процессе «виртуальной жизни» можно рассматривать как способ освобождения внутреннего «Я» человека. Разочаровавшись в окружающем его макрокосме и не имея другой возможности для изменения существующего бытия, погружаясь в виртуальное пространство, он создает новый мир, иной, отличный от того, в котором пребывает реально в качестве социокультурного существа.

Человеку кажется, что этот мир подвластен только ему. Вот почему некоторые люди, общаясь в виртуальном пространстве, постепенно попадают в зависимость от этого нового мира, поскольку утратили «Нечто» важное для своего существования. Обретение этого «Нечто», поиск самих себя в фантастическом мире и составляет смысл бытия человека.

Необходимо признать, что и в виртуальном пространстве человек не способен достичь полного освобождения от влияния социокультурной среды. Даже создавая новые реальности, конструируя новые миры, многие люди переносят в мир собственных фантазий и творческих поисков стереотипы, навязанные современной массовой

культурой. Влияние социокультурной среды на человека выступает в виде выработки определенной мировоззренческой «матрицы», которая отвечает особенностям того типа культуры, к которой он принадлежит, поэтому «и постмодернистский выбор, и постмодернистская свобода весьма иллюзорны в условиях массового общества и маркетизированной культуры, которая большими тиражами выбрасывает на рынок симулякры идентичностей вместе с инструкциями по сборке»¹².

Погружение в виртуальный мир, с одной стороны, можно рассматривать как способ освобождения личности, поскольку, уходя в квазиреальность, человек освобождается от действительных отношений с социумом, ощущает себя независимым от социальной среды и выполняемых им в ней ролей, обретает новые возможности и ипостаси. С другой стороны, этот процесс еще более может подавить человека, так как, не имея возможности освободиться от своей социокультурной «матрицы», он и в сотворенном «иномирье» сохраняет все те оковы и цепи, которые закрепощали его в реальном мире, часто добавляя к ним новые виртуальные способы закрепощения личности. «Виртуализация личности превращается в жизненную стратегию, а в вечной игре масок просматривается бегство индивида от самого себя, от окружающей действительности (повседневности), бегство от вызова бытия, от решимости принять ответственность за свое бытие. Анонимность и вседозволенность в сетевых коммуникациях порождают ощущение свободы. Однако это свобода, лишенная ответственности за свои поступки и за свой *экзистенциальный* выбор»¹³.

Пребывающий в кибер-пространстве человек может одновременно присутствовать в различных квазимирах, созданных на различных порталах. Включая себя в онтологическое пространство квазимиров, он как бы расщепляется на отдельные фрагментарные личностные единицы, которые могут существовать в различных онтологических плоскостях. Находясь одновременно в нескольких виртуальных пространственных плоскостях, человек не только воспринимает окружающий его мир как набор красивых картинок, похожий на мозаичные рисунки, возникающие в детской игрушке, но и начинает вращать свои виртуальные квазимирры, и в его сознании, как в калейдоскопе, все изменяется.

---

¹² Воропай Т. С. Между глобализацией и масскультурой (несколько фрагментов об идентичности) // Философские науки. 2009. №10. С. 13.

¹³ Уханов Е. В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. №10. С. 64.

Клиповое мышление заставляет человека «нырять» из одной культурной среды в другую, нигде подолгу не задерживаясь. Глядя в экран телевизора, современный человек не способен подолгу задерживать свое внимание на чем-либо. «Синдром переключения каналов» действует в обыденной жизни. Человек как бы скользит по социокультурному пространству, переключая своё сознание, «ныряя» из одного фрагмента социокультурной мозаики в другой. Налицо кризис европоцентричной модели мирового устройства, распад иерархической модели культуры и замена ее мозаичной, замещение иерархической модели организации общества сетевой. По мнению Ж. Бодрийяра, мы «имеем дело со вселенной непосредственного соединения, склеивания вещей и их репрезентации, со вселенной, погружающейся в визуальное, в пространстве которой любой образ вовлекается в процесс образного становления мира...»¹⁴.

Таким образом, изменившаяся социокультурная среда предъявляет к духовным возможностям человека требования, которые она не может реализовать, при этом его внутренний мир как бы разрывается на части, размалывается под бременем им же порожденных механизмов, электронных устройств. Человек теряет сам себя, начинает разрушаться его самобытность и неповторимость которые уступают место бездушным автоматам. За распадом личности следует упадок культурного творчества, то есть разложение внешней культуры, которая начинает расширяться во вне, но иссыкает в своих собственных глубинах. В информационном обществе появляются новые виды духовного закрепощения человека. Проблема поиска защиты человека от негативного влияния процессов и продуктов информационного общества достаточно актуальна. Преодолеть деструктивные тенденции возможно при условии относительной стабилизации экономической и социально-политической ситуации, с одной стороны, и, постоянного расширения образовательно-воспитательного воздействия на человека с целью оказания ему помощи в формировании базовых ценностных констант. Сформировать «культурную матрицу» человека, опирающуюся не на сомнительные достижения массовой культуры, а на традиционные эстетические и этические нормы и ценности способна система образования, помогающая ему наиболее конструктивно интегрироваться в мозаичное пространство современного социума.

1. 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

---

¹⁴ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 117.

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Массовая культура является порождением индустриальной и постиндустриальной эпохи, связанным с формированием массового общества. В силу этого ее развитие неизбежно вписывается в процесс глобализации, который формирует, в том числе, общемировые культурные тенденции и культурные образцы. Существует точка зрения о ней как о культуре глобальной и универсальной. Считается, что термин «массовая культура» первым ввел Д. Макдоналдс в 1944 г. Истоки массовой культуры иногда находят в античности, ссылаясь на аналоги относительной массовости и доступности популярных игр Древей Греции и Рима, или в начале зарождения христианской цивилизации (упрощенные варианты Священного писания типа «Библии для нищих» и т. д.), а, кроме того – в эпохе складывания городской культуры Средневековья.

Большинство исследователей относят зарождение массовой культуры к периоду становления буржуазного индустриального общества, основанного на частной собственности, характеризующегося бурным развитием техники, внедрением унифицированных технологий, прежде всего, технических средств тиражирования, трансляции материальной и культурной продукции. Конечно, стандартизация, унификация технологий нуждается не только в массовом производстве, но и в массовом потреблении, массовом мышлении, массовых потребностях, вкусах и пр. Этим целям служит «культурная индустрия», создаваемая для широких масс. Ее появление относят к концу XIX в. в США и связывают с техническими достижениями, позволившими фиксировать, сохранять, копировать, тиражировать в неограниченных масштабах культурную информацию. С одной стороны, это демократизировало культуру, предоставив возможность широкого распространения ее эталонов, ценностей, с другой, - способствовало проникновению коммерческих интересов, рыночных механизмов. Американская культура унаследовала все проблемы европейской рациональности, миновав, при этом, рациональность как опыт. Исследователи массовой культуры М. Фролова, Е. Савенкова, Е. Иваненко отмечают, что американская культура - единственная из известных культур атрадиционна в силу исторически сложившихся обстоятельств: «национальный и культурный винегрет как результат колонизации, беспрепятственно

прогрессирующая индустриализация, отсутствие национальной трагедии во время двух мировых войн и т. д.»¹⁵.

Отсюда следует, что не только техника, которая сама по себе нейтральна, но и социокультурные условия составляют ту почву, на которой произрастает феномен, получивший название массовой культуры. К социокультурным предпосылкам становления и развития массовой культуры можно отнести следующие:

- развитие механизированного и автоматизированного крупного промышленного производства, которое вытеснило ручной труд, постоянное его расширение и концентрация, интенсификация процессов урбанизации, научно-технического прогресса. Многочисленные исследования влияния конвейерного производства на личность показали, что процессы механизации, автоматизации превращают человека из мастера-виртуоза, производящего уникальные изделия, шедевры, в исполнителя одной функции, одной операции в огромном производственном механизме;

- создание и совершенствование новых технических средств и технологий, способствующих фиксации, сохранению, копированию, тиражированию, широкому распространению культурной информации различных видов и типов;

- формирование коммерческой основы «культурной индустрии» (массовой культуры), ориентация ее на получение прибыли как цели, на коммерческий успех, во имя чего в нее вкладываются огромные средства государством, различными фирмами, транснациональными корпорациями;

- концентрация большого количества людей в относительно ограниченном пространстве на базе расширения производства, роста городов, усиления миграции, способствующая «перемешиванию» населения, а, значит, разрушению традиций, ослаблению социальных связей (общинных, родственных, соседских и пр.);

- превращение множества работников в толпу - совокупность автономных индивидов, ничем не связанных между собой, кроме общности территории, становящихся в индустриальном и постиндустриальном обществе придатком машины.

В течение XX - начале XXI в. динамически развивалась и сама массовая культура и представления исследователей о ней. Некоторые работы уже прочно завоевали себе место в качестве классических по данной проблеме. Так, Г. Блумер, изучая интерактивность современного

---

¹⁵ Фролова М. и др. Массовая культура - как культура экрана // Mikstura verborum - 99: Онтология, эстетика, культура: Сб. ст. Самара, 2000. С. 37.

общества, показал, что наиболее важным элементом, с которым сталкивается действующая личность в обществе XX в. являются действия других действующих личностей. Отсюда следует, что самостоятельность каждой из них утрачивается¹⁶. Х. Арендт, создатель теории тоталитаризма, одной из первых стала употреблять для характеристики общества XX в. понятие массовости. При этом она полагала, что жизненные стандарты массового человека определяются не столько принадлежностью к определенному классу, сколько теми влияниями и убеждениями, которые молчаливо разделяются всеми классами общества в равной мере. Массы соединены отнюдь не осознанием своих интересов, общий интерес у них отсутствует¹⁷.

Х. Ортега-и-Гассет в знаменитой книге «Восстание масс» усматривал в этом угрозу вытеснения элиты «усредненным индивидом». Он замечал: «Масса - всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью... Масса - это посредственность, и, поверь она в свою одаренность, имел бы место не социальный сдвиг, а всего-навсего самообман. Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Как говорят американцы, отличаться - неприлично. Масса сминает все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать отверженным»¹⁸.

Западные, в частности, американские социологи и культурологи, явились первыми критиками массовой культуры, отметив, что целью культурного производства является делание денег, а не мерка человеческого благополучия или «воспитание зрелого сознания». Г. Маркузе, считая поле массовой культуры репрессивным, писал: «Его продуктивность (современного общества - О. А.), его способность совершенствовать и все шире распространять удобства, превращать в потребность неумеренное потребление, конструктивно использовать дух разрушения, то, в какой степени цивилизация трансформирует объективный мир в продолжение человеческого сознания и тела, - все это ставит под сомнение само понятие отчуждения. Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, прирастают душой к автомобилю, стереосистеме, бытовой технике, обстановке квартиры. Сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился, и

---

¹⁶ Блумер Г. Общество как символ интеракции // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М., 1984. С. 173-179.

¹⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

¹⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1991. С.2.

общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом»¹⁹.

Можно было бы заключить, что массовая культура рассматривается как глобальный, универсальный, атрадиционный, вульгарный слой культуры современной цивилизации, востребованный огромным количеством людей, неспособных подняться до уровня искусства, созданного интеллектуальной элитой прошлых эпох и настоящего времени. Поэтому массовая культура неизбежно связана с неопределенностью, неоднородностью вкусов и критериев. Смысл ее сводится к эстетической стертости, моральной ограниченности, а информационные культурные стереотипы игнорируют исторические корни, особенности экономического, политического развития различных стран и регионов.

Однако существует и другая точка зрения, сторонники которой считают массовую культуру закономерным явлением и усматривают в ней позитивное начало. Так, Р. Паттисон писал, что массовая культура – это логичное продолжение того естественного процесса снижения культуры, начало которого он относит ко временам Гераклита²⁰. В 1977 г. в докладе «Оказывает ли аудитория дурное влияние на телевидение?» У. Эко отмечал: «...не существует массовой культуры в смысле, выносимом воображением апокалиптических критиков массовой коммуникации, т.к. эта модель конкурирует с другими (состоящими из исторических наслоений, классовой культуры, аспектов высокой культуры, передаваемых через образование и т.д.)»²¹. По мнению К.-О. Аппеля, культурные образцы складываются из общезначимых ценностей и ценностей, обозначенных культурной традицией, таким образом, люди, которые живут в определенной культуре, не способны поддерживать глобальные ценности, если не находят им подкрепления в своем опыте, традиции.

С точки зрения Д. Белла, пассивная, социально инертная масса, неспособная на спонтанные усилия, не имеет прочных коллективных норм, традиций и конформистски усваивает эталоны и образцы, предлагаемые ей властвующей элитой. В ней личность утрачивает свою индивидуальность, приобретая черты стадности, унифицированности, шаблонности. Однако наряду с критикой современной культуры, Д. Бэлл отмечает, что с появлением кино, радио, телевидения, прессы впервые появилась единая система идей, образов и развлечений.

---

¹⁹ Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002. С. 22.

²⁰ Pattison R. The triumph of vulgarity: rock music in the mirror of romanticism. N.Y. 1987. P. 255.

²¹ Цит. по: Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000. С. 321.

Отечественный культуролог П. С. Гуревич, со ссылкой на Г. Андрее, М. Хоркхаймера, Р. Бауэра, подчеркивал, что многие социологи и философы, взявшие на себя роль социальных критиков, выявляли наркотический характер массовой культуры. Радио, кино, телевидение расценивались ими как гигантские каналы общества, которые репродуцируют иллюзии, распространяют эталоны чувств и поступков, создают иллюзорную культуру, без которой немислима современная цивилизация²².

В последние десятилетия ученые, прежде всего, изучают различные аспекты массовой культуры, ее конкретные проявления. Продолжается исследование ретроспективы массовой культуры, в том числе и в России. Традиционно начало формирования массовой культуры в России относилось к началу XX в.²³. В последние годы возникла точка зрения, согласно которой такой подход искусственно выносит Россию за рамки общемирового исторического контекста, противопоставляет Западу, где основы индустриальной цивилизации, как известно, начали складываться еще в середине XIX столетия²⁴. По мнению А. В. Захарова, большое значение для формирования российского «масскульта» имел, во-первых, период 40 - 50-х гг. XIX в., который можно условно назвать периодом социальных предчувствий и пророчеств. Он подробно анализирует негативные высказывания А. И. Герцена²⁵, которому принадлежит известное высказывание: «Новейшее и последнее слово европейской культуры - это образованный хам», Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского о культуре Запада того времени и полагает, что данная критика «омассовленного» ее варианта легла в основу устойчивого отрицательного стереотипа «Запад - массовая культура - мещанство»²⁶.

Во-вторых, очень важный исторический период, собственно зарождение массового общества (80-90-е гг. XIX в.), тесно связанный с пореформенным промышленным подъемом в России, возникновением массового фабричного производства и массового потребителя. Новым в жизни страны является появление целых отраслей производства, обслуживающих новые (массовые) общественные потребности, например, «кузнецовский» фарфор, мебельные и бумагоделательные фабрики, мастерские по производству готового платья, винодельческие

---

²² Гуревич П. С. Массовая культура как феномен // Философия культуры. М., 1994. С. 234.

²³ Зоркая Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов. М., 1976.

²⁴ Захаров А. В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. №9. С. 3.

²⁵ Герцен А. И. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1948. С. 307.

²⁶ Захаров А. В. Указ. соч. С. 5-6.

предприятия; изобретение дагерротипа и телеграфа, что сделало возможным выпуск многотиражных газет и иллюстрированных изданий; открытие в огромном множестве ресторанов (трактиров), которые становятся излюбленным местом общественного проведения времени у мужчин, а, кроме того, частных театров и цирковых трупп; распространение образцов бульварной литературы - детектива, приключенческой повести, любовного романа, западных танцев - кадрили, польки, вальса, возникновение спортивных клубов, других объединений по интересам, в том числе детских, первых массовых политических и культурно-просветительских организаций.

Кровавые события начала XX в. привели к формированию наименее благоприятной формы массовой культуры. Особенность исторического контекста, в котором происходило формирование массового общества в России, состояла в отсутствии остова цивилизованного общества с разработанными правовыми нормами, демократическими механизмами, способными к самовосстановлению. Поэтому массовая культура России склонна к беспомощным имитациям демократии и свободы, и более того — к социальному хаосу и «войне всех против всех»²⁷. То есть современная массовая культура демократична (происходит из самых широких слоев общества), городская по своим истокам, сближается с фольклором.

В монографии Н. А. Хренова, К. Б. Соколова «Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, менталитет)» истоки массовой культуры в России отнесены к XVIII в. и связываются с широким распространением книгопечатания. Также инновационной является идея авторов о выделении в русском обществе того времени разных субкультур, каждой из которых присуща определенная картина мира, что во многом определяет и ее эстетический выбор.

Продолжается традиция анализа природы массовой культуры. Известный культуролог Д. Дондурей, основываясь на наблюдениях за реакцией российского зрителя на телесериалы, выявил в масскульте долго сохраняющийся «донный» слой («культуру-ноль»). По мнению автора, этот слой «существует подспудно во всех щелях постиндустриального общества; это начальная культура, опирающаяся на архаическую систему восприятия, которая постепенно вытеснила, заменила традиционный фольклор. Дондурей предлагает признать, наконец, что в случае с «культурой-ноль» мы имеем дело не с плохим, а с иным вкусом²⁸.

---

²⁷ Кара-Мурза А. А. "Новое варварство" как проблема российской цивилизации. М., 1995. С. 114-120.

²⁸ Дондурей Д. Культура ноль или *Mi secunda patria* // Знание-сила. 1993. №3. С. 41.

Оригинальной и во многом спорной оказалась концепция К. Э. Разлогова²⁹. Как считает философ, во второй половине XIX в. процесс секуляризации (выхода из-под контроля церкви) охватил уже не только элитарную, но и массовую культуру России. «Искусство образованных» превратилось в одну из множества субкультур в обществе со свободой выбора, развитыми средствами массовой коммуникации (СМК) и правом на свое автономное культурное развитие. Более того, в новых условиях массовая культура вынуждена была принять на себя функции религии, в первую очередь, определяющую функцию гармонизации психической деятельности»³⁰.

В художественном процессе участвует все общество, а не только духовная элита. Этот «процесс» предполагает существование индивидуальной сферы эстетической активности любого человека. Он является, одновременно, и творцом, и потребителем искусства (независимо от уровня образования и качества его эстетического вкуса). Автор монографий обращает внимание на социально-психическую мобильность массовых потребностей в искусстве, и эти «вкусовые трансформации зависят не от благих пожеланий искусствоведов, а от объективных обстоятельств, условий жизни массы и ее групп». Следует констатировать не деформацию, а трансформацию функций искусства под воздействием новых условий ее бытования в обществе, то, что на массовую культуру влияют не столько эстетические, сколько социально-психологические факторы.

Отсюда следует, что проблематика, связанная с массовой культурой, не только продолжает активно разрабатываться, но и приобретает инновационный характер.

Для понимания природы массовой культуры большое значение имеет расшифровка сущностных черт культурных текстов. Отметим, что в массовой культуре тексты создаются авторами по специальному заказу, в соответствии с целями и требованиями заказчика. В качестве такового выступают властные структуры, коммерческие круги, владельцы СМИ и др. Ориентируются эти тексты на некую «ключевую» (усредненную) аудиторию. Среди особых черт данных текстов можно назвать следующие:

- стандартизация культурных текстов (представлений, образов, эталонов, технологий). Стандарты массовой культуры это шаблоны, клише, многократно копируемые, тиражируемые. По ним создаются

---

²⁹ Разлогов К. Э. Коммерция и творчество: враги или союзники? М., 1992; Разлогов К. Э. По ту сторону наслаждения. Дар или проклятье? Мозаика массовой культуры. М., 1994.

³⁰ Разлогов К. Э. Коммерция или творчество: враги или союзники? М., 1992. С. 161, 163, 209.

тексты (киноленты, комиксы, детективные, любовные, фантастические романы, сувениры, украшения и пр.), предназначенные для массового потребления, а стандарт не нуждается в сотворчестве. Даже самый простой, «бытовой» анализ современных популярных любовных романов, как зарубежных, так и отечественных, выделяет их стандартные, повторяющиеся из романа в роман, сюжетные схемы (встреча - влюбленность - ссора - примирение), узнаваемые ситуации. В связи с изменением социально-культурных условий благородный герой приобретает черты супермена, с легкостью проливающего кровь, выходящего невредимым из любых самых рискованных ситуаций (Джеймс Бонд, Макс Хаммер, Никита, Нико). Копии с таких клишированных образцов существуют и с огромной скоростью множатся и в российском кино, телевидении, литературе («Агент национальной безопасности», «Улицы разбитых фонарей», «Пирания», «Боец»);

- усредненность (гомогенизация), унификация. Тексты коммерческой массовой культуры ориентированы на «среднего» человека, в котором нивелируются индивидуальные особенности. Отсюда упрощение, примитивизация культурной информации;

- тривиализация - нивелировка культурной информации. Массовая культура создает идолов для подражания («звезд» кино, эстрады, спорта и пр.), стандарты поведения и мышления. При этом могут использоваться и образцы элитарной культуры, например, мелодии и даже целые произведения композиторов-классиков: Баха, Бетховена, Рахманинова, Чайковского и др. в «попсовой» обработке, что делает их более упрощенными, но и более привычными, благодаря стандартизованным единообразным ритмическим клише, и потому легче воспринимаемыми в современной аудитории, прежде всего, молодежной. В таких облегченных вариантах иногда выступает и фольклор;

- деиндивидуализация, дегуманизация. Человек является не целью, а средством в общей массе потребителей культурных текстов, для нее создаваемых, ему предлагаемых. Это проявляется, например, в существовании в российской повседневной жизни слоганов, предлагаемых СМИ («Не тормози, сникерсни!»);

- мифологизация, мифотворчество. В первобытном обществе миф был исторически сформированной первой формой познания мира и адаптации в нем. В современном мире миф целенаправленно создается и с помощью СМИ внедряется в массовое сознание. Например, мифом является распространяемое в России 1990-х гг. представление о рынке, который якобы сам собойотрегулирует все макро- и

микроэкономические процессы, приведет к экономическому процветанию;

- эстетизация ужасного, страшного, патологического. Маскультовские сюжеты (литературные, кино- и телевизионные) изобилуют кровавыми преступлениями идеологических противников, деяниями монстров (инопланетян, фантастических чудовищ, вампиров и пр.). С одной стороны, это травмирует психику реципиента (зрителя, слушателя), с другой, - формирует отношение к реальным ужасам как к чему-то обыденному, привычному, снижает порог чувствительности;

- мода в текстах массовой культуры как стимул изменений в культурных текстах, технологиях, а также роста потребления. Потребителю предлагаются новая одежда, автомобили, бытовая техника, новые украшения, новый дизайн для дома и пр. не потому, что прежние плохо выполняют свои функции или вышли из строя, но якобы «морально устарели». Для стимулирования потребителя создается культ вещи как образцов для подражания.

Современный человек выступает одновременно и как индивид, и как член локальной социальной группы и массовой социальной общности. Поэтому суть его как бы двуедина: он одновременно выступает и как индивидуальный и как массовый. Однако в рамках коммерческой массовой культуры, целенаправленно создаваемой и «внешней», по отношению к человеку, преобладает ориентация на индивида не как субъекта культуры, а как на объект воздействия. С этим связана проблема реального назначения, функций массовой культуры в современных условиях. Как специфическое порождение индустриального общества она приобретает специфические роли, на которых следует остановиться особо.

1. Развлекательная функция считается одной из основополагающих для массовой культуры. Универсальность массовой культуры достигается путем упрощения и обращения к базовым инстинктам, к потребностям релаксации, отдыха и развлечений³¹, то есть «массовая культура - такое поле опыта, в котором не думают, а разряжают психику³²».

2. Коммерческая функция – функция получения прибыли. Целью индустрии культуры является не расширение кругозора, но безудержное потребление, значит, и увеличение доходности, получение коммерческого эффекта для создателей и владельцев арсенала массовой культуры. На это ориентированы разные виды массовой продукции. Так, исследование особенностей телесериалов показало, что

---

³¹ Теплиц К. Т. Все для всех. Массовая культура и современный человек// Человек: образ и сущность. М., 2000. С. 242-284; Бирюкова М. А. Указ. соч. С. 41.

³² Фролова М. и др. Указ. соч. С. 38.

в их текстах (сюжетах) закодировано сообщение корпорации (фирмы), являющейся спонсором сериала. Наиболее удачно оно было реализовано в своем первом варианте - производстве мыла, когда соответствующие фирмы финансировали создание, так называемых, «мыльных опер».

Концентрированным выражением этих процессов и средством реализации данной функции стала реклама. Она построена на легко запоминаемых, узнаваемых образах-клише, будь то зубная паста, очередная поп-звезда, новый кинофильм, способы и средства лечения от определенных или всех болезней сразу. Производители рекламы утверждают, что они дают широкий простор для свободного выбора. Критики видят в ней навязывание стандартов, манипуляции потребителем и, соответственно, давление, ограничение свободного выбора.

3. Функция формирования установки на потребительство (консюмеризм). Принцип формирования потребительской психологии состоит в ограничении интересов массового человека материальными составляющими жизни. Потому культурные тексты, предлагаемые человеку, просты и легко воспринимаемы, даже примитивны. Он должен потреблять то, что ему предлагают, т. е. стать пассивным, некритичным потребителем культурной и любой другой продукции: косметики, медикаментов, автомобилей, модной одежды и т. п. Возникает, так называемый, феномен социального конструирования идентичности, т. е. принадлежности к той или иной группе. Это конструирование представляет собой процесс использования одежды, популярной музыки или занятий определенными видами спорта для обозначения себя как члена той или иной группы или, наоборот, для подчеркивания своей отстраненности от нее³³. Массовый человек в зеркале массовой культуры ощущает себя «как все». Самоутверждение в массовой культуре происходит за счет деромантизации, дегероизации, что означает закрепление взглядов о бессмысленности бытия. Естественным состоянием человека в пространстве массовой культуры становится потребительство. При этом формируется и закрепляется позиция, противоположная творческой³⁴.

М. Кастельс отмечает, что СМИ, на которых и зиждется массовая культура, вынуждены трансформироваться так, чтобы подходить аудитории, а «газеты и журналы стали специализироваться, ... ориентируясь на целевые аудитории... Что же до книг, то они остались

³³ Мельникова О. Т., Ширков Ю. Э., Фоломеева Т. В. Потребительское поведение: теория и действительность // Социальная психология в современном мире. М., 2002. С. 269.

³⁴ Самохвалова В. И. Маскульт и маленький человек // Философские науки. 2001. №1. С. 58.

книгами, хотя во многих из них чувствуется бессознательное желание авторов превратить их в телевизионные сценарии»³⁵. Аргентинский ученый К. Саломон заключает, что глобальные культурно-информационные стереотипы «зомбируют» сознание и деятельность широких масс почти во всех странах мира. Неслучайно М. Кастельс связывает успех телевидения с ленностью аудитории,³⁶ сознание которой, как уже отмечалось, является потребительским.

4. Компенсаторная функция, т. е. отвлечение, бегство от действительности (эскапизм) в мир вымышленных видений, мир мечты, где каждый может найти друзей, свое место в жизни и вообще, достигнуть всего желаемого не обязательно упорным трудом, а благодаря удачному стечению обстоятельств. Потребителю (реципиенту) предлагается квазиреальный мир, сконструированный из близких к реальным, хорошо клишированных и достаточно простых элементов, который делает для зрителя, например, текст телесериала как бы частью жизни, в которую он погружается ежедневно.

5. Нормативно-регулятивная функция обеспечивает целенаправленное формирование одних норм, ценностей, эталонов, представлений и разрушение других не усилиями самого человека, а волей владельцев культурной индустрии. Формируются модели потребительского сознания, модели поведения: «Что мы делаем, когда собираемся вместе? Да пиво пьем». Таким образом происходит смещение ценностей, критериев, навязывание их аудитории.

6. Знаково-семантическая функция (ее иногда называют демонстрационной). Обладание определенной вещью, произведением искусства и пр. становится показателем престижа, принадлежности к определенному социальному слою. Предметы роскоши, художественные произведения, даже тиражированные, становятся социальным знаком.

7. Функция социализации массовой культуры означает адаптацию человека к изменчивой среде большого города, что осуществляется, во-первых, путем упрощения ценностей, а во-вторых, постоянным повторением образцов, превращением их в стереотипы поведения («Где ты был? - Пиво пил!»).

8. На наш взгляд, достаточно правомерным было бы выделение еще одной функции массовой культуры – идеологической. Особенностью масскультовых текстов, как уже отмечалось выше, является мифологичность. Это означает, что с помощью выполненных

---

³⁵ Кастельс М. Указ. соч. С. 317.

³⁶ Там же; Саломон К. Культурная экспансия и мировая экономика//Мировая экономика и международные отношения. 2000. №1. С. 108.

по определенному заказу и реализованных в СМИ с использованием психотехник текстов, у реципиентов формируются не только ценности повседневного потребления, но и определенные идеологические, политические установки. Теория массовой коммуникации в настоящее время накопила большой методологический и методический материал относительно управления сознанием огромных гетерогенных общностей, коллективных представлений и массовых реакций на события. При этом отмечается высокая степень внушаемости массовых аудиторий. Если же выявляется избирательность индивидуального сознания по отношению к навязываемым ему эталонам и ценностям, то обычно источник этого усматривается в рудиментарном действии норм, ценностей, установок тех групп, к которым индивид принадлежал ранее³⁷.

9. Ряд исследователей полагает, что задача массовой культуры – дать человеку ориентировку в стандартной ситуации, сообщить ему минимум культурных сведений, т.е. придают ей адаптивную функцию³⁸.

Современная массовая культура существует в информационном обществе. Это дало основание М. Кастельсу ввести понятие «культура реальной виртуальности», а основным ее источником считать новую коммуникационную систему, включающую в себя социальные институты, политику правительств, стратегии бизнеса и прочее³⁹. К настоящему времени стала очевидной сложная, неоднородная, многофункциональная структура массовой культуры, требующая для своего исследования комплексного научного подхода. Неоднозначно оценивается и ее роль для современного общества, неотъемлемой частью которого она является. По сути дела, массовая культура — это та форма, которую принимает культурное развитие в условиях индустриальной цивилизации, в условиях массового индустриального общества.

В ней можно выделить сочетание «архетипического» с новейшими наслоениями, связанными с достижениями научно-технического прогресса и социокультурными процессами рубежа XX-XXI вв., и общим для всей современной культуры снятием нравственных запретов. В массовой культуре сегодня отмена нравственных «табу» нередко балансирует на грани патологии, угрожая тем защитным консервативным «фильтрам», которыми она была так сильна еще недавно. Проблемы, связанные с существованием и превалированием в

---

³⁷ Гуревич П. С. Указ. соч. С. 245.

³⁸ См.: Фетисова Т. Культурологические аспекты информационного общества // Человек: образ и сущность: Ежегодник: Массовая культура. М., 2000. С. 105-113; Бирюкова М. А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур // Философские науки. 2001. №1. С. 38.

³⁹ Кастельс М. Указ. соч. С. 316.

обществе массовой культуры, тем не менее, остаются и требуют своего дальнейшего изучения: стереотипы, формируемые масскультом – необходимость или угроза индивидуальности? Какова судьба свободы личности в обществе масскульты? Какова динамика развития массовой культуры в будущем?

Действительно, так ли атрадиционна массовая культура? Ведь в мышлении человека нет ничего, чего не было бы в опыте, истории человечества. К тому же деструктивное воздействие информационных культурных стереотипов, которое вольно или невольно испытывает на себе практически каждый, возможно сдерживать, нивелировать, используя одновременное воздействие образцов высокой культуры. Кроме того, в глоболизирующемся мире по-новому раскрываются перспективы развития локальных, национальных культур. Шведский исследователь У. Ханнерс, который делит людей по отношению к многообразию культур на космополитов и провинциалов, замечает, что если бы в мире жили только провинциалы, то мировая культура была бы просто суммой отдельных частей. Если бы не провинциальные культуры, то в процессе глобализации все бы стали провинциалами на глобальном уровне⁴⁰.

Очевидно, что в современном мире актуальной становится проблема соотношения, сосуществования массовой и национальной культур (при этом подразумевается, что национальная культура не просто воспроизводит этнокультурные особенности данного народа, но служит условием его жизни в общецивилизационном пространстве), а также перспектив развития тенденций к массовости традиционных культур в эпоху глобализации.

1. 3. НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС ЛИЧНОСТНОГО

РАЗВИТИЯ

Культура, в самом широком представлении, включает надбиологические программы деятельности, поведения, общения,

---

⁴⁰ Hhannerz U. Cosmopolitans and locals in world culture // Theory , culture and society. L. etc., 1990. Vol. 7. №4. P. 237-251.

которые не только фиксируют и передают последующим поколениям знания, поведенческие и речевые нормы, навыки, идеалы, образцы, гипотезы, верования, цели, ценностные ориентации, образующие в совокупности исторически накапливаемый, постоянно изменяющийся мир культуры, но и генерируют новые конструкты, отражающие реальные изменения в человеке и обществе.

Понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых всей повседневной и творческой деятельностью человека, рассматривается П. А. Сорокиным как неразрывная триада: личность, общество, культура. «Структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга»: 1) *личность* как субъект взаимодействия, 2) *общество* как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) *культура* как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения»⁴¹. Данный принцип является, по нашему мнению, основополагающим при рассмотрении доминантного воздействия культуры на развитие личности.

Особое место в иерархии видов культуры занимает *народная культура*, которая представляет устойчивую совокупность обычаев, верований, миропониманий, мировоззрений, правовых, этических и эстетических норм, сложившуюся в ходе исторического развития человеческих отношений, начиная от первобытно-общинного уровня до формирования наций и национальной культуры, и востребованную в своих образцах до настоящего времени. Являясь достаточно стабильной и относительно устойчивой системой, которая остается почти одинаковой для многих людей, она вбирает в себя стереотипы, традиции и нормы повседневной жизни, которые характерны для большинства населения и передаются от поколения к поколению. «Специфика народной культуры состоит в том, что ее базовые элементы, ее «онтология», заключены, прежде всего, в реальном *действии*. В генезисе духовной культуры первичен ритуал, в котором человек повторяет, тиражирует поступки обожествленного предка, демиурга и тем самым поддерживает существование мира»⁴².

Народной культуре соответствует определенная картина мира, символика, стереотипы, через призму которых человеком воспринимается окружающее социальное и природное пространство.

---

⁴¹ Сорокин П. А. Личность, общество и культура как неразрывная триада // П. А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 218-219.

⁴² Власов В. Г. Онтология народной медицины // Человек. 2001. №3. С. 69.

Картина мира представляет, в самом широком понимании, взгляд носителя культуры на внешний мир. Символы входят в состав культуры, но их природа основывается, прежде всего, на способности человека координировать свои поступки, направлять свою деятельность на достижение определенных целей и выполнение конкретных задач.

Культура народа может приобретать всемирное значение и известность при наличии, как минимум двух условий:

во-первых, если представленные в ней ценности становятся достоянием не только одного народа, но и значительной части человечества,

во-вторых, если она является стратегическим ресурсом личностного развития носителей,

в-третьих, если она сохраняется и поддерживается на уровне региона, страны.

Следует выделить такие важные принципы развития народной культуры, как:

- неоднородность и открытость,
- динамизм и синкретизм,
- стабильность и диалогизм,
- взаимосвязь и дополнительность.

Вполне возможно, что это далеко не полный перечень принципов, однако именно он, по нашему мнению, дает общее представление о специфике и динамике развития народной культуры. Рассмотрим некоторые принципы более подробно в связи с их особой актуальностью в условиях глобализационных социальных процессов.

Целостность народной культуры не исключает ее неоднородности, например, существования таких противоположностей, как: народное православие и магия, народная этика и православные обряды. «Говоря о целостности, необходимо подчеркнуть, что самое важное здесь – внутренняя взаимосвязь всего со всем, главное это наше целостное мировоззрение, оказывающее влияние на ценностные представления»⁴³. Развитие целостной народной культуры осуществляется не только благодаря внутренней динамике ее базовых компонентов, но и в связи с внешним воздействием самых разнообразных социальных и природных явлений. «Имманентное развитие культуры, - как справедливо отмечал Ю. М. Лотман, - не может осуществляться без постоянного притекания текстов извне»⁴⁴, в

---

⁴³ Бом Д. Наука и духовность: необходимость изменений в культуре // Человек. 1993. № 1. С. 13.

⁴⁴ Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии

качестве которых могут быть представлены самые разнообразные образцы культуры и виды информации.

В силу своей открытости народная культура подвержена изменениям, которые являются неизбежными свидетелями ее динамики: носитель культуры может, пусть очень медленно, постепенно, но уходить от некоторых, явно устаревших, традиций, привычек, ритуалов, норм и форм общения и поведения и приобретать новые. Вместе с тем, следует помнить и учитывать хрупкость и уязвимость элементов народной культуры, тем более, что она испытывает негативное влияние внутренних и внешних культурных образцов, трансформируемых благодаря динамичному продуктивно-репродуктивному существованию самого человека, который активно осваивает действительность через язык, познание, воспитание, общение.

Народная культура дает человеку определенную стабильность и защищенность, которые объясняют его «встроенность» в определенный культурный мир. При этом его личностная реализация в коммуникативно-дискурсных практиках, любой контакт с иными культурами сопровождается мощным слоем предпосылок, направляющих все действия носителя данной народной культуры. Именно они обеспечивают определенную смысловую основу, которая помогает постижению иных культур, исходя из ментальности контактеров. Исторической особенностью развития русской культуры является резкое расхождение общепринятого ее варианта и менее распространенной народной культуры, сохранившейся, большей частью, в глубинке, сельской местности. Бережно хранят ее артефакты, духовные традиции центры национальных культур, этнографические и краеведческие музеи.

Внешняя информация, проходя через призму народной культуры, становится более доступной, легче воспринимается и усваивается. Однако в ней вырабатываются и механизмы, в частности язык, речевое мышление, блокирующие проникновение явно диссонирующих, несовместимых с народной культурой, образцов иных культур. Отсюда следует, что диалогичность народной культуры происходит не только внутри ее базового содержательного ядра, но и за его пределами, через взаимодействие с чужими культурами. Благодаря диалогу культур не только лучше понимается и усваивается своя культура, но и осуществляется культурное приращение и интерпретация иных культурных смыслов.

Синкретизм определяет слитность и нерасчлененность базового ядра народной культуры на протяжении всего ее исторического

культуры. Таллинн. 1992. С. 116.

развития, что объясняется, с одной стороны, нерелексированностью внутренних компонентов культуры, с другой стороны, их взаимодополнительностью, которая состоит в том, что отдельный компонент культуры трудно вычленяется и осмысливается лишь в связи с дополнительными культурными элементами.

Происхождение первичных форм культуры до сих пор является достаточно дискуссионным вопросом. Большинство исследователей считает, что именно человеческий организм с его физиологическими ритмами в единстве с ритмами природной среды структурно членит окружающий мир на различные оппозиции мифа, ритуала, ритуальных изображений, пластики обрядовых танцев, ритмы речений⁴⁵.

Ритм, основанный на закономерной повторяемости в пространстве или во времени аналогичных элементов и отношений через соизмеримые интервалы, одновременно выполняет функции расчленения и интеграции впечатлений человека, полученных от взаимодействия с окружающим миром. Кроме того, он имеет начало, конец, кульминационный центр и развитие. Именно благодаря ритму осуществляется упорядоченность элементов культуры, в основе которых лежит соблюдение меры. При этом в каждой народной культуре превалирует свой ритм, который образует основу домифологического способа освоения действительности и предвосхищения ее будущего развития, когда символическая форма жеста, пластики, изображения определяет взаимоотношения человека и коллектива, взаимосвязь и взаимозаменяемость природного и культурного начала. На начальном этапе развития культуры поведение людей детерминировано не системой императивных норм, абстрагированных от чувственно-воспринимаемого мира, а чувственно-эмоциональными ритмами соприкосновения и единения социокультурного, природного миров и человеческого тела. Народная культура, ориентированная на ритмические закономерности, существующие как в самом человеке, так и в окружающем его мире, облегчает ему восприятие, понимание и взаимоотношения между ними.

Последующее развитие народной культуры закрепляет традиционное наследование как способ практически-духовного существования народной памяти, коллективной автокоммуникации и индивидуального использования коллективного опыта, не исключающего творческое прочтение и переработку культурного материала. Происходит постепенное становление профессиональной (авторской) культуры, находящейся в напряженном диалектическом

---

⁴⁵ См.: Эйзенштейн О. М. Психология искусства // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. С. 198; Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 102-103.

диалоге с народной культурой как культурой народного понимания и осмысления, народного чувства и народного опыта, из которой постоянно заимствуются идеи, образы, ритмы, символы, образцы, элементы и комплексы, как для повседневного пользования, так и для развития профессиональной (авторской) культуры.

Народная медицина как важная составляющая народной культуры, «при всем ее своеобразии и видимом несовершенстве, всегда выполняла свою культурно-историческую миссию»⁴⁶ и является востребованной вплоть до настоящего времени. Достаточно широко используются традиции, а также народные религиозные воззрения, народные молитвы, народная магия, заговоры, смеховая культура, имеющие глубокие исторические и социально-культурные корни. Возможно, это связано также и с тем обстоятельством, что «в народной культуре дистанция между Богом и человеком предельно сокращена в силу специфического понимания молитвы»⁴⁷, которая является одновременно:

во-первых, акцией, то есть действием, направленным на достижение человеком какой-то важной лично для него или для близких ему людей цели (моление, взывание, благодарение, прошение),

во-вторых, духовным словом, которое играет для человека роль путевода и охранителя в противоречивом и небезопасном внешнем мире,

в-третьих, актом народной духовной терапии, гармонизирующим внутренний мир человека и его взаимоотношения с другими людьми и социальными институтами.

Важным компонентом народной культуры русского человека всегда являлась смеховая культура, которая часто помогала ему физически и духовно выжить в самых непростых, даже тупиковых ситуациях. Следует отметить, что у каждого народа свое отношение к различным видам проявления комического и свои виды смеха, из чего следует, что в каждой народной культуре есть свой «карнавал», в котором «сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью»⁴⁸.

На Руси всегда было много различных увеселений, игр, забав. Особенно популярными являлись группы скоморохов, составляющие в некотором смысле ремесленный цех. Они соединяли в себе разные способы развеивать скуку толпы: играли на гудке, били в барабаны, домры, накры, плясали, показывали выученных собак и медведей. С

---

⁴⁶ Власов В. Г. Онтология народной медицины // Человек. 2001. №3. С. 67.

⁴⁷ Филатова В. Ф. Магия и народное православие // Человек. 2009. № 6. С. 79-80.

⁴⁸ Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С.13.

ними были также глумцы (шутники), стихотворцы-потешники, которые умели веселить народ прибаутками, рассказами, острым словом, разыгрыванием сценических представлений, наряжаясь для этого в скоморошное платье или используя кукол. В праздничные дни веселье шло целый день и вечер за полночь. Праздники различались, исходя из следующих критериев:

- сезонные (зимние, летние, смешенные),
- гендерные (мужские, женские, смешенные),
- видовые (танцевальные, музыкальные, игровые и другие).

Данные увеселения чаще всего преследовались официальной церковью и властными структурами, потому что считались бесовским «потешением», пустой тратой времени, духовным «развращением». «Однако русский народ постоянно соблазнялся запрещенным плодом; несмотря на то, что музыка запрещалась не только Церковью, но и светской властью, славянская натура вырывалась из византийской рамки, в которую ее старались заключить»⁴⁹.

Интересны наблюдения русских и западных художников, стремившихся постичь уникальность русской культуры через постижение русской души или «русскости», особенно при написании портретов, сценок из повседневной жизни, общения с персонажами своих картин.

Так, французский художник Ж.-Б. Лепрекс, посетивший Россию в век Екатерины II, вначале, как отличительный признак народной культуры, выделяет совокупность социальных типов (стрельцы, духовенство, торговцы и другие), позже он отмечает наличие этнических культур (чувашская, мордовская и др.). Художник стремится понять, что представляет «русскость» как набор верований, обрядов, ритуалов, праздников и приходит к выводу: русские всегда живут по-русски. Даже развлекательные мероприятия у них проходили не по-европейски, а в русском духе. Ж.-Б. Лепрекс тонко фиксирует культурные отличия «русской повседневности» от западноевропейской⁵⁰.

Немецкий художник Х.-Г.-Г. Гейслер создавал картины на те же темы из жизни русского народа, что и Ж.-Б. Лепрекс, однако, он атрибутирует идею о том, что русские люди «меряют мир своим телом». В его рисунках есть принципиальные отличия от русского лубка, в котором присутствует самоирония, у него же доминантой является дискриминационная насмешка. Визуальной стратегией отчуждения Х.-Г.-Г. Гейслер передает культурную инаковость нашего народа,

---

⁴⁹ История русской культуры. М., 2006. С. 194.

⁵⁰ Вишленкова Е. А. «Тело для народа или «увидеть русского дано не каждому» // Человек. № 3. 2008. С. 101.

«русскость» которого он так и не смог постичь и который остается для него народом-варваром.

Интересна и диаметрально противоположна позиция русского художника Е. Корнеева, который изображает русский характер через красоту и неповторимость русского лица. Он создает образ русской красоты, оттенив его нерусскостью. По мнению Е. Корнеева, русский народ красив, здоров, добротен и чисто одет, следовательно, делает вывод он: душа и помыслы у него чисты. Дородность, полагает художник, является нормой естественной повседневной жизни и внешним признаком русской народности. Он выводит «русскость» за пределы регионального и социального пространства и представляет интегративный «портрет России как поликультурного пространства»⁵¹.

Современная глобализация всех социальных сфер жизнедеятельности человека и общества является сложным, достаточно противоречивым, необратимым процессом, который оказывает значительное воздействие на все изменения, происходящие в культуре и образовании. Культурными следствиями глобализации являются унификация и многообразие культур, универсализм и потеря самобытности. Возникающий при этом конфликт культур, по мнению известного социолога К. Поланьи⁵², может привести даже к социальной катастрофе, сутью которой является «культурное вырождение», как прямой результат стремительного и безжалостного разрушения фундаментальных социальных институтов вне зависимости от того, использовалось ли при этом насилие или нет.

Существует и менее радикальная позиция относительно последствий глобализации, связанная с расширением контактов на уровне систем образования, диалога культур, которые способствуют сближению народов, усвоению новых культурных образцов, хотя отмечается, что этот процесс также достаточно сложен и противоречив. «Один народ заимствует у другого не все подряд, а лишь то, что: а) является близким его собственной культуре...; б) принесет явную или скрытую выгоду, поднимет престиж народа, позволит продвинуться вверх по ступенькам прогресса, даст преимущество перед другими народами; в) отвечает внутренним потребностям данного этноса, т. е. удовлетворяет такие фундаментальные потребности, которые не могут удовлетворять культурные артефакты и культурные комплексы, имеющиеся в распоряжении»⁵³.

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева и др. СПб., 2002. С. 176.

⁵³ Добренков В. И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006. С. 179. См. также: Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006; Многоликая

Еще в XIX в. многие русские ученые - представители естествознания, философии, социологии, а также деятели мира искусства выступали против бездумного «европейничанья». Об этом писали Н. А. Данилевский в книге «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому» миру, П. Я. Чаадаев в работе «Философические письма», К. Н. Леонтьев в работе «Византизм и славянство», В. С. Соловьев в своем фундаментальном трактате «Русская идея». Однако наша современность демонстрирует примеры и чрезмерных заимствований, которые опасны потерей культурной самобытности, нивелировкой ментальных ценностей. Можно констатировать, что в настоящее время культурный мир Западной Европы находится под преимущественным воздействием американской культуры, влияние которой постепенно продвигается на Восток, проникает в Индию, Японию и другие страны этого региона.

В каждой культуре, в том числе и народной, можно выявить некоторую ценностную доминанту – парадигму, «которая являет собой размытое поле ценностных представлений, разные участки которого имеют разные вероятностные веса. Наряду с доминирующей парадигмой существуют субпарадигмы, которые находятся в подполье культуры: это ростки будущего. Не все они могут реализоваться, но при определенных конкретных условиях спонтанно создается такой фильтр выбора, который запускает в рост одни идеи и ценностные представления и блокирует либо тормозит другие»⁵⁴. Вполне возможно, что современное образование, которое является единственной сферой общества, полностью себя воспроизводящей, может стать в ближайшем будущем подобным катализатором, фильтром, способным активизировать ресурсные возможности народной культуры и направить их на развитие личности обучающегося. Хотя одновременно отметим, что современная система дошкольного, школьного, вузовского, дополнительного, семейного образования и воспитания до настоящего времени недостаточно использует богатейшие возможности народной культуры как стратегического ресурса личностного развития.

Не следует забывать и о том, что народная культура всегда нуждается в бережном к себе отношении, поддержке, распространении, изучении, осмыслении и расшифровке. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия настоятельно рекомендует «проводить общую политику, направленную на придание

глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.

⁵⁴ Золотухина-Аболина Е. В. В. В. Налимов. М., 2005. С. 59.

культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программу общего планирования»⁵⁵. Отсюда образовательные и культурные учреждения должны постоянно и систематически заниматься данным направлением работы при поддержке всех заинтересованных партнеров.

В настоящее время существует реальная потребность в личностях со сформированным социально-волевым началом, которые ответственны за свои слова и действия и готовы выполнить возложенную на них миссию, связанную с производственной, семейной, образовательной, культурной и другими социальными сферами. Личность является инициатором последовательного ряда жизненных событий. М. М. Бахтин определил ее в качестве «субъекта поступания», подчеркивая тем самым безграничные возможности и мотивации индивида.

Достоинство современной личности определяется не только тем, что ей в жизни удалось, состоялась она или нет, а что она взяла под свою ответственность, что сама себе вменила и способна ли она ради этого на определенный риск. В настоящее время без взятой на себя ответственности, вменяемости, способности рисковать сложно чего-либо существенного в профессиональной и личной жизни достичь, а значит, и состояться как полноценная личность. Это подтверждается и мнением известного философа В. В. Налимова, который полагал, что личность обладает особой способностью «к вариабельности, гибкости. Это не удивительно, так как личность – не столько состояние, сколько процесс»⁵⁶.

Существуют правила социального поведения человека, которые можно возвести в принцип его жизнедеятельности и которые не устарели до сих пор. Например, философское кредо личности было определено И. Кантом в двух хорошо известных его жизненных установках:

во-первых, «дай себе закон»,

во-вторых, «поступай так, чтобы максима твоего поведения во всякое время могла бы быть и нормой всеобщего законодательства».

Принципы и установки русской народной культуры также можно рассматривать в качестве важного стратегического ресурса личностного развития еще и потому, что она помогает самоидентификации человека, то есть формированию у него

---

⁵⁵ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (Текст) // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М., 1999. С. 11.

⁵⁶ Золотухина-Аболина Е. В. В. В. Налимов. М., 2005. С. 66.

представления о самом себе как о целостной и уникальной личности и соответствующей презентации себя другим. Картина мира, оценки, ценности, способы восприятия природы, общества, времени, идеалы закладываются в сознании человека, основываясь на традициях, и незаметно для него, изменяются в процессе общественной практики, однако времена меняются, и мы вынуждены меняться вместе с ними. Поэтому особую актуальность утверждение значимости народной культуры в личностном развитии приобретает в настоящее время в связи с тем, что в условиях открытого общества возрастает число мигрантов, переселенцев, беженцев, которые нуждаются в социализации и их необходимо провести через нашу систему отечественного образования и народной культуры. Это необходимо, прежде всего, для них самих, чтобы они могли жить, работать, учиться без особых социальных проблем в выбранной ими стране проживания.

Кроме того, в каждой народной культуре есть собственные способы социальной передачи информации и механизмы поддержания и действия традиции, которые могут отличаться целым рядом обстоятельств:

- во-первых, различной ролью непосредственного (устного) и опосредованного (письменного, электронного и др.) взаимодействия между контактерами,

- во-вторых, большей или меньшей ролью обрядовости, ритуалов, обычаев,

- в-третьих, разным уровнем доступности освоения народной культуры для носителей других культур,

- в-четвертых, процедурой закрепления и истолкования значений символов в ритуалах и обычаях.

Овладевая существующими в обществе традициями, нормами, обычаями, приемами и способами деятельности, индивид осваивает, достраивает, изменяет и развивает свой собственный культурный мир. Один из первых исследователей идентификации Э. Эриксон, считал, что идентичность является основой целостности личности, ее непрерывности во времени и способности справляться с внутренними конфликтами⁵⁷. Данная идея особенно актуальна в современном информационном обществе, когда в условиях кризиса индивидуальной и коллективной идентичности большинство людей начинает испытывать затруднения при соотнесении себя с конкретной культурой, языком, социальной группой. Особенно это ощутимо при размытости, нечеткой выявленности идеалов, привычек, социально

---

⁵⁷ См. подробнее: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996; Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.

значимых моделей и норм поведения и речевого общения, рода занятий.

Главными идентифицирующими признаками в настоящее время рассматриваются самобытная культура, язык, профессиональные отличия, особенности поведенческих стереотипов. Поэтому для успешной самоидентификации человек должен иметь четкое представление об окружающем его социальном мире, социальной группе, культуре, языке, местности, которые он мог бы классифицировать как «свои» и найти в них свое собственное место. Следует особо отметить, что в сложном диалектическом взаимодействии находятся языки народов и их идентичности, при этом «даже малейшие различия» в языке тут же «наполняются огромным культурным смыслом»⁵⁸, затрудняющим идентификацию индивида.

Отсюда не вызывает сомнения взаимосвязь народной культуры и ментальности, которые не просто дополняют друг друга, а составляют некоторую целостность, представленную, с одной стороны, традициями, обычаями, нравами данного народа, а с другой стороны, определенной направленностью, заданностью индивидуального и группового сознания его представителей. Ментальность аккумулирует надындивидуальное в народном сознании, обусловленное его культурой, в ней откладываются исторический опыт народа, все перипетии его формирования и развития. Любые инновационные социальные формы, которые в последнее время активно заимствуются (рыночная экономика, правовое государство, двухуровневая система высшего образования, новейшие информационные образовательные технологии), «не являются культурно нейтральными», «они имеют глубинную социокультурную основу». В этих ситуациях реализуется основная миссия ментальности, выступающей как инвариант бытия, как «своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах не исключая катастрофические»⁵⁹. Последнее обстоятельство нам бы хотелось отметить особо в связи с возрастанием роли и значения ментальных установок в современном обществе риска.

Следует согласиться с тем, что ментальности как социально-историческому конструкту справедливо «придается функция интерпретационной модели, выражающей одну из сторон бытия социальных общностей»⁶⁰, одновременно, сохраняющей «свое» и

⁵⁸ Джозеф Д. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 16.

⁵⁹ Российская ментальность (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. №1. С. 34, 30.

⁶⁰ Кусов В. Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 134.

отделяющей его от «чужого». Несложно выявить устойчивые (инерционные) элементы культурного опыта – традиции, которые придают ему целостность, системность, завершенность, устойчивость и воплощаются в идеях, ценностях, обычаях, обрядах, способах мировосприятия, нормах поведения, передаваемых от поколения к поколению. Можно выделить научные, религиозные, национальные, трудовые, профессиональные традиции. Особое место в народной культуре занимают морально-этические и эстетические традиции, которые регулируют взаимоотношения людей в политике, экономике, науке, на работе, в быту, учебных заведениях, местах отдыха. В нравственных нормах и принципах откладывается всеобщее, имеющее непреходящее значение, составляющее культуру межличностных отношений в обществе. Например, сфера эстетического отношения к действительности также носит всеобъемлющий характер традиции. Прекрасное и красивое всегда существовали и существуют в природном, социокультурном, личностном мирах. Каждому человеку присущи эстетические эмоции, переживания, чувства, оценки, вкус, идеал, однако, степень развитости эстетической культуры у разных людей неодинакова и зависит во многом от ментальности, включающей эстетический опыт носителей народной культуры. Исторически изменчивы и идеалы красоты.

В народной культуре существуют свои эстетические, моральные, религиозные, политические, правовые нормы. Они представляют структуру, организующую культурный мир народа в единое целое, являются системой поведенческих, коммуникативных ожиданий, культурным образом того, как должно осуществляться то или иное действие, и утверждаются вначале в обыденном сознании человека, а затем в его реальных поступках, продуктах деятельности. Их можно классифицировать по степени повышения общественной значимости на обычаи, нравственные нормы, законы.

Обычаи и способы восприятия складываются тысячелетиями и передаются от поколения к поколению. К ним традиционно относят повторяющиеся, привычные способы поведения людей в определенных ситуациях: общепринятые приемы в труде, распространенные формы взаимоотношений людей в быту и семье, ритуалы, отражающие особенности жизни народа. В обычаях находят свое проявление и нравы. Они имеют силу общественной привычки и влияют на поведение людей

Нравственные нормы возникают в самой практике массового взаимного общения, воспитываются ежедневно силой привычки, общественного мнения, оценок близких людей. Даже маленький ребенок по реакции взрослых достаточно точно определяет границы

своего возможного и реального поведения. Большую роль в формировании норм народной культуры, характерных для данного общества, играют одобрение и осуждение окружающих, сила личного и коллективного примера, наглядные образцы поведения, представленные в реальной жизни, научной, учебной, художественной литературе, народном творчестве.

Нормативность народной культуры поддерживается не только в ходе межличностных, массовых взаимоотношений людей, но и в функционировании различных социальных институтов, прежде всего, в системе образования. В переработанном виде нормы народной культуры воплощаются в идеологии, этических учениях, образовательных и религиозных концепциях. Огромную роль в передаче духовного опыта от поколения к поколению играет система образования, потому что вступающий в социальную жизнь молодой человек усваивает не только знания, но и принципы, нормы поведения и восприятия, понимания и отношения к окружающему миру. Как мы видим, традиционные нормы народной культуры становятся способом наследования, предполагая как свою основу:

во-первых, связь поколений посредством обучения (обмен деятельностью и способностями),

во-вторых, хранение и распространение элементов наследия,

в-третьих, расшифровка и осмысление элементов наследия применительно к нуждам жизненной практики, то есть атрибуцию наследия.

Из этого следует, что нормы культуры достаточно практичны, хотя бы уже потому, что, поступая определенным образом, ее носитель ожидает ответного поступка, действия, слова, дара и т. д. со стороны видимых и невидимых «других».

Опасен разрыв между доминантами народной культуры и приоритетами образования. Следует прислушаться к мнению ученых, отмечающих первые проявления феномена ненаследования народной культуры, распад связи времен, потерю социальной памяти, которые постепенно приобретают глобальный характер и которые невозможно объяснить только всеобщей компьютеризацией, использованием интернет-технологий, дистанционным образованием и другими феноменами информационной цивилизации. В современной префигуративной культуре, где взрослые учатся также у своих детей, отражается время, в котором живет настоящее поколение. Молодежь, являющаяся гражданами различных стран, говорящая на разных языках, принадлежащая разным конфессиям, но объединенная электронной

коммуникативной сетью, приобретает такой опыт деятельности, поведения, общения, которого никогда не было у старшего поколения⁶¹.

Старшее поколение, наоборот, никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта. Современные дети вырастают в совершенно ином культурно-образовательном мире. Старшее поколение, в своем большинстве, не знает, не понимает и не может осмыслить ценности, символику и атрибутику молодых, что провоцирует «запланированные» противоречия и риски, потому что отсутствует по многим параметрам преемственность поколений. Одновременно оно выражает большую обеспокоенность тем, что молодежь забывает родной язык, традиции, обычаи, что она все сильнее дистанцируется от народной культуры⁶². Отсюда становится понятным и обратный процесс: почему так трудно воспринимаются и усваиваются молодыми людьми народная культура, классическое музыкальное искусство, литература, фольклор, этикет и, одновременно, почему так рьяно они отстаивают право на свою субкультуру, отличающуюся иным ценностным строем, иными обычаями и нормами.

Полагаем, что усвоение доминант народной культуры должно реально и системно осуществляться на всех этапах и во всех видах и формах современного непрерывного образования. Тем более что она постоянно развивается, носит открытый характер, отражает трансформации, которые претерпевают человек и общество, готова к диалогу, международным культурным контактам.

Каналами культурной диффузии могут являться такие социальные явления как: миграция, туризм, деятельность миссионеров, торговля, война, конференции, стажировки и иные научные контакты, торгово-промышленные, художественные выставки и ярмарки, обмен студентами и специалистами, повышение квалификации за рубежом. Именно в результате данных контактах становится объективно необходимой изменение отдельных норм и правил, которые перестают удовлетворять потребности человека, становятся неудобными, бесполезными, тормозящими дальнейшее развитие межличностных и межкультурных отношений.

Преобразование культурных норм происходит по-разному. Некоторые из них, например, нормы общегражданского этикета, повседневного поведения преобразуются относительно легко. Фундаментальные сдвиги, произошедшие в последнее время в отношении человека к институту семьи, имеют огромное значение,

---

⁶¹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 323.

⁶² Фортъе А. М. Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения // Логос. 2005. №4. С.173-184; Глухова А. В. Социокультурный конфликт как фактор современного политического процесса // Там же. С. 185-199.

поскольку именно в семье в процессе освоения норм народной культуры складывается личность и формируется ее культурный мир. Другие нормы, к которым относятся государственные законы, религиозные традиции, нормы языкового общения, изменить крайне сложно и болезненно как для отдельного человека, так и для общества в целом. В них нельзя грубо вмешиваться, пытаться резко «улучшить», потому что могут быть нарушены тонкие и сложные механизмы народной культуры, разорвана историческая память.

В каждой народной культуре возникают неустойчивые, инновационные (нетрадиционные) элементы культурного обновления, которые еще не стали частью менталитета его носителя. Творчество представляет иную сторону развития народной культуры. Человек, являясь субъектом творческой деятельности, постоянно вносит элемент новизны, одни из них пополняют народную культуру, другие пополняют профессиональную (авторскую) культуру – политическую, правовую, философскую, художественную и т. д. Однако в любом случае созидание культурных инноваций имеет для системы образования, общества в целом интегральный, значимый характер. Важную роль в этом процессе играет временной фактор, потому что сиюминутного понимания значимости инновационных поисков быть не может, история все и всех расставляет на свои места. Всякая новация в культуре, имеющая глубокое содержание и ценность, проверяется временем, заново оценивается и осваивается каждым поколением в процессе образования.

Наличие традиции и творчества представляет универсальную характеристику народной культуры, а различное их соотношение и сочетание дает основание для утверждения устойчивости, современности, прогрессивности, реакционности, регрессивности культурного сообщества и его системы образования. В современном обществе базисной ценностью является обновление, поиск новых перспективных глобальных моделей и путей решения важных экономических, политических, научных, экологических, образовательно-воспитательных и иных проблем. Всякая новация - социально-политическая, техническая, технологическая, научная, художественная, образовательно-воспитательная - имеет индивидуального автора и неповторимый, уникальный характер, хотя не следует забывать, что в ее основе всегда лежит феномен народной культуры, представленный, менталитетом, потребностями, народным сознанием, идеями, установками и идеалами.

По мере исторического продвижения народов медленно изменяются смысл и набор универсалий, позволяющий осмысливать мир, организованный в целостную систему, возникают новые виды

деятельности, поведения, общения, какое-то время существующие параллельно с общепринятыми традиционными нормами культуры. Элитные сферы культуры становятся, с одной стороны, объектом рыночных отношений, инновационных поисков, с другой стороны, остаются образцом профессионального творчества. Достаточно агрессивная массовая культура преобразует повседневную жизнь, видоизменяет взаимоотношения между людьми, распространяет не всегда бесспорные знания и информацию, стандартизирует поведение, различные виды деятельности и постепенно может занять лидерское положение в культурном мире современного человека.

Сегодня наступает эпоха транскультурации - всеобщего смешения нравов и традиций. Постепенно расширяющий свои границы полиморфизм воплощается, в том числе, «и во множестве образов жизни, культивируемых различными социальными и этнокультурными группами», но здесь есть и свой позитивный момент «нивелирование культурных различий приведет к лучшему взаимопониманию и в других сферах жизни, т. е. снизит вероятность социальных и межгосударственных конфликтов»⁶³.

Таким образом, личностное развитие в информационном обществе, обществе риска в условиях модернизации современного отечественного образования во многом зависит от использования в качестве стратегического ресурса традиций народной культуры, способной развиваться, изменяться и адаптироваться к окружающей действительности, что предполагает:

во-первых, сохранение традиционных образцов деятельности, поведения, общения,

во-вторых, формирование новых идей, составляющих основу культурных инноваций, пополняющих традиционную культуру и не противоречащих ей по своей сути,

в-третьих, своевременный отказ от устаревших реликтовых элементов, тормозящих развитие культуры и образования,

в-четвертых, плодотворный творческий диалог с культурами других стран и народов,

в-пятых, позитивное соотношение традиций и творчества в народной культуре,

в-шестых, дихотомия целостности и антиномичности самого человека, являющаяся важным условием успешного развития народной культуры, самодостаточности и адаптации к социально-образовательному пространству человека.

---

⁶³ Добренков В. И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006. С. 184.

1. 4. ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Современная культура исследуется с позиций некоторых подходов, ставших особенно востребованными в последние десятилетия XX в. как наиболее органично отражающие особенности существования человечества. В этом смысле ситуационный подход является одним из перспективных и актуальных. Ученые России и зарубежья используют его при анализе ряда социальных, политических, экономических, социопсихологических и, соответственно, социокультурных явлений⁶⁴.

---

⁶⁴ См.: Ситуационные исследования. Вып.1,2. Казань, 2005, 2007; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998; Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Уроки

Под социокультурной ситуацией мы понимаем совокупность условий и обстоятельств, структурирующих социальное пространство исходя из культурного приоритета и развивающих во времени культурную доминанту процесса общественного развития на личностном, групповом уровне и уровне социума⁶⁵. Исследования, связанные с данной проблематикой, мыслятся как глобальные, общенациональные или общегосударственные, но, применительно к данному случаю следует обратить внимание именно на антропологический срез этого вопроса, уделяя внимание человекосоразмерности протекающих в ней процессов.

Уместно использовать ясперсовское понимание ситуации конкретной действительности, означающее для конкретного бытия отдельного индивида преимущество или вред, возможность или преграду⁶⁶. Немецкий исследователь О. Ф. Больнов определяет ситуацию сквозь призму человека, отмечая, что «положение становится ситуацией тогда, когда оно поставляет человеку характерные, требующие преодоления трудности, которые во время этого преодоления познаются как ограничение, за счет чего одновременно пробуждается повышенная активность человека»⁶⁷. О. Ф. Больнов подчеркивает различные – пассивные и активные – стороны ситуации, с которыми сталкивается индивид, проживая ситуацию: «ситуации суть нечто, что человек должен претерпеть. Он отдан в их распоряжение»⁶⁸. Ученый отмечает специфическое отношения человека и ситуации, называя это «заточённостью» в ситуацию, так как выйти за ее пределы человек не может, потому что попадает в другую и, таким образом, перетекает из ситуации в ситуацию, ощущая на себе тотальность данного феномена.

Такой подход, по нашему мнению, немного односторонне трактует определяемые отношения в эмоциональном аспекте, поскольку переживание ситуации и «заточённость» в неё в первую очередь оцениваются как её пассивно-негативная реализация. Однако с тем, что люди в целом воспринимают свою жизнь как ряд ситуаций, которые определяют и маркируют их бытие, трудно не согласиться. «Заточённость» подчеркивает, что человек находится непосредственно внутри социальных процессов, что его существование и есть

социальной психологии. М., 2000; Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития. Саратов, 2001; Листвина Е.В. Социокультурная ситуация: опыт исследования. Саратов, 2008.

⁶⁵См.: Листвина Е.В. Социокультурная ситуация: опыт исследования. Саратов, 2008. С. 11.

⁶⁶Цит. по: Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб., 1999. С. 82-83.

⁶⁷ Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб., 1999. С. 82.

⁶⁸ Там же. С. 84.

прохождение опыта его индивидуальных жизненных и социальных ситуаций, и вне этого его существование не может быть. Так, согласно Ю. Хабермасу, «ситуация представляет собой некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме»⁶⁹.

Также на уровне индивида ситуация связывается со смысловыми качествами. «Ситуация, - отмечает И. В. Голубович, - не столько природно-историческая, сколько смысловая действительность. Единство смысловых связей скрепляет фрагментарные ситуации в исторический универсум. Именно это смысловое отношение разрывает и расширяет границы ситуации»⁷⁰. Индивид наполняет ситуацию смыслами, которые помогают ему переживать её, преодолевать её, находиться в ней так долго, как ему позволяют его жизненные возможности и приоритеты.

В целом значение ситуационных исследований определяется тем тезисом, который удачно сформулировал Е. А. Тюгашев, полагая, что «методологическое значение категории ситуации состоит в отображении рефлексивной организации конкретного социального действия, что и позволяет ей выступать в качестве категории социокультурного анализа».⁷¹

Специфика социокультурной ситуации, на наш взгляд, состоит в том, что она представляет собой пространственно-временной континуум, развертывающийся в рамках бытия культуры. Э. В. Баркова определяет пространственно-временной континуум культуры как «форму организации бытия культуры, в которой, благодаря внутреннему единству пространства и времени, выражается, сохраняется и изменяется её содержание»⁷². Человек через постоянное перетекание ситуаций постигает социум и собственное место в нем, расставляет аксиологические акценты и выделяет ценностные приоритеты. В целом понятие пространственно-временного континуума данный исследователь характеризует как выражение «непрерывности бытия в любой качественно определённой реальности, включающей в себя процессы становления и переходов в новые стадии развития, формирование её внутренних структур, функций и этапов развития ... выражение специфики бытия, присущей только этой реальности»⁷³.

---

⁶⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 201.

⁷⁰ Голубович И. В. Ситуационный подход в контексте современного гуманитарного знания // Ситуационные исследования. Вып.1: Ситуационный подход. По материалам Всероссийского семинара. Казань, 2005. С. 18-19.

⁷¹ Тюгашев Е. А. Ситуация как категория социокультурного анализа: Парсонс – Ясперс – Гегель // www.iprofit.ru/books/96648. С. 15-16.

⁷² Баркова Э. В. Пространственно-временной континуум в онтологии культуры. Волгоград, 2002. С. 100.

⁷³ Там же.

Особенности развития социокультурной ситуации в рамках социального времени заключаются в том, что социальное время содержит в себе темпоральное соотношение между социальными системами, с одной стороны, и между социальными системами и человеком, с другой. В этом смысле ситуация имеет несколько преломлений в своём течении: общее, тотальное движение, вбирающее в себя основные социокультурные потоки, и индивидуальный вектор личностного направления, который выстраивает каждый человек на протяжении всего своего существования. И от того, как складывается «индивидуальный рисунок» каждого человека, зависит общее состояние ситуации на уровне страны, нации, общемировом уровне.

Отсюда следует, что социокультурная ситуация становится точкой, фокусирующей в себе феномен времени в различных его проявлениях. Так, в ней наличествует совокупное время, которое отражает полное бытие человека и социума, включая в себя физическое время. Кроме того, в нее вовлечено историческое время, поскольку Социокультурная ситуация вплетена в естественный ход истории и лишь вычленяется из него определенными хронологическими рамками. Также в ней отчетливо представлено локальное время, то есть ее собственное время как самостоятельного социального явления.

Не менее важна такая сторона социокультурной ситуации, как особым образом возникающее каждый раз своеобразное сочетание, или переkreщивание, социальных сил, культурных потоков и исторических условий, в которых развивается ситуация. В этом уникальность каждой ситуации, поскольку сочетание составляющих не может быть повторено. Благодаря данной особенности, несмотря на определенную повторяемость социокультурных схем, можно наблюдать изобилие вариантов культурных процессов в истории человечества.

Также следует отметить, что все эти соединения, создающие уникальность и неповторимость социокультурной ситуации, наиболее ярко проявляются в её индивидуальном восприятии и проживании, в том, как человек строит личное существование в каждый момент бытия. Также здесь находит свое проявление знаменитая формула понимающей социологии: если ситуация анализируется как реальная, то она реальна и по своим последствиям. В этом аспекте роль ситуативности и роль ситуационности в принятии решений возрастает, равно как ответственность индивида за каждый момент социальной жизни.

Социокультурная ситуация сочетает в себе элементы стихийности и осознанности. В разные исторические эпохи такое сочетание было различным. Можно предположить, что в ранние периоды развития человечества осознанное влияние на перспективное формирование

культурных процессов наблюдалось в меньшей степени, а, возможно, и не существовало совсем, так как цели большинства социальных слоев, активно влияющих на социальное развитие, были весьма далеки от вопросов культуры. В последние несколько столетий, и особенно в XX в., этот процесс усилился, что говорит о культурном строительстве, о формировании культурного запроса, о сознательном, доминантном подходе к культурной сфере бытия. И также усиливается значение осознанности на индивидуальном уровне, хотя зачастую это воспринимается и мыслится весьма формально, что может привести к нежелательным последствиям.

Процессы глобализации меняют формы и ракурсы антропологических исследований⁷⁴. Усложненность переживаемых явлений, потребность в поиске внутреннего обоснования для каждого человека культурных, ментальных, этических трансформаций окружающего мира поставило перед индивидом множество серьезных задач, решить которые может лишь подготовленная, активная компетентная личность. В этих рамках можно выделить несколько, на наш взгляд, наиболее значимых моментов, характеризующих человека в условиях современной социокультурной ситуации.

Во-первых, это момент, связанный с расструктурированностью индивида в усложняющихся условиях современного мира. С одной стороны, еще актуальна характеристика, данная почти пятьдесят лет назад Г. Маркузе, который характеризует одномерного человека таким образом, что становится отчетливо видно – во главе угла характеристики этого социального феномена лежат такие качества, в результате которых одномерный человек становится «объектом духовного манипулирования с понижением критического отношения к социуму и включение в потребительскую гонку», подчиняясь инструменту «репрессивной функции общества изобилия»⁷⁵.

С другой стороны, этот «плоский», хрестоматийно одномерный человек распадается на множество субличностей (говоря языком современной психологии), которые живут активной, плодотворной жизнью и в профессиональной сфере, и в множестве сетевых сообществ, и в широко разветвленной досуговой сфере. Этот человек в меньшей степени, чем его предшественники, скован социальными рамками и имеет формально самые разнообразные возможности самореализации, познания, в конечном итоге, – самой жизни. Отсутствие социокультурных границ, которые веками подвигали поколения на

---

⁷⁴ См.: Барлыбаев Х. А. Современная наука о человеке в контексте глобализации и устойчивого развития // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 109-117.

⁷⁵ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003. С. 86-121, 227-265; Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

пиковые переживания и поступки, организованные действия и всплески творчества в сегодняшней ситуации предлагает слишком распыленные, ненаправленные действия, ведущие к утере целостности личности, которая еще не до конца осознала новые параметры существования⁷⁶. В исследовательской литературе встречается термин мультифрения, применяемый к человеку, живущему в разных реальностях, не согласующихся между собой. Также отмечается, что есть субъекты, меняющие свои идентификационные характеристики без особого напряжения или ущерба для себя, без внутреннего конфликта, что говорит об отсутствии целостности личности в привычном понимании этого значения. Причем это может происходить как по причине внутренних личностных процессов, так и по причине внешней алгоритмизации, технизации и нивелировании индивидуальных качеств человека, превращение его в придаток не только технического, но и социального механизма.

Постепенно крылатыми становятся фразы: «жизнь после оргии», «обреченность быть свободным» или высказывания о поколенческой усталости, излишней ярмарочности бытия. Это является важной характерной чертой современной социокультурной ситуации, влияющей на основные направления развития социума и его перспективы.

Из этого вытекает второй момент, характеризующий существование человека в современной социокультурной ситуации, – поиск путей и направлений идентификации и самоидентификации. Некоторые ученых называет кризис идентичности одним из симптомов нашего времени⁷⁷. Ряд факторов современного общества обостряет эту проблему, выдвигая такие причины, как технизация, усложнение социальных структур и институтов, определенная конфессиональная и идеологическая свобода, постмодернистский калейдоскоп снятия жестких бинарных оппозиций, формирующих, с точки зрения Ю. Хабермаса, костяк общества эпохи «проекта модерна».

Схемы и пирамиды человеческих потребностей, представленные в середине XX в. психологами и акцентирующие самоактуализацию и индивидуальную успешность по большей части в рамках протестантской этики, как бы они ни были привлекательны, не создали для индивида устойчивой социокультурной платформы, в которой смогли бы взаимодействовать не только прагматические, потребительские, но и внутренние, этические, ценностные элементы индивида как сформировавшейся и реализовавшейся личности. Это

---

⁷⁶ См.: Уилбер К. Никаких границ. М., 2003.

⁷⁷ См.: Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2; Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура. М., 2007. С. 21.

привело к тому, что в обществе уже более полувека наличествуют в различных проявлениях номадические, т. е. кочевнические фигуры, что способствовало появлению термина «номадическая идентичность». Отталкиваясь от идей Ж. Делеза и Ф. Гваттари, исследователи при характеристике «номадов» отмечают полную неопределенность их личностных и социальных перспектив как жизненную позицию, существование в постмодернистском броуновском движении и следование не социальной потребности личностного роста или карьеры, а внутренней траектории. Также для них характерен демонстративный отказ от потребительских клише современного консьюмеризма⁷⁸.

Все вышеперечисленное определяет значимость третьего момента, намеченного нами для рассмотрения существования человека в контексте современной социокультурной ситуации: рискогенность большинства процессов, в которых задействована современная личность. В гуманитарной науке уже сложилась школа философского, культурологического исследования общества риска⁷⁹. Все чаще употребляется словосочетание «рискованная ситуация» по отношению ко многим случаям в социальной жизни. Индивид оказывается в ситуации неопределенности, когда ему приходится функционировать, задействуя все свои внутренние резервы и выстраивая стратегию, опираясь на текучую, подвижную социальную реальность, природные условия и усложненные коммуникации. В этом смысле в рамках сегодняшней ситуации человек находится в поиске различных вариантов безопасного существования. Не только пресловутого комфорта, который охватывает на самом деле лишь часть всего ареала земного шара, но жесткого поиска витальной безопасности и борьбы за среду обитания, пусть и завуалированную под «рынки сбыта» и «сферы влияния».

Можно отметить такой характерный момент, отличающий современную социокультурную ситуацию, как поиск события, даже, если так можно сказать, центрального события, которое смогло бы сфокусировать вокруг себя, стянуть, выстроить общую социокультурную ситуацию, позволившую современному человеку обрести желаемое равновесие. Событие вообще представляется как некая фундаментальная структура, на которой базируется оценка и восприятие истории человечества в целом и ситуации в частности. Социокультурная ситуация структурируется вокруг выдвижения из

⁷⁸ См., например: Секацкий А. К. Дезертиры с острова сокровищ. СПб., 2005.

⁷⁹ См.: Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. М., 2000; Общество риска: цивилизационные вызовы и ответ человечества. Саратов, 2006; Бехман Г. Современное общество как общество риска // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 85-90.

ряда событий события-доминанта, основного, решающего события, обуславливающего способ вхождения в ситуацию, ее дальнейшее разрешение, формирование, конструирование и становящееся аттрактором, задающим траекторию движения каждой личности, находящейся в ситуации. Событие акцентирует внимание как на состоянии возможности, непредсказуемости в социокультурной ситуации, так и на моменте реализации только одного из вариантов возможного бытия, показывает его развертывание во временном и пространственном отрезке, одновременно отмечая скрытые возможности социокультурной экзистенции личности.

Интересна характеристика события, данная Ж. Делёзом. Французский философ определяет его как совокупность сингулярностей, образуемых двумя сериями: означаемым и означающим, а также парадоксальным элементом, который осуществляет схождение и расхождение сингулярностей, их перемещение и взаимосвязь⁸⁰. Сингулярность в данном случае обозначает элемент хаотичности, присущей событию. Отсюда выделение главного, центрального события социокультурной ситуации становится одной из важнейших задач ее исследователя. «События идеальны, - отмечает Ж. Делёз, - ... они обладают вечной истиной. ... События неизменно пребывают в безграничном Зоне, в Инфинитиве»⁸¹. Однако эта идеальность и отстраненность, нейтральность не мешает событию формировать модус проблематического в самом существовании человека, социума⁸². Именно благодаря этому свойству событие становится концентрирующим элементом всей социокультурной ситуации, фокусирующей точкой и потенциальным двигателем её развития, а также и своеобразной камерой обскуры для находящегося в центре события индивида.

Событие – атомарно, но именно неопределенность, неупорядоченность связей, складывающихся в нем, создаёт ту социокультурную напряженность, которая сводит все разрозненные до этого элементы в единую структуру самой социокультурной ситуации. Событие задаёт направленность социокультурной ситуации, а также совмещает границы становящегося события и постоянного, неизменного. Оно фокусирует в себе этот временной феномен и локализует его в пространственных рамках. Событие создает определенный ракурс видения, трактовки, а также непосредственной реализации той совокупности потенциалов, явлений, действий, которая

---

⁸⁰ Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 181.

⁸¹ Там же. С. 74.

⁸² Там же. С. 75.

сфокусирована в конкретный момент бытия. Следуя за В. Рудневым, можно считать событие ядром социокультурной ситуации⁸³.

Таким образом, именно «ядерная» характеристика заставляет социум в целом и человека в отдельности усиленно искать, вычленять событие, которое смогло бы придать глубинный смысл как социальному, так и индивидуальному бытию. Особенно это стало заметно в последние десятилетия, когда западный мир, сняв ограничения и приравняв любые проявления человеческой деятельности друг к другу, оказался перед деструктурированным политическим и социокультурным пространством. В России сложились свои особые условия, когда мы были лишены заявленной еще в первой половине XX в. грандиозной, хоть и неоднозначной цели, заставляющей людей определяться по отношению к ней и на фоне этого выстраивать практически картину мира. В результате несколько поколений существуют без центрального события, что в ряде случаев пагубно сказывается на устойчивости и выживаемости современного общества и настоятельно требует определения такого события в ближайшем будущем.

ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

2. 1. ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современный исторический этап развития цивилизации связан с глобальными социально-культурными и техногенными изменениями, которые требуют всестороннего исследования сложившейся реальности, в частности, поиска путей, нивелирующих, облегчающих их негативные воздействия на человека. Культура постиндустриального информационного общества существенно отличается от культуры предшествующих эпох интегративным, неосинкретичным характером, диалогичностью, гибкостью и конвергентностью мышления, продуцированием и реализацией инноваций.

---

⁸³ См.: Руднев В. Феноменология события // Логос. 1993. Вып. 4. С. 227-229.

Человек живет и развивается только в мире созданной им культуры, которая уникальна, бесконечно многообразна и включает в себя исторически развивающиеся надбиологические программы его жизнедеятельности - деятельность, поведение, общение. Именно они обеспечивают «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях»⁸⁴.

Желая соответствовать нормам и стереотипам современного общества и его культуре, человек принимает соответствующие «правила игры», вовлекается в созданные индустрией труда развлечения, потребление разнообразных продуктов и услуг, использует социальные технологии, к числу которых относятся средства массовой информации (телевидение, радиовещание, печатная продукция), навязываемые посредством рекламы, моды, эталонов престижности единообразные стандарты, шаблоны жизни.

Среди общетеоретических проблем современной культуры особо выделяется сюжет изменения, трансформации, превращения, перехода одного типа, подтипа, уровня, формы, вида культуры в другой, без осмысления которого невозможно сориентировать человека, когда за его последующими действиями и поступками находится неизвестность и как следствие - ответственность за принятое решение.

Каждая развивающаяся культура, в том числе и российская, имеет обязательную имманентно-поисковую направленность, особенно необходимую в условиях потрясений. Даже в экстремальных условиях культура продолжает функционировать и развиваться благодаря самоорганизации, внутренней способности к оправданному риску, исходя из собственных сил и ресурсов в совокупности с позитивными целевыми человеческими усилиями и, что также немаловажно, моральными принципами и нормами. Современному человеку все чаще приходится сталкиваться с экстремальными, «смутными», опасными ситуациями в общественной и частной жизни, оценивать возможные риски и их последствия и, исходя из этого, самостоятельно принимать иногда мгновенное решение, от которого могут зависеть карьера, судьба, здоровье, жизнь как его самого, так и других людей.

Неоценимую помощь в принятии правильного решения оказывает использование философско-исторического, культурологического и социокультурных подходов, позволяющих исследовать богатейший опыт многовековой культуры, через призму которого рассматривается искомая проблемная ситуация. Именно в культуре и ее истории можно выделить качества и характеристики, свидетельствующие об оправданном риске с

---

⁸⁴ Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. №8. С. 61.

благоприятным исходом, о способности компонентов данной структуры к выживанию.

Культура через свои институты оказывает систематическое и целевое воздействие на человека, характеризующееся тремя основными функциями:

во-первых, формирует у него ориентационные механизмы, необходимые для жизнедеятельности в конкретном обществе;

во-вторых, создает условия для духовного и физического развития в соответствии с моделью отношений «воспитатель – воспитуемый»;

в-третьих, целенаправленная передача социального и культурного опыта старшего поколения младшему, который, к сожалению, в настоящее время не всегда востребован.

Культура на всем протяжении своего развития всегда была связана с другими социальными институтами, в том числе с институтом образования. Феномены культура и образование, безусловно, когерентны друг другу, но ни один из них не сводим к другому. Культура всегда была общим и определяющим основанием для образования как ее важной составляющей части, однако, в условиях глобализационных процессов само образование испытывает не менее мощное воздействие также и со стороны внешних источников: иных культур и иных систем образования. Поэтому констатация самого факта взаимосвязи культуры и образования как феноменов и социальных институтов жизнедеятельности современного человека, по нашему мнению, является недостаточной. В настоящее время следует актуализировать диалогическое взаимодействие, существующее между культурой и образованием на основе интеграции, сущностью которой являются:

- целесообразность,
- взаимное приспособление данных относительно самостоятельных социальных институтов,
- объединение их ресурсов при решении общих проблем развития человека,
- сохранение каждым институтом своей функциональной и содержательно-направленной специфики.

Консолидация потенциала мирового и отечественного образования и культуры позволит использовать их в качестве приоритетных ресурсов поступательного развития общества.

Следует согласиться, что имеющиеся определения интеграции не являются универсальными и непротиворечивыми, потому что не учитывают всего комплекса элементов, вовлекаемых в нее⁸⁵. Однако

---

⁸⁵ Бойченко А. А. Процессы региональной интеграции в мировой экономике // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2007. № 2; Урсул А. Концепция опережающего образования // Alma Mater. 2006. № 7; Шишков Ю. В.

доминирующим моментом во всех определениях является сам процесс объединения, которой никогда не будет завершённым вследствие самостоятельности и уникальности образовательной и культурной систем.

Теоретико-методологическим подходом к интеграции культуры и образования является обоснование их взаимосвязи и взаимодействия на уровнях статики (теоретическая разработка идеи) и динамики (процессуальность). Развитие интегративных процессов может осуществляться на двух уровнях: глобальном и внутригосударственном. Применительно к культуре и образованию интеграция представляет реальную глобальную интенсификацию контактов, взаимовлияний и взаимодействий стран и различных регионов мира, результатами которых являются такие инновационные образования, как:

- глобальная экономика,
- глобальная политика,
- глобальная коммуникация,
- глобальная миграция,
- глобальный язык,
- глобальная культура,
- глобальный туризм,
- глобальные стандарты образования,
- глобальный образ жизни молодежи.

Не менее важным является и внутригосударственная интеграция образовательных и культурных ресурсов, позволяющая повысить качество образования на основе осознания личностью своей культурной и национальной идентичности, ответственности за свои действия и поступки. В связи с этим можно выделить: социально-психологические, нормативно-правовые, организационно-педагогические основания интеграции, которые рассмотрим подробнее.

Социально-психологические основания интеграции предполагают мировоззренческую готовность человека освоить новые знания, культурные ценности, а также учет разных социальных и психологических характеристик носителей как на уровне конкретных культур, и так и Национальных систем образования.

Нормативно-правовые основания интеграции особенно актуальны в процессе перехода отечественного образования на двухуровневую систему, которая, в первую очередь, затрагивает именно нормативную составляющую и права обучающихся школьников,

---

Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 4; Инновации и образование. Сб. материалов конференции. Серия «Simposium». Вып. 29. СПб, 2003.

студентов, аспирантов и т. д. Социально-идентификационная база предполагает самоидентификацию человека с определенной культурой, наличие в его индивидуальной культуре ценностного нормативно-регламентирующего ядра.

Организационно-педагогические основания интеграции заключаются в существовании необходимых организационных структур, подготовленных кадров, осуществляющих образовательно-воспитательный процесс, учебно-методическое обеспечение, обобщение передового педагогического опыта и повышения квалификации преподавателей. Организационно-педагогические основания интеграции непосредственно связаны с организацией педагогического процесса, его непротиворечивостью по отношению к культурным ценностям и нормам носителей.

По своей сути современная интеграция культуры и образования представляет важный социальный ресурс, от мобилизации которого зависят принятые оптимальные решения на всех уровнях общественной структуры, особенно в кризисных социальных ситуациях, к которым относим подготовку молодых людей к жизни в новых социокультурных, экологических и техногенных условиях. Подтверждением актуальности данной идеи является следующий тезис: «смыслом педагогики постиндустриальной культуры стала подготовка человека к жизни в быстро меняющемся мире, к самообразованию и саморазвитию «через всю жизнь» адекватно динамике культуры»⁸⁶.

Выделим основные социальные факторы, которые могут играть доминирующую роль в интеграционных процессах, происходящих между культурой и образованием, и которые позволяют лучше понять сущность человека и происходящие в нем изменения:

во-первых, наличие актуальных и перспективных научных идей и инновационных понятий, представленных как в интегративных областях знания: синергетике, человековедении, концепциях современного естествознания, имиджологии, так и в естественных, социально-экономических, гуманитарных науках, например, парадигмальная контекстуальность, постмодернистское комбинирование, метастратегия, «отложенная взрослость», кенотичность, агональность, когерентность, культурная депривация и многие другие;

во-вторых, современные университеты остаются интегрирующими центрами культуры, в том числе науки, искусства, и образования;

в-третьих, в настоящее время, возможно искусственно, несколько снижена интегрирующая роль философии;

---

⁸⁶ Видт И. Е. Культурологическая интерпретация эволюции образовательных моделей // Высшее образование в России. 2003. №3. С. 35.

в-четвертых, в учебных курсах и программах высшей школы необходимо последовательно развивать идеи интеграции системы культуры и системы образования;

в-пятых, нестабильность и кратковременность взаимоотношений между людьми, а также между людьми и предметами в современной культуре, вызванных, в частности, ускорением социального времени, неспособностью каждого человека, в том числе и обучающегося, соответствовать такому временному темпу-ритму;

в-шестых, наличие необходимого социокультурного контекста, прежде всего, в образовательных учреждениях.

При более пристальном рассмотрении современной социокультурной ситуации можно видеть не только гармонию отношений, взаимодополнительность, но и существующие между культурой и образованием противоречия, связанные:

- с социальной стратификацией современного российского общества и существующей тенденцией углубления и проявления ее в системе образования,
- эволюцией ценностной системы, происходящей во многих зарубежных странах, размытостью или даже отсутствием единой общенациональной системы ценностей,
- инертностью сознания и усиливающейся амбивалентностью восприятия современного человека,
- существованием различных подходов к пониманию самого процесса воспитания,
- реализацией противоречивых культурных норм, моральных идеалов личности и выработкой у нее навыков выживания.

Данные противоречия, безусловно, осложняют образовательный процесс, ставят молодого человека в критическую и непредсказуемую ситуацию риска-выбора. Для решения и преодоления обозначенных проблем следует исходить из целого ряда следующих обстоятельств:

во-первых, ориентации системы непрерывного образования, прежде всего, на обучение в общеобразовательной государственной школе,

во-вторых, установки на равенство и гармонию общечеловеческих, сословно-классовых, национальных ценностей, в иерархии которых значительное место занимают бытийные ценности,

в-третьих, унификации стандартов воспитания.

Творческий потенциал человека постиндустриальной культуры становится ценностью и сориентирован на полезность для общества и для самого человека. Отсюда другая характерная ситуация в образовании, связанная с декларированием востребованности творческого начала в человеке. Она поднимает проблему, которую до сих

пор не может решить система современного образования: как осуществлять обучение человека генетически способного развиваться и развивать свой творческий потенциал. Бросить на самотек этот процесс невозможно, потому что каждый гражданин должен получить обязательное среднее образование - окончить среднюю общеобразовательную школу. Однако, как правило, творческие люди не обладают уравновешенным характером, непредсказуемы в своих поступках, словах и действиях, что в равной мере проявляется у взрослых и у детей. «Агрессивность, странность и тщеславие, на мой взгляд, - своеобразная плата за выживание гениальных идей, и платит по счетам их автор, ведь великие идеи не гарантируют, к сожалению, великого воплощения»⁸⁷, - утверждает Н. Грэйс.

Известный английский писатель Д. Б. Шоу следующим образом представляет направления адаптации человека к миру культуры, в основе которой лежит использование собственного образовательно-генетического потенциала: разумный человек пытается приспособиться к миру, а неразумный меняет мир под себя, поэтому прогресс развития общества целиком зависит, как мы видим, от людей неразумных.

Изменение условий жизнедеятельности человека влечет за собой формирование новых форматов взаимодействия между обучающимися и обучаемыми, воспитанниками и воспитателями. Помимо профессиональных педагогов, учителей, воспитателей, библиотекарей, музейных сотрудников, специалистов в сфере досуга, в их роли могут выступать средства информации (учебная и художественная литература, журналы) и средства массовой коммуникации (Интернет, телевидение, компьютер, мобильный телефон). К сожалению, данную нишу могут занимать и непрофессионалы, имеющие корыстные и далекие от гуманизма цели, задачи и идеи.

В настоящее время происходит активное и достаточно быстрое изменение и расширение источников образовательного и воспитательного воздействия, качества и количества получаемых знаний и информации. Виртуальный мир становится подчас более реальным, чем мир живого человека и живой природы. Он оказывает мощное воздействие на познавательные процессы человека, способен перестроить привычные его социальные связи и даже заменить их. Возникают феномены психической зависимости человека от Интернета, фальсификации жизненного мира, который не нуждается в реальных общественных и культурно-образовательных отношениях и, следовательно, в традиционной культуре, образовании, воспитании.

---

⁸⁷ Грейс Н. Как Помочь Себе Самому. Приемы развития памяти, внимания и речи. СПб., 2006. С. 64.

Очевидным становится и тот факт, что современное нестабильное и противоречивое развитие культуры и образования заведомо создает предпосылки возникновения кризисных явлений в социокультурной и образовательной сферах. Высшее образование, протекающее на неблагоприятном социокультурном фоне, также не является исключением. Утрата целостности самого человека, его единства с окружающим миром, приоритет в образовании простой «передачи общекультурного опыта» не могли не сказаться на уровне подготовки молодых специалистов к решению современных профессиональных и социокультурных задач, а значит, в полной мере выполнить поставленные перед образованием цели.

При этом постепенно утрачиваются многие позитивные функции образования, и, следовательно, образовательные учреждения не выполняют свою основную социальную миссию и выпускают специалистов, обладающих:

- невысоким уровнем профессиональной подготовки,
- «размытой» идентичностью,
- несформировавшейся коммуникативной культурой,
- фрагментарным дискурсивным сознанием,
- низкой способностью логично, системно, конструктивно и креативно мыслить,
- интерпретировать богатое содержание символов, смыслов, образов, знаков отечественной и мировой культуры.

Для уменьшения негативных последствий современного развития общества «сфера образования должна к функции трансляции культуры добавить функцию созидания культуры, воспитания человека, не просто нагруженного багажом общекультурного опыта, (заданный опыт устаревает мгновенно), а личность, готовую к творческому освоению и анализу культуры, внутри которой она находится, личность, способную самоопределиваться во все более усложняющемся мире, где очень тесно переплетаются разные субкультуры, и при этом сформировать у нее способность не утратить собственной культурной идентификации»⁸⁸. Ориентируя обучающегося на самостоятельное решение не только настоящих, но и будущих задач, педагог тем самым моделирует ситуацию использования знания прошлых культур, культурного наследия иных цивилизаций для исследования постоянно возникающих современных социальных задач.

Решение актуальных задач, непосредственно связанных с обновлением методологии, технологии, профессиональной ориентации

---

⁸⁸ Видт И. Е. О культурологической функции образования // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб. 2000. С. 564.

образовательных программ, организацией учебного процесса, оптимизацией учебных планов, обновлением содержания учебных курсов, невозможно осуществить, по нашему мнению, вне социокультурного контекста, являющегося важным фактором развития современного высшего образования. Социокультурный контекст высшего образования задает вектор его развития и является доминирующим компонентом, обеспечивающим:

во-первых, актуальность и востребованность в конкретных сферах жизнедеятельности социума предлагаемых знаний и образовательных программ,

во-вторых, вписанность в архитектуру современного российского образования, в международную социокультурную проблематику и практику,

в-третьих, саморазвитие деятельности, поведения, общения молодого человека как основных программ его развития, обеспечивающих преемственность культуры, а, следовательно, и самой социальной жизни⁸⁹.

Любые действия по интеграции культуры и образования происходят в определенном контексте, который представляет, по своей сути, окружающую среду в отношении к конкретному событию, «соединяясь в виде концентрических кругов и переплетаясь в живом событии», воздействует на него, преобразуя и видоизменяя. При этом «контекст всегда больше своих составляющих, взятых в отдельности»⁹⁰. Социокультурный контекст достаточно динамичен, апеллируя к имеющимся знаниям, он нацеливает человека на решение конкретных жизненно-важных проблем, при этом он сам активно изменяется под воздействием экономических, политических, социальных, экологических и иных внешних и внутренних культурных и образовательных воздействий.

Остановимся подробнее на преимуществах использования социокультурного контекста применительно к интеграционным процессам культуры и современного высшего образования.

Во-первых, акцентирование социокультурного контекста обеспечивает выход на проблему компенсирующего образования современного человека, которое осуществляется с целью восстановления пробелов в обучении, образовавшихся в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств. Например, решения проблем культурной депривации как следствия неполноценной

⁸⁹ Лысикова Н. П. Социокультурный контекст непрерывного образования // Современное образовательное пространство: единство, региональность, непрерывность: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. проф. Ю. Г. Голуба. Саратов. 2005. С. 21.

⁹⁰ Смирнов С. Современная антропология // Человек. 2004. №2. С. 76.

культурной подготовки, получаемой в условиях современной семьи и школы.

Во-вторых, социокультурный контекст образования является важной предпосылкой развития интерсубъективного мира человека, когда не только не утрачивается способность понимать других людей, но и, одновременно, происходит становление своего собственного индивидуального видения мира, формируется персональная и социокультурная идентичность. Уникальность социокультурного контекста, в данном случае, заключается в том, что он обеспечивает взаимное наложение индивидуального багажа знаний отдельного человека, который часто не совпадает со знаниями других людей, на багаж знаний иных представителей как непосредственно, так и опосредованно включенных в процессе культурно-образовательного взаимодействия обучающихся.

В-третьих, конечным результатом использования социокультурного контекста является реальное культурное обогащение человека, то есть приобретение им новых культурных знаний, черт, качеств, которые постепенно становятся частью его личностной культуры. Через учебный процесс и внеучебные мероприятия позиционируются базовые ценности образования как важная составляющая общечеловеческих и социокультурных ценностей:

- уважение человеческой личности и человеческого достоинства,
- профессионализм и поддержка,
- партнерство студента и преподавателя,
- право человека на самоопределение,
- толерантность,
- активизация собственных ресурсов.

Можно утверждать, что использование социокультурного контекста позволяет получить мультикультурное образование, сущность и специфика которого заключается в знании не только собственной культуры, культуры других народов; культуры прошлой, настоящей, будущей, но организационной культуры, присущей различным типам предприятий, фирм, учреждений, в том числе и вузам.

В-четвертых, образование в настоящее время все активнее становится признаком культурного человека. Знания, полученные в сформировавшемся социокультурном контексте, приобретают дополнительное содержание и новые смыслы. Культурное поле образовательного заведения способствует эмоциональной полифоничности, интеллектуальной активности, экологии образования, развитию творческого мышления. При этом не следует забывать о том, что сложившаяся культура «руководит» образованием,

в частности, отбором материалов, прочтением текстов и их интерпретацией. В свою очередь, само образование направленно воздействует на социокультурный контекст, отбирает компоненты, расширяет содержательное поле культуры. Отсюда следует, что если уровень сложившейся культуры невысок, наблюдается регресс духовности, то и результаты образовательного процесса будут соответствующими.

И, наконец, в-пятых, социокультурный контекст обеспечивает необходимую социокультурную и социально-психологическую поддержку не только студенту, но и педагогу, которые находятся в едином образовательном пространстве.

Интеграция культуры и образования позволяет создать в высшем учебном заведении оптимальные условия для гуманизации процесса обучения, самореализации, позитивного взаимодействия субъектов образования, выбора образовательных услуг. Возможным становится удовлетворение индивидуальные потребности обучающихся, актуализация траектории профессиональной карьеры, гарантирование соблюдения прав человека. рассматриваемое с социокультурных позиций. Наиболее важным в условиях образовательного пространства представляется процесс социализации, развернутый во времени, постепенное вхождение человека в конкретную социокультурную среду.

Следует также учитывать, что индивидуальное прочтение тех или иных артефактов постоянно запаздывает по сравнению с реальностью, которую все стремятся зафиксировать и, по выражению М. Вебера, «расколдовать», настолько она сложна, динамична и многолика. Кроме того, интерпретация культурных феноменов зависит также от степени усвоения народной культуры как устойчивой системы обычаев, верований, мировосприятия, моральных норм, сложившихся в ходе развития общности людей. Именно традиции народной культуры устанавливают сходство и различие ее представителей как внутри, так и за пределами данного культурного сообщества, становятся способом коммуникативного существования народной памяти. При этом памятники народной культуры, пройдя историческую селекцию, обретают:

с одной стороны, характер закона культурного развития, сохранения опыта,

с другой стороны, обеспечивают взаимное понимание людей и народов, потому что предполагают рефлексивное предвосхищение вопроса и домысливание ответа.

В поиске путей решения важной и сложной проблемы приведения системы высшего образования в соответствие с мировыми

стандартами, реализации в полной мере практических возможностей образовательной системы значительные надежды возлагаются на интеграцию культуры и образования в рамках общего и дополнительного образования. Например, позитивной особенностью системы дополнительного образования является ее креативность, гибкость, открытость, готовность к диалогу с различными категориями слушателей. Она «успевает» за социальными и культурными изменениями, научными и техническими открытиями и изобретениями, акцентирует внимание не столько на получении базового образования, сколько на организации «доучивания» и переучивания специалистов разных сфер общества⁹¹.

Таким образом, интеграция культуры и образования является необходимым условием позитивного развития современной действительности, потому что постоянно увеличивается разрыв между культурой и образованием разных поколений, возрастает количество маргинальных феноменов человеческого бытия. Одновременно выявляются противоречия между воспитанием моральных качеств личности и выработкой навыков выживания, между образованием и востребованностью творческого начала в человеке, между существующими культурно-образовательными нормами и асоциальными молодежными субкультурами, многочисленными молодежными объединениями.

Воздействие образования на социокультурный контекст и социокультурного контекста на образование в своей перспективе определяют интеграцию культуры и образования, играющую значительную роль в процессе образования и окультуривания современного человека.

Для активизации данного процесса, по нашему мнению, необходима последовательная государственная политика в области интеграции культуры и образования, ориентированная, прежде всего, на современную молодежь, получающую образование.

---

⁹¹ Мирский Э. М. Интеллектуальные и социальные составляющие высшего образования // Человек. 2005. №1. С.189.

2. 2. МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ И КОНТРАКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Молодежная субкультура представляет достаточно новое и многогранное явление общественной жизни. Под этим понятием принято понимать эзотерическую, эскапистскую, урбанистическую культуру, созданную молодыми людьми «для себя», действующую как частичную культурную подсистему внутри базовой культуры, определяющую стиль жизни, ценностную иерархию, менталитете ее носителей⁹². Существование этого феномена затрагивает множество аспектов - от социокультурного развития общества в целом до психологических особенностей определенных возрастных групп.

Молодежная субкультура может рассматриваться как богатый источник инноваций и открытий в искусстве, моде, формах досуга; как вариант примитивной массовой культуры, продукт медиа-индустрии;

---

⁹² Левикова С. И. Молодежная субкультура. М., 2004. С. 34-35.

как форма творческой активности молодежи, не находящей принятия и поддержки со стороны официальной культуры; как источник опасности для социального и духовного здоровья молодых. Однако актуальность изучения молодежной субкультуры несомненна: осуществление социального воспитания предполагает наличие у лиц, работающих с молодежью, в частности педагогов, представлений об особенностях и характерных чертах подростково-юношеской субкультуры, что необходимо для прогнозирования её негативного или позитивного воздействия.

Генезис, система ценностей, типология, динамика место в социальной структуре молодежной субкультуры составляют часть актуальных знаний, поскольку их прояснение позволяет ответить на многие вопросы, объясняющую некоторые социокультурные проблемы социума. Именно в рамках феномена молодежной субкультуры возникают наркофилософия и наркорелигия, религиозное сектантство, формируются социально-философские основы сексуальная революция и так далее.

Возникновение молодежных субкультур было подготовлено развитием индустриального общества. С самого начала своего формирования молодежная субкультура характеризовалась противопоставленностью базовой (традиционной) культуре общества, массовой культуре потребления, которая унифицировала, стандартизировала, стереотипизировала бытование личности.

Переход общества к стадии постмодерна, в частности, характеризуется резким увеличением периода обучения, поскольку возникает потребность в массе образованных людей. С. И. Левикова отмечает, что «резкое увеличение социокультурной ситуации и ускорение темпа социальных изменений оборачивается появлением социально-демографической группы «молодежь», основным занятием которой становится обучение»⁹³. Поэтому закономерно говорить о высокой степени вовлеченности современных молодых людей в образовательное пространство.

В настоящее время основой деятельности образовательных институтов является трансляция разнообразных, в том числе отвлеченных или технократических знаний, умений и навыков. При этом исследователи полагают, что такая ориентация на стереотипы поступательного развития общества приемлема для относительно стабильных систем прошлого, но не отвечает динамике открытых равновесных общественных систем настоящего и будущего⁹⁴.

---

⁹³ Левикова С. И. Указ. соч. С. 165.

⁹⁴ Лысенко Е. М. Молодежная субкультура: синергетическое осмысление феноменов. Саратов, 2006. С. 175.

Результатом подобного несоответствия зачастую являются культурные деформации в молодежной среде: anomия, девиантные формы поведения, утрата семьей социализирующих функций.

В подобных условиях именно молодежные субкультуры берут на себя социализирующую и компенсаторную функции, позволяя личности адаптироваться к социокультурной ситуации.

Почти все молодые люди вовлечены в формальные группы, в том числе учебные коллективы. Успешное прохождение социализации, наличие приоритетных интересов, разделяемых формальной группой, обеспечивают их невовлеченность в сферу молодежных субкультур. Однако при тех же условиях, но одновременном наличии психологических проблем, внутригрупповых конфликтов, уход в молодежную субкультуру может стать выходом из ситуации.

Разнообразие молодежных субкультур практически бесконечно, но все-таки можно выделить в них две категории:

- нейтральные по отношению к традиционной системе образования.
- противопоставленные системе образования.

Рассмотрим процесс их формирования и развития их характера.

В более чем полувековой истории молодежных субкультур в настоящий момент принято выделять три волны развития, каждая из которых имеет свои хронологические границы, формальные и неформальные правила существования, ключевую историю простира⁹⁵.

Первая волна (конец 50-х-60-е гг. XX в.) характеризуется молодежным протестом против сложившегося образа жизни старшего поколения, ассоциируемого с «обществом потребления», при этом характерной особенностью данной волны становятся попытки изменить, прежде всего, не общество, а свой внутренний мир, свое мышление и систему ценностей. К этому периоду относятся различного рода психоделические, литературные, художественные, религиозные эксперименты, призванные преодолеть рамки устоявшихся эстетических и моральных форм. Основу этой волны составляли субкультуры битников, а затем хиппи. В СССР на фоне процессов «оттепели» появляются бардовское движение, «новая романтика» туристических групп, стилиги, андерграунд.

Вторая волна датируется началом 70-х-серединой 80-х гг. XX в. и порождает эпатажные группы, прежде всего, панк-движение с его стремлением к личной свободе, полной независимости, нонконформизму, новые религиозные субкультуры. Именно в данный период достигают своего расцвета Церковь сайентологии, Общество

---

⁹⁵ Левикова С. И. Указ. соч. С. 312-360.

сознания Кришны. Массовым явлением становится формирование субкультур, объединяющих молодых людей со схожими интересами, увлечениями, видами досуговой деятельности. Это касается и музыкальных пристрастий («металлисты», «рокеры», «панки»). Активизируются экологические, политические (пацифистские, националистические) субкультуры.

Третья волна охватывает период 80-середины 90-х гг. XX в. и инициирует экспансивный путь развития субкультур наряду с появлением их новых типов, связанных с научно-техническими инновациями (например, киберпанк – жанр научной фантастики, относящийся к постиндустриальной антиутопии, послуживший основой для возникновения аналогичных тенденций в моде, музыке). В нашей стране данный этап совпадает с перестройкой и характеризуется всплеском появления неформальных молодежных объединений политической, экологической, криминальной направленности.

В исследовательской литературе отмечается, что в начале XXI в. наметилась новая, четвертая, волна⁹⁶, которая, наряду с предыдущими типами субкультур, включает в себя и новые их виды, например, хакеров как элиту технической революции. Также повышается ритуальность, религиозность, мистическая направленность молодежных субкультур, стремящихся уйти от ценностей традиционного общества.

В связи с тем, что в течение нескольких десятилетий молодежные субкультуры являются стабильными составляющими социокультурного контекста общества, возникает необходимость анализа их структурных элементов, в частности, лидера. Известно, что уже на стадии первичной интеграции молодежной субкультуры именно лидер становится силой, объединяющей вокруг себя группу, формирующей мораль данной субкультуры⁹⁷.

Родоначальником психоделической утопии, послужившей основой формирования первых субкультур, был О. Хаксли. В трактате «Двери восприятия» (1954 г.) он впервые предпринял попытку включить в социальное проектирование наркотическую тему⁹⁸ и предположил, что галлюциногенные наркотики могут сыграть роль посредника между человеком и миром божественной сущности, стать способом слияния с бесконечностью путем преодоления границ эго. Личный опыт употребления мескалина под руководством канадского исследователя Х. Осмонда в 1953 г. привел О. Хаксли к пониманию того,

⁹⁶ Лысенко Е. М. Молодежная субкультура: синергетическое осмысление феноменов. Саратов, 2006. С. 153.

⁹⁷ Левикова С. И. Указ. соч. С. 301-302.

⁹⁸ Название трактата «Doors of Perception» дало имя одной из культовых рок-групп «The Doors».

что химико-мистический экстаз можно приравнять к подлинному мистическому опыту. Результатом его может стать расширение религиозного сознания. О. Хаксли обосновывает это так: «Для большинства людей мескалин почти совершенно безвреден. В отличие от алкоголя, он не ведет принимающего его ни к каким неконтролируемым действиям, которые оканчиваются драками, насилием и дорожными происшествиями. Человек под воздействием мескалина тихо занимается своим делом. Более того, это «его дело» опыт наиболее просветляющего вида, за который не нужно платить (и это, конечно же, важно) компенсацию в виде похмелья»⁹⁹.

Произведения О. Хаксли (трактаты «Рай и ад», «Остров», статья «Вещества, формирующие сознание») представляют небольшие по объему тексты, но яркие, оригинальные, талантливые, которые обладают еще и свойством убедительности. Хотя изначальной задачей О. Хаксли как писателя было попытаться детально и достоверно представить себе состояние человека с измененной психикой, в итоге его тексты явились руководством к действию для множества молодых людей, желавших экспериментировать над собой.

Одним из них стал К. Кизи, автор романа «Пролетая над гнездом кукушки» (1962 г.). Это культовое произведение поколения битников и хиппи появилось в результате участия его автора в 1960-1961 гг. в качестве волонтера в эксперименте с галлюциногенами, целью которого было стремление вызвать у испытуемых состояние психоза и таким образом получить информацию о переживаниях и ощущениях душевнобольных. В 1964 г. К. Кизи, во главе коммуны «Веселые проказники», совершил путешествие на школьном автобусе по городам Америки, во время которого участники, организуемых «Веселыми проказниками» вечеринок (фестивалей), помимо своей воли приобщались к «Электропрохладительному кислотному напитку» (апельсиновому соку с ЛСД). Акция, шокировавшая США, была первым массовым «выходом в свет» битников. В дальнейшем на проценты от переиздания своего знаменитого романа К. Кизи купил домик в горах и жил там со своей субкультурной группой.

В 1960 г. О. Хаксли познакомился с главой Гарвардского проекта по изучению психоделиков, психологом Т. Лири. Сотрудники проекта восприняли идеи О. Хаксли, и, несмотря на то, что тот настаивал на ограничении информации о ходе эксперимента, Т. Лири считал необходимым опубликовать результаты работы. В позднем издании «Chaos & Cyberculture» (в неполном русском переводе «Семь языков Бога») Т. Лири вспоминает: «Наши экспериментальные исследования

---

⁹⁹ Хаксли О. Двери восприятия // Хаксли О. Двери восприятия. Рай и ад. М., 1991. С. 7.

продемонстрировали, что при тщательной подготовке опыта расширения сознания, когда ожидания, установка и окружение субъекта духовно ориентированы, от 40 до 90% испытуемых переживают интенсивный мистический и даже апокалиптический опыт»¹⁰⁰. Как основатель психоделики, Т. Лири призывал находить неисчерпаемый источник знаний, скрытых внутри человека и пробуждающихся под влиянием наркотического расширения сознания. Он становится ЛСД-гуру. Интерес к его личности и публичному творчеству подогревает наполненная неординарными событиями биография, включающая в себя преследования властей, побег из тюрьмы, окутанные тайной скитания по Африке и Азии, арест в ходе спецоперации в Афганистане, экстрадиция в США и вновь заключение. В 80-х гг. XX в. Т. Лири увлекся возможностями информационных технологий. Он примкнул к движению киберпанков, стоял у истоков создания компьютерных психологических тестов. При этом, в книге «Инфопсихология» немногим пионерам, к коим относил и себя, он предлагал отвести роль создателя моделируемых реальностей.

Произведения У. Берроуза «Джанки», «Голый завтрак», «Города красной ночи» посвящены употреблению наркотиков в качестве кратчайшего пути к полноте переживания как жизненного пути в целом, так и сиюминутного происходящего¹⁰¹. У. Берроуз экспериментировал с собственным сознанием, сочетал несочетаемые наркотики, изобрел технику «нарезки» в написании своих произведений, которая стала основой сэмплирования, используемого рок-группами 70-х. XX в.. Не случайно группа «Nirvana» даже записала голос Берроуза в одной из своих песен. На протяжении своей жизни он стал символом битников и хиппи, панка 70-х, киберпанка 80-х, постиндустриальной культуры 90-х. XX в.

Вторая волна молодежных субкультур также выдвигает своих лидеров, но идеологической основой продолжают оставаться наработки лидеров 60-х. Можно назвать основателей панк-движения, однако на протяжении 70-80-х гг. XX в.. выделяются такие его течения как: анархо-панк, кельтский панк, христианский панк, краст-панк, гот-панк, фолк-панк, эмо, глэм-панк, garage-панк, хардкор, Oi!, поп-панк, Queercore, Riot Grrrl, скам-панк, ска-панк, сскейт-панк, UK-82, советский панк, которые оформляются вокруг соответствующих музыкальных групп. Однако лидеров масштаба Т. Лири среди них уже нет. Те же процессы, в основном, можно наблюдать и в эпоху третьей и четвертой волн.

---

¹⁰⁰ Лири Т. Семь языков Бога. М., 2001. С. 5.

¹⁰¹ У. Берроуз (1914-1997) являлся своего рода уникамом: ему удалось прожить 83 года, 60 из них употребляя героин.

Сложно назвать единого организующего лидера для думеров, блэкеров, толкиенистов, гранжиров, хакеров, фриков.

Исключения, по всей видимости, составляют субкультуры религиозной, мистическо-ритуальной, сектантской направленности, одним из условий которых является совместное общинное существование адептов, где роль лидера до настоящего времени остается ключевой и смыслообразующей. В числе таких харизматических личностей можно назвать, например, Р. Хаббарда, С. Асахара, Б. Свами Прабхупаду.

Становится очевидным, что в процессе формирования субкультур личность лидера играет чрезвычайно важное значение, которое заключается в формулировании ключевой идеи. Можно предположить, что лидер при этом обладает качественными способностями, несвойственными его последователям, то есть является личностью харизматической.

Е. М. Лысенко отмечает набор характеристик харизмы, которые позволяют ее обладателю достичь быстрого успеха в деле объединения своих сторонников:

- харизма человека со стороны (иное происхождение, иная биография), что облегчает иррациональное эффективное воздействие на людей;
- харизма неполноценности (хромота, карликовость, эпилепсия, демонстративно-эпатажное поведение);
- знак свыше (призвание в сакральном или светском нарративе);
- бойцовская позиция харизмы (личность оказывается востребованной ситуацией, часто экстремальной, что необходимо для закрепления на вершине иерархии субкультуры);
- харизма притворства, предполагающая наличие элемента игры для того, чтобы харизматическая личность бросалась в глаза.

Харизматический образ жизни лидера субкультуры, как и выдвинутая им идея – такая же стигма, поэтому лидер становится заложником своих взглядов¹⁰². Именно это произошло с идеологами 60-х: и Хаксли и Кизи на исходе своей активной деятельности выдвигали идею о необходимости «научиться открывать двери без химического ключа». Но галлюциногены уже стали образом жизни целого поколения, воспринимались как основа существования субкультуры, поэтому ничего нельзя было изменить.

Особенностью существования харизмы является то, что она обладает временной и пространственной избирательностью, то есть ее появление определяется необходимостью лидера для его

---

¹⁰²Лысенко Е. М. Указ. соч. С. 140.

последователей. Успех во времени формирует харизму, она порождает новые ожидания, которые расширяют поле простираения субкультуры. Харизматическая личность является одним из феноменов возникновения субкультуры. Это условие обязательно для явлений первой волны. Однако с течением времени резко меняется социокультурный контекст существования молодежных субкультур. Можно отметить также важнейшие черты постмодернистского стиля современной социокультурной динамики:¹⁰³возрастание роли рефлексии (то есть самосознания личности), которая способна уводить личность от реальности внутрь себя; протейность, то есть неустойчивость, сущностную, познавательную, ценностную неопределенность.

Применение к анализу данной ситуации закона иерархических компенсаций, сформулированного Е. А. Седовым, позволяет понять, что с ростом культурного разнообразия происходит выхолащивание и опрощение «глубинных смысловых пластов этнических, региональных, религиозных и прочих макрогрупповых культур»¹⁰⁴. Поэтому значительное расширение типологии субкультур приводит к тому, что многие из них в настоящее время объединяют людей, стремящихся не столько подчиниться общей идее, сколько самореализоваться через приобщение к общей идее. Поэтому роль харизматического лидера как идейного ядра может в ряде случаев преобразовываться в роль непосредственного организатора.

Наиболее спорной из ключевых проблем изучения молодежных субкультур является соотношение понятий «субкультура» и «контркультура». Понимание термина «контркультура» на протяжении второй половины XX-начала XXI вв. претерпело серьезные изменения. В средствах массовой информации произошла полная утрата его первоначального смысла, в результате чего контркультурой стали называть все культурные проявления, не укладывающиеся в уже ставшие традиционными формы. В научной литературе существуют прямо противоположные точки зрения на данный культурный феномен, в связи с чем представляется актуальным обобщить концепции контркультуры с целью осознания дальнейших перспектив исследования.

Один из идеологов Студенческой революции 60-х гг. XX в. Г. Маркузе, предварил в своих трудах теоретические основания

---

¹⁰³Козлова О. Н. Социокультурные изменения: определение и выбор стиля // Социально-гуманитарные знания. 2000. №4. С. 276; Козлова О. Н. Среда человеческого существования в эпоху постмодерна // Высшее образование в России. 1997. №4.

¹⁰⁴Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. №5. С. 92-101.

концепции контркультуры. Согласно его точке зрения, культура является средством тотального угнетения биологической и социальной сущности человека. Иначе говоря, прогресс культуры выступает как расширение и упрочение функции организованного господства, что приводит к росту общей агрессии, которая затем находит свой выход в мировых войнах, ужасах концлагерей и т. п. Для противостояния этому процессу необходим «Великий Отказ», то есть разрушение культуры и ее репрессивного поля. Соответственно, на смену репрессивной культуре придет нерепрессивная, то есть контркультура, поскольку она будет противостоять репрессивной¹⁰⁵.

Рассуждения Г. Маркузе приводят к главной задаче контркультуры – созданию нового типа личности с новыми формами сознания и действия. В задачи контркультуры входит также формирование новых типов межличностных отношений, формирование новой аксиологической системы, выработка новых этических и эстетических норм, правил, традиций.

Центральное место в концепции Г. Маркузе занимает понятие наслаждения. Великий Отказ должен обернуться ликвидацией принципа реальности и полной эмансипацией принципа удовольствия (эроса). Создание контркультуры на основе принципа удовольствия позволит реально освободить человека, поскольку удовольствие, наслаждение всегда индивидуальны, составляют уникальное индивидуальное жизненное поле личности. Высвобождение принципа удовольствия повлечет за собой появление новой чувственности, что приводит к размышлениям о сексуальной революции.

Преподаватель истории колледжа в Хэйвуде (Калифорния), Т. Роззак (Рожак – Roszak) является автором термина «контркультура». В 1969 г. он опубликовал книгу «Создание контркультуры: Размышления о технократической цивилизации и ее юной оппозиции», а затем еще несколько работ возвели его в ранг крупнейшего теоретика контркультуры конца 60- 70-х гг. XX в. В своих исследованиях он объединил духовные тенденции, направленные против господствующей культуры, в единый феномен контркультуры. По Т. Роззаку, источником возникновения контркультуры является бунт молодых, основанный на их непримиримом отношении к поколению родителей. «Отцы» ненавистны «молодым» прежде всего потребительским, бездуховным отношением к жизни. Погоня за материальными благами, накопительство в итоге создали цивилизацию «по уши увязшую в геноциде, в азартной сумасшедшей игре, целью

---

¹⁰⁵ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002.

которой становится уничтожение всего сущего»¹⁰⁶. Отсюда следует главная цель создания контркультуры – борьба с технократической цивилизацией.

Итак, согласно классической теории контркультуры 50-70-х гг. прошлого века, ее возникновение связано с наступлением индустриальной эпохи развития общества, что повлекло за собой утрату человеком внутренней свободы, принятие в качестве эталонов постоянно воссоздаваемых стереотипов культуры, замену естественных побуждений искусственной репрессивной культурой.

В 60-е гг. XX в. контркультура стала моделью поведения и способом существования субкультурной молодежи США. В рамках практического воплощения концепции контркультуры возник культ «простого человека», устанавливающего для себя новые межличностные связи, отличные от тех, что диктуются нормами существования индустриального капиталистического общества.

В отечественной научной литературе первые работы о контркультуре появляются в начале 80-х гг. XX в. Наиболее резкую оценку получил принцип удовольствия. Так, Ю. Н. Давыдов и И. Б. Роднянская отмечают, что контркультура выступает «против трудовой этики за безделье, осмысленное в духе античной атаксии и буддистской нирваны;... против какой бы то ни было упорядоченности в эротической сфере; против социальности вообще и культурности вообще»¹⁰⁷. В монографии А. С. Мулярчика контркультура характеризуется как явление аморальное: «Она полностью освободилась от всяких ограничений, связанных с моралью,- не только от буржуазного лицемерия и ханжества, но и от ...изначальных представлений о добре и зле, приличном и неприличном»¹⁰⁸. И. И. Федорова, характеризуя значение гедонизма для явления контркультуры, приходит к выводу о том, что последовательный иррационализм, как один из основополагающих принципов контркультуры, упростил принцип удовольствия до буквального толкования удовольствия, то есть до морали вседозволенности¹⁰⁹.

К концу 90-х гг. XX в. сформировалось расширительное представление о контркультуре. Так, П. С. Гуревич в энциклопедии «Культурология. XX век» определяет контркультуру как понятие,

---

¹⁰⁶ Roszak Th. The Making of a Counter-Culture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Oppositions. N-Y., 1969. P. 49.

¹⁰⁷ Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М., 1980. С. 58.

¹⁰⁸ Мулярчик А. С. Спор идет о человеке: О литературе США второй половины XX в. М., 1985. С. 207.

¹⁰⁹ Федорова И. И. Гедонизм как принцип контркультуры // Этика и эстетика. Киев, 1983. Вып. 26.

которое используется в современной культурологии и социологии «для обозначения социокультурных установок, противостоящих фундаментальным принципам, господствующим в конкретной культуре, а также отождествляется с молодежной субкультурой 60-х гг., отражающей критическое отношение к современной культуре и отвержение ее как «культуры отцов»¹¹⁰. Подобное истолкование отвергает существование единого феномена контркультуры, поскольку относит к контркультуре, например, криминальные группировки. Ряд исследователей, развивая данную концепцию, отождествляет контркультуру, альтернативную культуру и молодежные неформальные объединения, приписывая им такие характерные черты, как: критическое отношение и стремление к отрицанию и пересмотру традиционных ценностей, частичное или полный отказ от существующей официальной идеологии, отрицательное отношение к официально культуре, традиционному искусству, ориентация на собственные идеалы, ценности, образ жизни и т. д.¹¹¹.

В противовес расширительному представлению о контркультуре появляется онтогносеологическая концепция субкультур, отвергающая само понятие контркультуры. Ведь если контркультура – это то, что активно противодействует культуре, то есть сверхприродному, созданному людьми, то это абсурдно, по сути. Поэтому наиболее продуктивным данная концепция считает использование понятие субкультуры как позволяющего осмыслить культурную дифференциацию современного общества¹¹².

В первые годы XXI в. оформилось направление, относящее к контркультуре культурные течения в рамках господствующего стиля жизни, которые резко контрастируют с ним и предстают как своего рода вызов господствующей культуре¹¹³. В рамках данного направления в качестве механизмов формирования контркультуры С. И. Левикова отмечает:

- неполное соответствие господствующей культуры реалиям Нового времени, приводящее к появлению контркультуры как отрицания устаревших и утверждения новых культурных форм;
- потребность в самоутверждении молодежи;

---

¹¹⁰Гуревич П. С. Контркультура // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х т. СПб., 1998. Т. 1. С. 322-323.

¹¹¹См.: Сикевич З. Молодежная культура: «за» и «против». Л., 1990; Александров Р.Ю. Социально-философские аспекты развития молодежной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №5.

¹¹²Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №5.

¹¹³Левикова С. И. Указ. соч. С. 146.

- относительное благополучие общества (поскольку бороться против благополучия можно лишь тогда, когда оно есть) и желание покончить с сытой рутинной посредством контркультурных форм¹¹⁴.

Данная концепция позволяет вывести основные различия между молодежной субкультурой и контркультурой как культурными типами. В частности, характерным для молодежной субкультуры конструктивной деятельности, направленной на создание своего мира, борьбе за выживание, закрытости, эскапизму, уходу от встреч с врагом, пассивно-оборонительной позиции, изменениям «для себя» (самоутверждению, самовыражению, отработке социальных ролей) противостоят характерные для контркультуры деструктивная деятельность, направленная на победу над врагом, борьба за победу, открытость противостояния и война, постоянный поиск встреч с врагом, агрессивная наступательная позиция, изменения для общества¹¹⁵.

Автор отмечает, что хотя не все молодежные субкультуры одновременно являются контркультурами, в действительности существует масса переходных типов. Молодежная субкультура начинает перерастать в контркультуру, когда появляется некий общий враг: общество в целом, определенные социальные несоответствия реалиям времени, но не конкретные человек или социально-демографическая группа (подобные «враги» характерны для криминальных группировок). Превращение деятельности большинства молодежных субкультур в контркультурную служит своеобразным показателем завершения определенного этапа в развитии базовой культуры и вхождения в период молодости первого действительно сытого поколения в данном обществе. В тоже время контркультура никогда не превращается в мейнстрим, она всегда появляется «на обочине» исторической магистрали¹¹⁶. Таким образом, данная концепция различает на аксиологических основаниях молодежную субкультуру и контркультуру как два различных типа культуры.

Необходимо остановиться на новейшем, синергетическом подходе к изучению данной проблематики. В исследовании Е. М. Лысенко соотношение понятий «молодежная культура – субкультура – контркультура» уподобляется тринарной системе «симметрия – диссимметрия – асимметрия». На определенном этапе развития человечества возникает потребность в обновлении существующих институтов культуры, социокультурных кодов и традиций. Это обстоятельство выводит культуру из равновесия и привносит

---

¹¹⁴ Левикова С. И. Указ. соч. С. 146-149.

¹¹⁵ Там же. С. 152.

¹¹⁶ Там же. С. 149.

состояние асимметрии, роль которой начинают играть контркультуры. Однако хаос не может продолжаться бесконечно. Субкультура как явление диссимметрии появляется в качестве отрицания отрицания (контркультуры) и как порождение новой культуры¹¹⁷.

Различие между субкультурой и контркультурой автор объясняет, исходя из основных принципов синергетики. «Порядку» – культуре – противостоят два типа хаоса: хаос линейный, построенный на отрицании достижений культуры (статический) и хаос нелинейный динамический (детерминированный). Образцом статического хаоса, не требующего творческого начала и ограничивающегося отрицанием прежних ценностей культуры и является контркультура, жизнеспорождающий, творчески заряженный детерминированный хаос создает субкультуру¹¹⁸.

Синергетическое осмысление контркультуры позволяет исследователю выявить характерные признаки поведения молодежи в контркультуре: негативные отношения молодежи с близкими и чужими, агрессивность, демонстративное неповиновение, разрушительные действия; нарушение воспроизводства и сохранения социокультурных ценностей; отсутствие стремления к самореализации и саморазвитию в том обществе, к которому молодой человек принадлежит.

Значительное внимание автором уделяется изучению социально-психологической составляющей контркультуры. При этом она приходит к выводу о том, что у молодежи, входящей в контркультуру, традиционно отмечаются дефекты правового и нравственного сознания, деформации потребностной сферы личности, негативные особенности характера и эмоционально-волевой сферы. При этом, синергический эффект приумножается, если происходит сочетание результатов неправильного развития личности, недостатков воспитания и неблагоприятной ситуации, в которой она оказалась. В результате контркультура оказывается относительно замкнутой системой с жестко закрепленными ролевыми предписаниями и с потерей смысло-жизненных ориентаций. Примером могут служить тоталитарные религиозные секты¹¹⁹.

Итак, в настоящее время существует несколько подходов к изучению феномена контркультуры. Целый ряд исследователей считают концепцию контркультуры малопродуктивной, описывающей либо общие процессы базовой культуры современного общества, либо вообще не укладывающейся в рамки данных процессов. Однако

---

¹¹⁷Лысенко Е.М. Указ. соч. С.155.

¹¹⁸Там же. С. 158.

¹¹⁹ Там же. С.134-136.

наметился ряд перспективных направлений, позволяющих не только уточнить принципиальные характеристики контркультуры как типа современной культуры, но и выделить и проанализировать новые ключевые проблемы.

Таким образом, нейтральными по отношению к системе образования являются молодежные субкультуры, которые к настоящему времени стали структурным элементом базовой культуры, «привычным феноменом». Противопоставлены современной образовательной системе молодежные контркультуры, ценности которых резко отвергают ценности базовой культуры и носят явно выраженный по отношению к человеку и миру агрессивно-разрушительный характер.

2. 3. НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ

Последние десятилетия характеризуются усложнением внешней организационной среды, резким возрастанием темпов ее изменения и ужесточением конкуренции на мировых рынках. За этот период общественная значимость системы образования, как общего, так и профессионального, многократно возросла.

Глобальные изменения в технологическом, экономическом и социальном развитии мировой цивилизации превратили образование в стратегический фактор прогресса общества, поскольку наращивание научно-технического, социокультурного и духовного потенциала общества напрямую связано с уровнем и состоянием системы образования, повышением образовательного и профессионального уровня всего населения.

В любом государстве образование представляет системообразующий фактор, а качественное образование — основу социального развития и устойчивого экономического роста. На этих постулатах базируется теория «человеческого капитала», которая гласит, что главной ценностью современного общества и основополагающим фактором экономического роста является «человеческий капитал», а инвестиции в него выгодны как их обладателю, так и обществу в целом.

Можно отметить, что процесс реформирования российской экономики носит двойкий характер: от командно-административных к рыночным отношениям и от постиндустриального к информационному обществу. Существующие информационные технологии и сетевые структуры позволяют человеку увеличить экспоненциально свое участие во всех сферах жизни, меняя коммуникационные возможности

общения. Данные процессы требуют изменений в подготовке специалистов. Продолжающийся процесс коренного реформирования российского общества обусловил глубокие изменения и в образовательной сфере.

Сегодня происходит реформирование структуры профессионального образования, соотношения технического и гуманитарного сегментов высшей и средней школы, резко повышается престиж одних учебных заведений, специальностей, направлений подготовки и, одновременно, падает других. Активно развивается платная форма обучения.

Кроме того, намечается усиление зависимости карьеры от образования; растут перспективы фундаментального образования, энциклопедических знаний, престижность отдельных профессиональных знаний — менеджмента, маркетинга, социологии и психологии предпринимательства, программирования и др. В обществе складывается устойчивое мнение о том, что образование является выгодным и перспективным вложением капитала. Это, в свою очередь, способствует росту престижа интеллектуальной собственности личности, наблюдается также рост популярности качественного профессионального образования.

В последнее время «образование» как ценность занимает одну из верхних позиций в иерархии жизненных приоритетов человека. Среди мотивов выбора профессии преобладают такие факторы, как: стремление получить профессию в соответствии со своими интересами, сделать успешную карьеру. Возрастает ценность высококачественного образования. В условиях, когда образовательные услуги превращаются в товар, человек стремится приобретать товар самого высокого качества. Однако, у значительной части населения образование представляет собой «модное увлечение», атрибут нового стиля жизни, а не внутреннюю духовную потребность.

Следует отметить, что престижным считается, в первую очередь, получение диплома специалиста, поскольку такие ступени высшего профессионального образования как бакалавриат и магистратура пока плохо известны основной массе населения и не представляют в глазах потенциальных абитуриентов большой ценности. К сожалению, деятельность органов управления образованием и образовательных учреждений различного уровня не способствует повышению их престижа. Задекларированный переход на новую систему образования повсеместно наталкивается на различные препоны. Отсутствие четкой системы перехода на уровневое образование и стандартов 3-го поколения затрудняет и без того не слишком легкий процесс модернизации. А между тем, структурная разбалансировка такой

жизненно важной социокультурной сферы как образование может спровоцировать деструктивные тенденции в других областях общественной жизни.

Образование не только формирует профессиональные компетенции необходимые для развития материально-технической компоненты любого социума. Важная роль образования проявляется и в том, что оно оказывает, существенное влияние на процесс создания духовных ценностей, преобразование и развитие личности. Оно обеспечивает реализацию познавательных интересов обучающихся, удовлетворяет их потребности в духовном и интеллектуальном развитии, вносит вклад в создание условий для их самоопределения и самореализации, участвует в формировании, сохранении и развитии разнообразных способностей.

Одной из главных особенностей образования выступает дихотомическая связка обучающий-обучаемый. В сфере образования, где преобразуется личность обучаемого, он, не являясь профессионалом, претендует на самую активную роль в процессе субъект-субъектных отношений. Современное образование предполагает ярко выраженную открытость этой сферы для информационного, кадрового и других видов обмена, и задает приоритет сотрудничества.

Невозможно принизить роль образования для формирования общей культуры личности, адаптации личности к жизни в обществе, создания основы для осознанного выбора и освоения профессиональных образовательных программ, которые и реализуются в образовательных учреждениях различного уровня, как наиболее значимая компонента процесса формирования личности, оно при помощи учебного процесса передаёт знания, навыки от одного человека другим. В процессе обучения в сознание индивида привносятся определённые культурные ценности, поскольку процесс обучения направлен на социализацию личности.

Исследователи отмечают, что основная цель образования — передавать ценности культуры, которая доминирует в социуме в данный исторический период. Так как культура каждой нации уникальна и неповторима, то и содержание образования существенно отличается, с течением времени и чередованием эпох меняются и культурные интересы человека и, соответственно, содержание образования. Вместе с тем образование способствует сохранению ценностей, накопленных человечеством, и появлению новых. Одновременно с приобщением к ним образовательные учреждения становятся средством социального контроля над обучаемыми. «Социальные структуры полноценно действуют в ходе структуризации

их людьми, поддерживающей и дополняющей их (структуру) работу. Социальные качества вещей «оживают» и действуют в процессах соответствующей культурной деятельности человека. Если насыщенная социальными качествами деятельность человека не «оживляет» структуры и вещи, те возвращаются в свое квазиприродное существование, свою отчужденную от людей форму»¹²⁰.

Изменение социокультурных условий существования личности ведет к утрате прежней и необходимости формирования новой идентичности. В каждом обществе вырабатывается процесс социализации личности, т. е. развития человека как активного, полноценного члена общества. В его ходе осуществляется подключение индивида к социальной памяти данной общности, освоение им накопленных традиций, через различные социальные механизмы и институты. Индивид осваивает необходимые производственные навыки, практические знания о современной естественной и социальной среде, культурные ценности и нормы. По мнению В. С. Барулина, «общественный мир как целое раскрывается как единство трех уровней: всеобщего социума особенного — общества как системно-целостного универсума и единичного — социумов повседневности. Человек также включает в себя три уровня: всеобщее — человек как абстрактно-субстанциональный субъект, особенное — человек как социологически-функциональный субъект и единое — человек как индивидуально-экзистенциальный субъект»¹²¹.

В процессе социализации и инкультурации происходит усвоение индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества, вбирает в себя все многообразие социальных связей и отношений, реализуя их и выступая активным субъектом их развития.

Личность выступает как специфическое человеческое образование, которому присуще определенное отношение к окружающему его социуму, сознательно устанавливаемое и проявляющееся во всем его существе. Процесс формирования личности — длительный и трудный, и по мере взросления человека меняется, обогащается и, наоборот, беднеет под влиянием неспособности вписаться в окружающую социокультурную среду. Личность получает свою структуру из видового строения человеческой деятельности и характеризуется определенными структурными составляющими, так называемыми, аспектами бытия личности.

---

¹²⁰ Кемеров В. Ч. Введение в социальную философию. М., 1996. С. 160-161.

¹²¹ Барулин В. С. Человек и общественный мир как система // Личность. Культура. Общество: Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. Том VII. Вып. 2 (26). М., 2005. С. 209.

Гносеологический аспект личностного бытия характеризуется объемом и качеством знаний и информации, которыми располагает личность, и складывается из ее знаний о природной и социокультурной среде и самосознания

Обретенная в процессе социализации система ценностных ориентации в нравственной, политической, религиозной, эстетической сферах определяет аксиологический контент личности. Это проявляется в единстве личности и ее самосознания, которое вырабатывается с помощью эмоционально-волевых и интеллектуальных механизмов, раскрываясь в ее мироощущении, мировоззрении и мироустремлении. При этом, обеспечивается активность включения индивида в социальные связи, в общественную практику, и, вместе с тем, человек оказывается детерминированным этими социальными связями, общественными отношениями, складывающимися объективно, вне зависимости от его воли.

Стремясь включить свое «Я» в сознание, чувства и волю других людей посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе или неуспехе реализации этого стремления, тем самым удовлетворяет или не удовлетворяет потребность в персонализации. Однако даже удовлетворение существующих потребностей, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка. Этот процесс продолжается либо в расширении объектов персонализации, в появлении все новых и новых индивидов, в которых фиксируется данный субъект, либо в углублении самого процесса, т. е. в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей. Индивид как личность в его деятельностном существовании всегда включен в определенную систему субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений, выступая предпосылкой, продуктом и результатом социокультурного бытия.

Освоение социокультурного опыта осуществляется каждым человеком в специфически самобытной форме и предполагает развитие его индивидуального своеобразия. Формирование индивидуальных единичных качеств происходит при непосредственном участии социокультурной среды. В. В. Розанов отмечал, что «глубочайшая сущность природы человека, более важная, чем то, что она разумна, что она нравственна и свободна, заключается в том, что она потенциальна по всем направлениям в разуме, чувстве, воле. Ничего нет, что было бы уже дано, она вся в возможности, в предчувствии того, что в ней

заложено как ожидание. Поэтому человека надо понять как систему ожиданий и стремлений»¹²².

Процесс становления и развития личности тесно взаимосвязан с процессом приобщения человека к культуре, и проявляется как поэтапное, кропотливое, скрупулезное формирование внутреннего мира индивида. Культура уникальна, она постижима лишь как неповторимый объект, поэтому духовный мир человека, его собственные душевные состояния не являются индивиду в качестве самостоятельной, непосредственной, очевидной реальности. Здравый человеческий рассудок никогда не сомневается в существовании духовных состояний и процессов вне собственного сознания. «Человек всегда и везде несет в себе огромный запас духовного содержания. Все это духовное содержание, которое человек до поры до времени несет в себе как свою имманентность, он вкладывает в действительность, превращает его во внешне объективированный общественный мир. То, что было имманентным содержанием человеческой духовности, становится содержанием объективированного общественного мира»¹²³.

Отсюда можно предположить, что истолкование каких-либо культурных феноменов основано на том, чтобы воспроизвести внутри себя представления о намерениях тех, кто их создал. Своеобразие, уникальность культуры обнаруживается не только в комплексе различных ценностных ориентаций, поскольку любой человек не просто выбирает ценности, а еще и пытается придать им различную значимость, выстраивая определенную иерархическую систему. Несомненное влияние на этот процесс оказывает как внутреннее духовное состояние индивида, так и культурно-образовательное пространство, в котором человек существует. Нельзя не согласиться с В.С. Барулиным, который отмечал, что человек «...в своей жизнедеятельности всегда имеет определенную мотивационную базу, ценностно-целевую установку. Именно в ней, в этой мотивационной базе жизнедеятельности человека наиболее явственно выражены конкретные ориентиры, ценностные приоритеты человека, которые побуждают его к определенной жизнедеятельности. Эти мотивационные установка человека как бы подкреплены живой человеческой энергией, неотделимы от этой энергии человеческой субъективности»¹²⁴.

Ценностные ориентации имеют дуалистическую сущность, они, одновременно, объективны, поскольку присущи не только конкретному

¹²² Розанов В. В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни. М., 1990. С.41.

¹²³ Барулин В. С. Человек и общественный мир как система // Личность. Культура. Общество: Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. Том VII. Вып. 2 (26). М., 2005. С. 211.

¹²⁴ Там же, С. 217.

индивиду, но и окружающему его макрокосму. Вместе с тем они субъективны: прежде чем создать свою иерархическую систему ценностей, человек должен пропустить их через свое внутреннее «Я», пережить их. Сама личность выступает как высшая ценность, она единична, уникальна, в ней неповторимым образом сходятся грани бытия, тесно переплетаясь с внутренней свободой.

По мнению Г. Риккерта, представляют интерес именно те ценности, которые претендуют на значимость. Однако только в сфере культуры можно непосредственно встретиться с действительностью, связанной с подобного рода значащими ценностями, именно она есть совокупность благ, и только как таковая может быть понята; в культурных благах выкристаллизовывалась множественность ценностей¹²⁵. Развитие культуры, в определенной степени, детерминируется ценностями, органически входящими в нее. Здесь культура выступает как совокупность ценностей общества.

Индивид творит мир ценностей благодаря своему сознанию; собирая и интегрируя макрокосм и пропуская его через свое «Я», он выстраивает определенную матричную схему индивидуальных ценностей, которые сами по себе вне человека не существуют. Однако, создав для себя мир ценностей, человек как бы отгораживается от окружающего мира, помещает себя в созданный «мир» собственных ценностей. Созданный ценностным сознанием мир ценностей, не менее детерминирует наше поведение, чем реально существующий объективный мир.

Ценности формируются в рамках определенной культурной парадигмы. В данном случае культура выступает как непрерывно обогащаемый континуум смысла обращения людей друг к другу, а потому и к самому себе. Обратившись к себе, задумавшись над смыслом своего бытия, человек получает способность разобраться в себе. К осмыслению человеческой природы побуждает и огромный исторический опыт человечества. Люди мучительно переживают процесс отчуждения от власти, собственности, окружающего мира. Социальная практика показывает, что цели, которые они ставят перед собой, часто оборачиваются прямо противоположными результатами. Созданные организации, социальные структуры, институты, вещи обнаруживают парадоксальную враждебность человеку. Усмотрение положительных ценностей и даже одобрение их вовсе не влечет за собой с принудительной необходимостью их осуществление. Каждый индивид отвечает не только за субъективную сторону своих поступков, но и за объективную; не только за их форму, но и за содержание.

---

¹²⁵ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 27.

В процессе своего становления человек впитывает все многообразие культуры. Даже отрицая как существовавшие ранее религиозные и культурные ценности, так и существующие на данном конкретном этапе общественно-исторического развития, индивид не может быть к ним совершенно индифферентен.

С одной стороны, человек формируется под воздействием микросреды, которая, в свою очередь, уже была сформирована благодаря существующим конфессиональным и культурным ценностям. В результате этого влияния, человек впитывает некоторые аксиологические постулаты на подсознательном уровне. С другой стороны, для того, чтобы отринуть данные ценности, индивиду, тем не менее, необходимо их сначала воспринять, так как невозможно отрицать то, о чем не имеешь ни малейшего представления. И если человек усвоил какие-то культурные нормы и ценности, даже не соглашаясь с их значимостью и отрицая их, он, тем не менее, находится в определенной зависимости от них. Как отмечает В. П. Барышков, ценности «...социума и человека относительно устойчивы; оценивание человека — спонтанный процесс. Оценка ценности в обществе осуществляется, прежде всего, относительно практических потребностей; для отдельного человека — относительно пути его жизни, в конечном счете, относительно собственной целостности. Целостность человека не только его психологические состояния, но и его образ жизни»¹²⁶.

В свете сказанного важное значение приобретает учет аксиологического самосознания, которое выступает как форма общественного сознания и самосознания, представляющая совокупность культурных ценностей, чувств, представлений, взглядов, идей, стереотипов и символов, в которых любая социальная группа осознает свой определенный, исторически обусловленный социально-культурный локалитет в системе дифференцированного человечества, а индивид — свою социокультурную и групповую идентичность. Оно отражает своеобразие общественной и культурной жизни, потребностей, интересов и ожиданий и проявляется в виде осознания своей принадлежности к определенному социокультурному пространству с конкретным культурным ядром — традициями, обычаями, нравами, обрядами, бытовым укладом, образующим архетипическую основу самосознания, его культурный контент.

Уровни аксиологического самосознания указывают на меру его адекватного отношения к культурным реалиям: глубину освоения и масштабы охвата социокультурных факторов, прочность и устойчивость их закрепления в сознании и самосознании.

---

¹²⁶ Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. М., 2005. С. 68.

Адекватность и неадекватность аксиологического самосознания влияет, и весьма существенно, на степень позитивности или конфликтности поведения групповых, институциональных и индивидуальных субъектов.

Историко-культурный фактор в реальном функционировании субъекта и носителя аксиологического самосознания в режиме межкультурной коммуникации обеспечивает, прежде всего, типологический контур аксиологического самосознания, дающий возможность выделения в нем основных специфических блоков.

В развитой субъектной культуре решающую роль играет учет аксиологического самосознания. Само собой разумеется, что акцент на субъектной культуре не исключает, а, наоборот, усиливает значение содержания аксиологического самосознания в процессе обеспечения прозрачности всей атмосферы взаимодействия и общения.

По мере реформирования общества на периферию нравственной жизни социума оттесняются нормы и ценности традиционной морали и закрепляются мотивация, поведенческие и оценочные образцы, присущие инновационной морали. В макромире современного общества люди выступают не только как подданные или просто производители, но и как граждане, которые действуют, определяя свои жизненные стратегии и поведенческие тактики вполне самостоятельно, по своему разумению, а не по чьим-то распоряжениям или установленным традициям. Они действуют на свой страх и риск, под собственную ответственность, сориентированные избранными ими нормами-целями на жизненный и деловой успех. По мысли Дюркгейма, «...нравственная жизнь обладает своей собственной эстетикой. Самые высокие добродетели не состоят в регулярном и строгом выполнении действий, непосредственно необходимых для хорошего социального порядка. Они созданы из свободных и самопроизвольных движений, из жертв, к которым ничто не принуждает...»¹²⁷.

Аксиологические нормы выступают важным регулятором взаимоотношений личности и общества. Ценностное отношение имеет и интеллектуальную, и эмоциональную составляющие. Естественно, в любом обществе есть люди, не считающие для себя необходимым исполнять обязательные для всех нормы, но и они знают, что от них требуется их соблюдение, поскольку это установлено в данном государстве, поскольку некоторые нормы объективно имеют общеобязательное значение.

---

¹²⁷ Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. №2. С. 109-113.

В составе аксиологического контента современного общества на передний план выходят требования морального, а не только правового порядка. Нормативно-ценностный контент нашего бытия образует ряд подсистем общественной нравственности, которые формулируют не одни только права, но и обязанности человека, включая их как в побудительные, так и в запретительные нормы. Очевидно, аксиологический контент любого общества вариативен в зависимости от историко-культурных и этно-конфессиональных тенденций развития социума, иными словами, в рамках какой уникальной цивилизации или субцивилизации они образовывались. Если в одних вариантах нравственных ориентиров предпочтения делаются в пользу индивидуализма, то в иных - на передний план выходят интересы общностей. Тем не менее, формирование этики современного общества с ее основными понятиями и интенциями оказывается мощным фактором универсализации норм и ценностей общественной нравственности в целом. Аксиологический контент современного общества не представляет собой завершенного духовного продукта и изменяется вместе с трансформацией самого общества и макрокосма. Многие рассматривают социальную справедливость как возможность достижения каждым своих целей, которые оказываются итогом собственных нравственных исканий и автономного выбора, всего того, что называется духовным суверенитетом личности.

Анализ существующего состояния общества выявляет устойчивую обусловленную направленность личности на определенные задачи. Общая динамика структуры аксиологических ориентаций показывает усиление биологических, социальных и связанных с ними внутренних составляющих личности: здоровье, семья, социальная ответственность, личный успех, повышение экономической активности.

В периоды относительной экономической и социально-политической стабилизации российского общества снижается значимость ценностей, ориентированных на достижение личного успеха, появляется чувство независимости и уверенности в себе. Одновременно с этим идет процесс креативной трансформации сознания, и актуальное значение приобретают общечеловеческие ценности: терпимость, чуткость, альтруизм, характерные для периода экономической и социально-политической стабильности.

Особенностью феномена ценностного сознания в посткризисный период является волнообразная динамика терминальных и инструментальных ценностей. В период кризиса, экономической и социальной нестабильности усиливаются прагматические ценности, наблюдается ориентация аксиологического сознания индивидов,

возникает потребность в личном успехе, волевых ценностях, самореализации личности, работа воспринимается как средство получения материального обеспечения, уменьшается значение этических ценностей, таких как честность и воспитанность, поскольку необходимость выживания сопряжена с нарушением этических норм.

В периоды экономической стабильности усиливается роль ценности досуга, потребности в общении и т. п. При этом, наблюдается инверсия ценностных ориентиров, сознание возвращается к традиционному российскому приоритетам. Отметим, что трансформация аксиологических компонентов индивидуального сознания в период кризиса снижает значение и этнокультурного фактора.

Следует учесть и тот факт, что в обществе существуют особые типы личности, ценностные ориентиры и потребности которых не подвержены трансформации в периоды реформационных преобразований. Динамика ценностных установок в трансформирующемся обществе показывает, что деструктивные изменения аксиологических взглядов членов данного социума носят темпоральный характер, затем наблюдается период возвратного движения, при котором аксиологическое сознание может существенно повлиять на макроэкономическое и социально-политическое развитие социума.

Индивид творит мир ценностей благодаря своему сознанию; собирая и интегрируя макрокосм и пропуская его через свое «Я», он выстраивает определенную матричную схему индивидуальных ценностей. Ценности сами по себе вне человека не существуют. Однако, создав для себя мир ценностей, человек как бы отгораживается от окружающего мира, помещает себя в им же самим созданный «мир». Мир ценностей, созданный ценностным сознанием, не менее детерминирует наше поведение, чем реально существующий объективный мир.

Современное общество зачастую препятствует реализации заложенных в каждом индивиде глубинных личностных потребностей. Стремление человека обрести себя и установить подлинно личностные отношения с другими людьми либо вырождается в духовную пассивность, вызывающую стандартность поведения, либо замечается тяготением к «идолам», ложным ориентирам, используемым индивидом для выработки иллюзорного представления о себе самом.

Человек должен не только познавать существующую реальность, чтобы жить, но и обращать внимание на ее соответствие или несоответствие собственной природе и собственным нуждам: он

должен наслаждаться определенным способом существования самой реальности.

Современному человеку необходимо познать как можно больше вещей, которых он должен остерегаться или которыми он должен пользоваться. Он должен полагаться на разум и посредством его проникать, насколько это для него возможно, в глубь реальности, исследуя основные тенденции развития окружающего его социального и культурного пространства. Очевидно, что развитие культуры, в определенной степени, детерминируется ценностями, органически в нее входящими. Здесь культура выступает как совокупность ценностей общества.

В современном мультикультурном мире каждый человек должен не только выработать свою, уникальную структуру аксиологических ориентиров, разработать только ему необходимый вектор потребностей, но и научиться коррелировать свои потребности, пути и способы их удовлетворения с интересами и потребностями других членов социума. Очевидно, что общемировые ценности в отношении мультикультурных сообществ выражаются в плюрализме культур, уважении к инакомыслящим и «инакобытийствующим», сочетании культурной идентичности, терпимости и уважения к представителям других социокультурных образований, развитию глобального взгляда на человека как носителя планетарной культуры. Поэтому, на современном этапе развития общества именно образование становится одной из важнейших и центральных сфер человеческой деятельности, теснейшим образом связанной со всеми другими сторонами общественной жизни. От способности системы образования удовлетворять потребности личности и общества в высококачественных образовательных услугах принципиально зависят перспективы не только экономического, но и духовного развития государства. Образование, как элемент культуры, помогает поддерживать социальное равновесие в том, или ином обществе, а также между отдельными группами людей в интересах выживания человеческого рода или любой его части.

Как уже отмечалось, дальнейшее развитие социального института образования, совершенствование методов образовательной деятельности оказывают непосредственное влияние на внутренний мир личности, трансформацию микро- и макросреды, что, несомненно, дает возможность повысить роль личности в существующем контексте социокультурного бытия. Именно образование должно стать фундаментом развития общества, способствующим включению каждого члена социума в изменившуюся структуру экономического, политического и социокультурного пространства.

Принцип непрерывности, являющийся основным в конструировании новой парадигмы образования, позволяет выстроить мобильную систему, способствующую получению профессионального образования на различных уровнях: среднем, высшем, послевузовском, дополнительном, формируя условия для образования каждого человека, для всех уровней его интеллектуального, духовного и физического развития на всех возрастных этапах его жизнедеятельности.

Непрерывное образование является разветвленной образовательной системой, обеспечивающей в условиях высокой нестабильности внешней среды и перманентной трансформации основных структурных составляющих общества, сохранение единого образовательного пространства, реализует гибкую систему образовательной траектории, оказывающую креативное влияние на процессы культурного обновления духовной жизни.

Система дополнительного профессионального образования позволяет осуществить основной принцип непрерывного образования — «Образование через всю жизнь». Кроме того, дополнительное профессиональное образование участвует в формировании профессионального мышления, воспитании гражданственности, развитии систем ценностей, смысловой и мотивационной сфер личности, направленных на гуманизацию общества.

Реализация концепции непрерывного образования с использованием системы дополнительного профессионального образования в качестве ключевого компонента помогает решить несколько задач:

- во-первых, наполнить рынок необходимыми высококвалифицированными кадрами, в соответствии с запросами, диктуемыми реформируемой экономикой;
- во-вторых, помочь в адаптации потенциальным потребителям образовательных услуг к меняющимся условиям экономического, политического и социокультурного бытия;
- в-третьих, повлиять на трансформацию аксиологического контента личности в условиях транзитного социума.

Взаимодействие института непрерывного образования и аксиологических установок общества и личности носит сложный и противоречивый характер. С одной стороны, система образования оказывает огромное влияние на становление ценностных ориентиров, помогая формировать аксиологическую компоненту как личности, так и общества в целом. С другой стороны, взгляды, устремления и желания отдельного человека и разноуровневые потребности общества

формируют социальный заказ и определяют вектор развития образовательной системы.

Креативная реализация социального заказа на дополнительные профессиональные образовательные услуги способна на качественно новом уровне решить ряд задач, стоящих перед системой образования в целом и особенно перед системой дополнительного профессионального образования как сверхмобильной и гибкой, позволяющей применить вариативный подход и наиболее полно удовлетворить запросы рынка.

В процессе обучения разрабатываются вариативные по содержанию образования и направленности обучения дополнительные профессиональные образовательные программы, обеспечивающие потребности трудоспособного населения. Для креативной трансформации деятельности системы дополнительного профессионального образования в новых условиях приоритетным является аксиологический подход на содержательном, организационном и технологическом уровнях.

Организация учебного процесса, выстроенного в парадигме аксиологического подхода, опирается на результаты входной диагностики, корректирующие содержательную доминанту программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации; тьюторское сопровождение образовательной деятельности; образовательные программы, включающие разноуровневые тематические блоки для работы со слушателями с различной базовой подготовкой; постоянный мониторинг образовательной деятельности.

Условиями и способами реализации компетентностного подхода к личностно-ориентированному обучению должны быть:

- разработка разноуровневых, сквозных, ступенчатых, преемственных по содержанию вариантов дополнительных профессиональных образовательных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации с возможной корректировкой их в начале обучения в соответствии с запросами, профессиональными проблемами, потребностями слушателей;
- включение в основной учебно-тематический план набора модульных блоков по выбору и проблемных семинаров;
- разработка слушателями проектов совершенствования своей деятельности;
- организация работы малых творческих групп; повышение квалификации по индивидуальным творческим планам; индивидуальным образовательным маршрутам.

Качественным показателем обучения является достижение слушателями действительно высоких результатов в профессиональной

деятельности, ее трансформация, возможность длительного использования новых знаний, появление потребности в непрерывном образовании; комплексное представление о себе как о личности и специалисте, усиление криэйтерства профессиональной жизни; саморефлексия профессиональной деятельности, удовлетворенность ее результатами; сохранение собственной индивидуальности при усвоении аналогичного опыта; преодоление издержек профессии и деформации личности, а также устранение штампов, стереотипов.

Успешность реализаций программ зависит от эффективности используемых методов и технологий преподавания. Мониторинг образовательного процесса в виде «предварительной» и «итоговой» диагностики играет важную роль в повышении эффективности обучения. «Предварительная» диагностика, которая проводится в начале процесса обучения, помогает определить мотивацию слушателей и выявить идеальную модель содержания образования. «Итоговая» диагностика, завершающая этап обучения, позволяет выяснить, степень удовлетворенности организацией обучения, оценить содержательный аспект подготовки и при необходимости провести корректировку данной образовательной программы с учетом интересов потенциальных потребителей образовательных услуг.

Несмотря на значительные позитивные сдвиги в деятельности системы дополнительного профессионального образования, существует ряд сложностей, оказывающих негативное влияние на процесс дальнейшего развития и повышения качества профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Одной из причин этого является отсутствие теоретического обоснования процесса духовно-нравственного становления личности. В ходе сложных и противоречивых, исканий в процессе социальной и культурной идентификации именно образование способно оказать человеку существенную помощь.

Таким образом, реализация концепции непрерывного образования, базирующаяся на гуманистической парадигме, способна сформировать аксиологический контент личностного бытия, помочь человеку успешно адаптироваться к окружающему миру, приобрести навыки, соответствующие потребностям современного рынка труда.

2. 4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Одним из важнейших аспектов мировой системы, определяющим дальнейший ход развития планеты, стала глобализация, затрагивающая все области общественной жизни – экономику, политику, социальные отношения, культуру, науку, безопасность и т. д. Глобализация представляет включение всего мира в открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших коммуникаций и информационных технологий. Выделим основные источники глобализации.

1. Технологический прогресс, который привел к резкому сокращению транспортных и коммуникационных издержек, снижению затрат на обработку, хранение и использование информации.

2. Либерализация экономики, в результате чего усилилось движение капитала и других факторов производства.

3. Расширение сферы деятельности организаций (компаний) на основе новых средств коммуникации и технологического прогресса.

4. Достижение глобального единomyслия в оценке рыночной экономики и системы свободной торговли.

5. Тенденция формирования глобализированных СМИ, искусства, массовой культуры.

Однако глобализация содержит в себе ряд парадоксов.

1. Субъектами и движущей силой глобализации являются промышленно развитые страны, сосредоточенные на их территориях транснациональные корпорации и мировые финансовые центры. Большинство развивающихся стран ощущают себя объектами и жертвами глобализации.

2. Переход к общечеловеческим измерениям во внешнеполитической практике порождает возврат к национальному эгоизму, балансу сил, силовому давлению.

3. Наука и техника способствуют повышению уровня жизни человека, а побочные результаты их развития создают угрозу жизни на Земле.

4. Глобализация культуры дает возможность все более широким слоям ознакомиться с величайшими культурными шедеврами человечества и быть в курсе последних тенденций и достижений, но господствующее положение и доминирующее влияние приобретает массовая культура, ориентированная на усредненный вкус «массового человека».

Отсюда следует, что современное общество имеет новую структуру, основанную на глобализации всех областей жизнедеятельности человека, которые пронизаны глобальными потоками информации. «Сетевая» мировая система отличается крайней противоречивостью, также затрагивающей основные сферы социума.

Глобальное информационное общество испытывает на адаптивность традиционные модели поведения человека, образ жизни, способы мировосприятия, ценности, стереотипы, предрассудки. Тем самым оно оказывает на него все возрастающее трансформирующее влияние. Множество индивидов ставится в зависимость от событий и процессов, не контролируемых ими и представляющими их институтами, происходящими в географически отдаленных от них областях. Значительно расширяется информационное поле групп и индивидов: знания о различных моделях материального потребления, образе жизни, культурах, отличных от принятых в данном обществе, становятся образными, что оказывает влияние на восприятие условий собственной жизни, формирование потребностей, мотивов, ценностей.

Современные средства массовой коммуникации создают возможности для создания человеческих объединений планетарного масштаба. Реально выстраиваются лишь функциональные информационные связи. В глобальном измерении разворачивается процесс индивидуализации человека, часто сопровождающийся взаимным психологическим отчуждением людей, сущность которого состоит в прогрессирующем ослаблении связей личности с определенной социальной средой, все менее способной снабжать ее системой норм, стандартов поведения. С одной стороны, повышается ее ответственность за свою судьбу, роль ее самоопределения. С другой стороны, потребности и мотивы личности все меньше регулируются системой традиций, все больше – стандартом современного образа жизни. Личность не имеет ясного представления о стратегическом смысле своих обыденных действий, а привычно тянется к выгоде.

Приобщение к обществу массового потребления становится самым доступным способом самоутверждения, то есть индивидуализация оборачивается новой стандартизацией.

Современные исследователи¹²⁸ отмечают также важнейшие черты постмодернистского стиля современной социокультурной динамики:

1. Возрастание роли рефлексии (то есть самоидентификации), которая способна уводить личность от реальности внутрь себя.

2. Протеичность, то есть неустойчивость, сущностную, познавательную, ценностную неопределенность.

Об этом свидетельствуют, например, результаты «Игры в имитацию», созданной еще в 1950 г. одним из крупнейших математиков и кибернетиков XX в. А. Тьюрингом. В ней участвуют Машина, Человек, Следователь (человек), связанные между собой телефоном или телетайпом. Следователь должен различить ответы на одни и те же вопросы Человека и Машины. Обнаруживается, что не существует вопросов, на которые Машина не может дать ответ. Все, что может сказать человек, может сказать и компьютер. Тест Тьюринга показывает, что в настоящее время атрибут «разумный» определяет не только человека, а более обширное множество сущностей. В информационной стадии развития общество перестает быть исключительно человеческим и превращается в человеко-машинное, где техника начинает заменять, в том числе, и умственную силу человека. Возникают социотехнические системы, сплавляющие человека и технику в единое целое. Человек в этих схемах превращается в «человеческий фактор». Основное отличие «фактора» от личности заключается в том, что он теряет самоидентифицируемость, децентрируется. Инициатива и окончательное решение вопросов о его взаимодействии с внешней средой, с другими людьми переходят к технике. Цели человека представляются отражением внутренних законов оптимизации и эффективного функционирования социотехноса.

Исходя из всего вышесказанного, становится очевидным, что в настоящее время в глобализованном мире существует необходимость поиска социокультурных механизмов, которые позволили бы стабилизировать политическую, экономическую, социальную сферы общества. Несомненно, что основой подобных механизмов должно стать общечеловеческое культурное наследие, поскольку именно культура обеспечивает воспроизводство и

---

¹²⁸ Козлова О.Н. Социокультурные изменения: определение и выбор стиля // Социально-гуманитарные знания. 2000. №4. С. 276; Ее же. Среда человеческого существования в эпоху постмодерна // Высшее образование в России. 1997. №4.

изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях, хотя в ряде современных научных концепций (К. Томпсон) отмечается, что повседневная жизнь людей не имеет ничего общего с культурным наследием человечества.

Отсюда следует, что перед библиотеками, музеями, другими культурными учреждениями стоит глобальная задача утверждения культуры в качестве нравственной основы политики, экономики, социальной составляющей общества. Она, в свою очередь, предполагает равноправное, наряду с работниками педагогических учреждений, участие сотрудников социокультурных учреждений в образовательном процессе.

В данном случае под образованием мы понимаем не только суммирование обучения и воспитания, но выбор жизненных целей и поиск путей их достижения, совершаемый молодым человеком под руководством взрослого наставника. Это означает, что современные социокультурные институты становятся культурно-информационными центрами, в которых посетитель мог бы не только познакомиться с разнообразными артефактами, обладающими исторической, научной, эстетической ценностью, получить необходимую ему информацию по разным вопросам (социально-бытовую, правовую, деловую и т. д.), но и активно вовлекаться в процесс социализации, инкультурации на основе лучших образцов культурного наследия человечества.

Необходимость развития личности в каждом представителе подрастающего поколения значительно расширяет функции социокультурных институтов, работающих с детьми и молодежью, накладывает на них дополнительную ответственность. Осуществление информационной функции включает в себя формирование навыков интеллектуального труда по обработке получаемой информации. Функция социализации означает одновременно и работу по сохранению и творческому развитию внутреннего мира ребенка. Кроме того, насушно необходимой является работа по социальной адаптации, психолого-педагогическому консультированию детей разного возраста, семей с различным социальным статусом, школы, неформальных и общественных организаций, занятия с детьми с психофизиологическими нарушениями в развитии. Не подлежит сомнению значимость современных социокультурных институтов в процессе сохранения человеческого общества как общества личностей.

Несмотря на унифицированное существование личности в глобализирующемся мире, можно в определенной степени согласиться с точкой зрения Т. Сохраняевой, которая утверждает, что, поскольку новая парадигма производства сосредоточена вокруг знаний и

инноваций, то следствием этого станут рост образованности и усиление творческого элемента в жизни человека¹²⁹. Хотя сейчас можно, на наш взгляд, говорить о появлении в обществе тенденции к росту потребности в образованных и творчески мыслящих специалистах.

Все это дает возможность поставить вопрос об особой роли социокультурных институтов в современном образовательном пространстве. Включение в него музеев, библиотек, эстетических, экологических, досуговых, клубных центров позволяет расширить культурное пространство человека, в котором он реализует свой социальный, духовный, творческий потенциал. В данном перечне музеев занимает ведущие позиции, так как аккумулирует в своих экспонатах социальную память.

Уже древние мыслители изучали возможность придания музею образовательной функции. Известно, что Аристотель использовал свою коллекцию естественнонаучных предметов в ходе преподавания в Ликее. Знаменитая коллекция К. Медичи началась с собрания антиков для обучения художников, а в Лувре с XVI в., задолго до открытия в его стенах музея, сосредотачивались крупнейшие художественные и ремесленные школы Франции. В 1719 г. в Петербурге открылась в качестве общедоступного музея Кунсткамера, профиль которой был определен Петром I так: «для назидания взрослым, обучения юношей». Этапом в развитии музейного дела в Великобритании стало основание в 1852 г. музея Виктории и Альберта в Лондоне с целью облагораживания и просвещения простонародья, самых широких слоев населения. Экспозиция музея подразделялась на отдел декоративного искусства и отдел наук, в котором выставлялись научные инструменты, различные механизмы, педагогические коллекции. Каждый отдел музея с момента основания имел свой колледж и библиотеку.

Не случайно еще в начале XIX в. «музеумом» называли книги, содержавшие полную информацию в области тех или иных научных знаний. В отделе редких книг Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского хранятся несколько выпусков «Детского музеума, или собрания изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежд разных народов, древностей и др. предметов, служащих для наставления и забавы юношества, составленного и гравированного по лучшим образцам, с кратким изъяснением, соответственным понятию детей» издания 1815-1816 гг.

Теоретическое осмысление роли музея как образовательного института особенно заметно проявилось на рубеже XIX-XX вв. Широкий

---

¹²⁹ Сохраняева Т. «Массовый человек» как субъект образования // Высшее образование в России. 2002. № 3. С.102-103.

общественный резонанс во всей Европе получило выступление на конференции «Музей как образовательное и воспитательное учреждение» в Германии в 1913 г. основателя и директора Гамбургской картинной галереи А. Лихтварка, в котором он сформулировал идеи об образовательном назначении музея. Термин «музейная педагогика» впервые употребил в контексте рассмотрения проблемы взаимодействия музея и школы еще один немецкий музеевед, автор специальной методики работы со школьниками в музее, Г. Фройденталь в 1931 г. в книге «Музей – школа – образование». В то время этим термином обозначалось участие музея в учебно-воспитательном процессе, проводимом школой.

В России концепция музея как образовательного института начала формироваться с 1870-90-х гг. Потребности капиталистического развития страны, условия промышленного переворота, бурное развитие науки, в частности, естествознания, имевшего в своей основе эксперимент, рационализаторские опыты в сельском хозяйстве и другие причины потребовали реформы народного образования. Демократизация высшего и среднего образования, организация реальных училищ, увеличение числа начальных школ, в том числе земских. Все это неизбежно влекло за собой значительные изменения в методологии и методике преподавания различных дисциплин. В последней трети XIX в. музей воспринимался как одно из самых актуальных средств реформирования образования¹³⁰ и использовался для борьбы со схоластическими, книжными традициями обучения, а с помощью музейных коллекций реализовался принцип наглядности.

Передовые отечественные педагоги того времени – К. Д. Ушинский, Н. А. Корф, А. Я. Герд, А. Н. Острогорский, П. Г. Редкин и другие – полагали, что наглядность преподавания, знакомство с окружающим миром являются средством формирования личности учащегося. Прежде всего, стали использоваться экскурсионные формы музейной работы. Так, например, Политехнический музей с середины 1870-х гг. проводил циклы экскурсий для учащихся. В 1886 г. в Историческом музее были осуществлены первые экскурсии для воспитанниц женской гимназии. Кроме того, появились новые типы учебных заведений, таких как Тенишевское (создано в 1900 г.) и Коммерческое (1904 г.) училища в Санкт-Петербурге, где экскурсии являлись частью учебного плана.

Появились также музеи, ориентированные, прежде всего, на решение образовательных задач. Старейший из *педагогических* музеев – Педагогический музей военно-учебных заведений – был основан в

---

¹³⁰ Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей. М., 2001. С. 106.

Петербурге в 1864 г. Его основу составляли наглядные пособия и литература по народному образованию, в том числе на основе коллекции пособий по изучению человека как предмета воспитания работала первая в России Психологическая лаборатория. Впервые в стране в этом музее стали комплектоваться пособия по дошкольному воспитанию. Музей издавал каталоги наглядных пособий, изготавливал их для начальных школ и семейного воспитания и обучения, организовывал публичные лекции, народные чтения, учительские курсы, народный хор и общедоступные музыкальные классы. В 1903 г. музей провел I Всероссийский съезд преподавателей русского языка, а в 1906 г. – съезд по экспериментальной педагогике. По сути дела, данный музей являлся научно-практическим центром в области педагогики и народного образования.

Детский музей существовал в рамках детского клуба «Сетлемент», созданного в 1905 г. в Москве С. Т. Шацким, А. У. Зеленко. Музей «Детского труда» был учрежден по инициативе Н. Г. Гогунцова в г. Курске. Первые российские музеи этого типа ставили своей целью развитие детского творчества, создание среды общения на основе общих интересов в процессе совместного труда детей. Школьные музеи рубежа XIX-XX вв. имели такой же характер и являлись результатом совместной деятельности учащихся и учителя по созданию самых разнообразных наглядных пособий, использовавшихся для предметного преподавания. Отсюда следует, что в дореволюционной России музей уже приобрел статус культурно-образовательного учреждения, служащего для ознакомления учащихся с окружающим миром, а также формирования творчески активной личности.

С 1917 г. начинается новый этап в развитии образовательной деятельности отечественных музеев. Прежде всего, после революции значительно расширилась экскурсионная работа. Лишь в 1918 г. в Эрмитаже начались систематические экскурсионные занятия. Усилиями крупнейших специалистов сформировались оригинальные экскурсионные школы. Так, известным историком-медиевистом И. М. Гревсом благодаря использованию целостного подхода к изучению городской среды были заложены основы городского краеведения. Педагог и историк естествознания Б. Е. Райков считал основным свойством экскурсии моторный способ усвоения знаний. Искусствовед А. В. Бакушинский одним из первых стал уделять мастерству экскурсовода как интерпретатора художественного произведения. Он считал, что в основе процесса восприятия зрителем произведения искусства лежит повторный творческий акт. Итогом зрительного восприятия должно стать творческое переживание, которое и позволяет «расшифровать» замысел мастера. Основной

задачей экскурсионной работы авторы различных концепций считали не пассивное усвоение экскурсантами определенных знаний, а пробуждение теми или иными методами их творческой активности, готовности к духовной, творческой деятельности.

Кроме того, происходило осмысление уникальных возможностей музея как культурно-образовательного учреждения. Я. П. Мексин, основатель Музея детской книги, в ноябре 1934 г. на конференции экскурсоводов музеев озвучил одно из важных отличий музея от школы: «Школа, даже самая гибкая, все же связана программой и неизбежно в известной мере нивелирует интересы школьников... Внешкольная экскурсия должна улавливать и удовлетворять специальные интересы и склонности»¹³¹.

Понимание того, что музей создает новые отношения не только между человеком и вещью, но и между человеком и общественной средой, заставляло широко использовать и другие формы работы с посетителями разного возраста. В частности, широко использовались элементы детского музея. В 1934 г. в Ленинграде знаменитый популяризатор науки

Я. Перельман организовал «Дом занимательной науки», в котором все экспонаты можно было трогать руками и работать на них. В 1938 г. в Политехническом музее появилась «Комната смекалки», в которой посетители могли самостоятельно собрать и разобрать радиоаппаратуру, часы, телефон и т. д. В детской типографии Музея детской книги дети самостоятельно могли напечатать картину или стихотворение.

Я. П. Мексин рассказывал: «Иногда дети просят разрешения лишней раз отпечатать клише в своей тетрадке: «А то папанька не поверит, что печатал я сам!». И, действительно, как папаньке поверить, что в солидном государственном учреждении вся работа строится на личных интересах его Ваньки!»¹³².

Характерной особенностью деятельности советских музеев в 1930-е гг. была работа со школьными педагогами. Так, в Третьяковской галерее два раза в месяц проводились семинары для преподавателей литературы, в том числе школ взрослых, на которых учителя получали общее представление об искусстве, а также прорабатывался музейный материал по темам школьной программы. В Государственном историческом музее работали три кружка для учителей 5-8 классов, в которых изучался материал, представленный в музее, а также методика проведения экскурсий¹³³. Школьному педагогу отводилась особая роль посредника между учащимися и музейной экспозицией, что

---

¹³¹ Мексин Я. П. Экскурсионная работа в музее // Советский музей. 1935. №2. С. 24.

¹³² Там же. С. 30.

¹³³ Вертинский Н. Московские музеи и школа // Советский музей. 1938. №9. С. 17.

свидетельствовало о возрастании популярности музейного образования. Однако постепенно деятельность музеев стала политизироваться. Его культурно-образовательное значение сводилось к следующему: «Музеи должны стать лабораториями школьных учреждений, в которых школьники имеют повседневную возможность на местном материале прорабатывать темы, связанные с учебной программой»¹³⁴. Вся работа музея подчиняется задаче формирования и углубления коммунистического мировоззрения населения СССР.

В 1960-середине 1980-х гг. сложилась информативная модель отечественного музея, что выразилось, прежде всего, в рассмотрении музея как средства распространения знаний, имеющих научный характер и предметную основу. Предпринимались попытки вернуть музею статус, прежде всего научного, а не пропагандистского учреждения¹³⁵. Наконец, на современном этапе функционирует коммуникативная модель, характеризующаяся принципиально новым представлением о сущности образовательного процесса в музее и характере взаимодействия между музеем и посетителем, который теперь стал признаваться равноправным участником музейного диалога. Ведущими музейоведами страны были сформулированы новые культурно-образовательные задачи музея в рамках коммуникативной модели:

- всестороннее развитие детей на основе комплексного подхода к воспитанию;
- формирование творческой активности ребенка, его эстетических чувств, вкусов, идеалов с помощью музейных средств;
- развитие у детей эмоций, воображения и фантазии;
- формирование исторического сознания, навыков осмысленного участия в документировании истории природы и общества для выработки научного мировоззрения;
- воспитание музейной культуры¹³⁶.

Постепенно сложилось представление о музейной педагогике как области междисциплинарного научного знания, существующего на стыке музейоведения, психологии и педагогики, а также построенной на его основе отрасли практической деятельности современного музея.

Конечно, более привычным является сотрудничество музея и школы, а также музея и взрослого одиночного посетителя или организованных туристических групп. Однако за последнее

¹³⁴ Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Итоги первой пятилетки» // Советский музей. 1933. №1. С. 7.

¹³⁵ Юхневич М. Ю. Указ. соч. С. 25.

¹³⁶ Ванслова Е. Г. Социальные функции музея: споры о будущем // Музееведение. На пути к музею XXI в. М., 1989. С. 190.

десятилетие среди музейных посетителей заняли свою нишу дошкольники и студенты вузов. Сформировалось два направления работы со студенческой аудиторией. Более традиционное направление связано с профессиональной подготовкой будущих историков, искусствоведов, музееведов. Начало ему положила деятельность кафедры отечественной истории МГУ, где в 70-е гг. XX в., по инициативе профессора М. Т. Белявского, сложилась целостная система музейного образования на базе музеев московского Кремля, включавшая спецкурс по изучению памятников и экспозиций по истории России, подготовку и проведение студентами экскурсии и ее последующее обсуждение.

Другое направление работы со студентами складывается в последние десятилетия. В его основе лежит гуманистическая парадигма современного образования, предполагающая, в частности, что для подготовки творчески работающего профессионала необходимо развитие гуманитарно-эстетического мышления, способности к творчеству. Следствием такого подхода стали программы гуманитарного образования для студентов негуманитарных специальностей. Наиболее комплексно такая работа ведется в Русском музее Санкт-Петербурга, где с 80-х гг. XX в., под руководством профессора РГПУ им. А. И. Герцена Б. А. Столярова, осуществляется музейно-педагогическая программа эстетического воспитания студенческой молодежи вузов негуманитарного профиля. Он исходит из того, что студенты описывают свое отношение к искусству при помощи триады «понимать – знать – уметь». Поэтому программа включает в себя курс по истории русского искусства – лекции, занятия в залах музея, реставрационных мастерских, посещение временных выставок, мастерских художников и пр., а также курс лекторского мастерства, прошедшие который не просто выступают с лекциями, сообщениями перед студенческой аудиторией, но и становятся связующим звеном между вузом и музеем. Программа рассчитана на пять лет, то есть на весь период пребывания студента в стенах вуза, что позволяет ему приобретать не только естественно-техническую специальность, но и параллельно осваивать огромный духовный опыт предыдущих поколений и современного мира культуры.

Программа Русского музея имеет комплексный долгосрочный характер и потому может считаться эффективной разработкой, которая могла бы быть внедрена в практику работы музеев и вузов России. Однако следует отметить, что, несмотря на имеющиеся положительные примеры вовлечения студентов вузов в музейную среду, количество таковых крайне незначительно. Это связано:

во-первых, с недостаточной социокультурной подготовкой, как музейных специалистов, так и преподавательского состава вузов,

поскольку для осознания значимости социокультурного контекста образования и формирования способности творчески развиваться, необходим определенный уровень общей, информационной, коммуникативной культуры;

во-вторых, в регионах отсутствует концепция научно-методического обеспечения деятельности в области музейной студенческой андрагогики. Дополнением к работе традиционных музеев и вузов г. Саратова является «Виртуальный филиал Русского музея», функционирующий на базе СГСЭУ, сосредотачивающий большое количество методических материалов в области инновационных технологий в музейном деле и образовании.

Музейно-педагогический процесс ориентирован на воспитание в условиях музейной среды творчески развитой личности. Музейная среда является важнейшим фактором современного образовательного процесса, обеспечивающим превращение художественного и научного опыта в личные качества человека. Музей совместно с образовательными учреждениями разных уровней призван создать предпосылки для творчески активного, целостного развития личности путем формирования ценностного отношения к культурно-историческому наследию.

Не менее важную роль в культурно-образовательном пространстве занимает библиотека, которая в современном обществе рассматривается как основа развития главных ценностей личности. Несомненна роль библиотек для обеспечения непрерывного обучения, культурного развития граждан и социальных групп. Страны мира имеют разные возможности и находятся на разных этапах на пути к обществу знаний. В каждой из них сформировалось свое понимание роли современной библиотеки, действуют различные библиотечные модели.

Принципы, изложенные в Манифесте Юнеско о публичных библиотеках (в вариантах 1949, 1972, 1994 гг.), стали исходными для понимания важной роли этих учреждений. Сегодня во всем мире публичные библиотеки – это основная категория общедоступных библиотек, осуществляющих бесплатное обслуживание граждан.

В сфере библиотечного обслуживания широких слоев населения явным европейским лидером является Финляндия. В финской модели общества знаний библиотека является важнейшим институтом консолидации общества и гарантом сохранения принципов демократии. Библиотека рассматривается как институт, который обеспечивает функционирование системы распространения информации и доступа к общественно значимой информации, знаниям и культуре, а также обучает граждан пользоваться предоставляемыми возможностями. Она

призвана исполнять наиважнейшую в современном обществе роль организатора знания и эксперта источников информации, участвовать в решении проблем развития национальной культуры и национального языка, а также способствовать преодолению негативных тенденций глобализации массового сознания. Финская библиотека, оснащенная новой техникой и технологиями, сочетает традиционное библиотечное обслуживание и возможности электронной библиотеки.

Практика разработки документов, подобных Манифесту ЮНЕСКО, широко распространена во многих странах мира. Конференцией Российской библиотечной ассоциации (РБА) на VI ежегодной сессии, проходившей 24 мая 2001 г. в Саратове, принят «Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки»¹³⁷. Появление в России Модельного стандарта положило начало созданию рекомендательных профессиональных библиотечных стандартов подобно тому, как это имеет место в странах с устоявшимися демократическими принципами библиотечного самоуправления. Примером этого может служить Руководство Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) по развитию службы публичных библиотек, принятое одновременно с отечественным Модельным стандартом. Оба документа предлагают функциональную модель публичной библиотеки, в основе деятельности которой заложено следование принципам Манифеста ЮНЕСКО:

- предоставление всем гражданам, различным группам пользователей открытого и равного доступа к библиотечным фондам и информации;
- доступность различного вида услуг для осуществления образовательной, профессиональной, творческой и досуговой деятельности граждан;
- отсутствие всякого рода идеологической, политической, религиозной цензуры и ограничений;
- обеспечение защиты свободы чтения и информации;
- бесплатность образования.

Федеральный закон от 29.12.94 № 78-ФЗ «О библиотечном деле», определивший направленность государственной политики в этой области, позволил начать серьезную работу по созданию условий для всеобщей доступности информации и культурных ценностей. Важнейшим условием этого процесса становится определение гарантированного уровня библиотечного обслуживания населения

---

¹³⁷ Тикунова И. П. Концептуальные модели современной библиотеки в странах Баренцева Евро-Арктического региона // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 8. С. 101-104.

России, ниже которого нарушается конституционное право на доступ к информации и культуре.

В России публичные библиотеки представляют особый сектор культурной и информационной сферы общественной жизни, составляя примерно треть всей библиотечной сети и обслуживая около 40% населения. Концептуально современные публичные библиотеки объявлены информационными центрами, обеспечивающими широкий доступ к достижениям цивилизации, к образованию на местах.

Публичные библиотеки относятся к компетенции местных и центральных органов власти и финансируются ими. Органы региональной власти и местного самоуправления вправе разрабатывать и принимать собственные нормативы, отражающие и учитывающие потребности в библиотечно-информационном обслуживании, исторические традиции, а также материальные и иные возможности местного сообщества. Способность библиотек помогать местному сообществу развиваться, позитивно решать проблемы жизнедеятельности в значительной степени зависит от наличия необходимых для этих целей ресурсов.

Каждая библиотека самостоятельно определяет перечень услуг, которые отражают интересы читателей, ценностные ориентиры и приоритеты, а также условия и возможности их предоставления. К обязательным услугам любой публичной библиотеки относится предоставление:

- информации о наличии в библиотечном фонде конкретных документов;
- справочной и консультационной помощи в поиске и подборе источников информации;
- во временное пользование любого документа из библиотечного фонда;
- информации о возможностях удовлетворения запроса с помощью других библиотек.

Библиотека, строящая свою деятельность на основе использования новейших информационных технологий, предоставляющая доступ в корпоративные и глобальные информационные сети, расширяет спектр услуг, обслуживает пользователей в режимах локального и удаленного доступа.

Библиотека, расположенная в местности с развитой сферой информационных, образовательных, культурных услуг, может значительно расширить свои возможности посредством сотрудничества с другими организациями, осуществляя совместно с ними культурные, образовательные, информационные и иные программы, проекты, акции.

В современной российской практике можно выделить несколько инновационных библиотечных моделей. Одна из них - библиотека как информационный Интеллект-центр. Эта модель представляет собой библиотеку, сочетающую традиционные библиотечные формы работы с широким предоставлением электронных информационных услуг. Цель деятельности такой библиотеки - создание информационной, культурной и образовательной среды для интеллектуального развития населения города, и особенно молодежи, через обеспечение свободного доступа населения к информации и знаниям. Интеллект-центр предлагает услуги, обеспечивающие поиск и предоставление доступа к общественно значимой информации и необходимым пользователям знаниям, а также услуги специализированных служб, способствующих коррекции поведения детей и молодежи, развитию их интеллекта, речи, навыков общения, информационной культуры.

Другая модель носит условное название «коммуникационной, или плюралистической» библиотеки. Цель данной модели - содействовать познанию и пониманию различных культур, способствовать развитию плюрализма и толерантности. Она также представляет собой библиотеку гибридного типа. На ее территории формируется система культурных центров, обеспечивающих включение пользователя в свой культурный контекст. Библиотека становится площадкой, где возникает диалог различных слоев общества, региональных и местных властных структур, общественных организаций, этнических культур, субкультур. С его помощью «коммуникационная» библиотека способствует выработке поведенческих навыков, необходимых для жизни в многополярном, глобализированном, мозаичном пространстве современной действительности. Для реализации данной модели библиотека должна обладать значительными ресурсами. Кроме того, такая модель не позволяет в полной мере реализовывать информационную функцию библиотеки.

Мемориальная и краеведческая деятельность библиотек направлена на изучение и популяризацию истории и культуры своей «большой» и «малой» родины, собирание предметов народных промыслов, быта, фотографий, которые становятся основой их музейной экспозиции. В качестве примера можно привести опыт открытия принципиально новой библиотеки в Суздале. Институт «Открытое общество» оборудовал в Суздале уникальную библиотеку, от которой пришли в восторг деятели мирового библиотечного дела, приглашенные горожанами на открытие. Таким образом, у нас появилось еще одно культурное заведение из серии «Модель библиотеки малого города».

На территории России реализуется инновационная модель современной сельской библиотеки, которая представляет собой библиотеку как многофункциональный информационно-культурный, образовательный и просветительский центр, оснащенный современными информационно-коммуникационными технологиями. Она обслуживает различные категории местного населения, отдавая приоритет местным органам власти, специалистам, учащимся, пожилым и больным людям, организует доступ к правовой, деловой, муниципальной и другой информации. Для такой библиотеки характерна полноценная краеведческая работа (включая создание историко-этнографических музеев), различные формы досуговой работы. Такая библиотека становится главным элементом социально-культурной инфраструктуры села, способным привлечь внешние ресурсы, задать импульс процессов социальных преобразований на селе.

В настоящее время актуальной проблемой отечественного библиотековедения является концептуальное моделирование. Все многообразие подходов к моделированию библиотеки можно свести к двум типам: имманентному и объяснительному. Наиболее распространенный подход, используемый при разработке имманентных концепций библиотеки, - структурно-функциональный. Всевозможные модели библиотеки, построенные с этих позиций, представляют библиотеку как соотношение нескольких сущностных, связанных между собой элементов. Однако в силу абстрактности имманентного подхода, все построения оказываются жесткими идеальными схемами, не учитывающими многообразие и быструю динамику библиотечного сообщества, неизбежные в период ускоренной трансформации общества.

Объяснительные концепции библиотеки позволяют моделировать библиотеку с учетом общих закономерностей развития объективной реальности. Большинство объяснительных теорий представляют библиотеку с позиций просветительского подхода, в основе которого лежат гуманистические идеалы. Сторонники этого подхода усматривают гуманистическое предназначение библиотеки в собирании и сохранении духовных достижений человеческой цивилизации, «памяти человечества». На основе этих философских понятий библиотека моделируется как особое культурное пространство. К объяснительным концепциям относятся многочисленные институциональные модели, рассматривающие библиотеку как социальный институт, отвечающий на одну или несколько общественных потребностей.

Очевидно, что наиболее актуальной является разработка модели библиотеки, которая предполагает ее включение в основные социокультурные процессы формирующегося общества. Среди них отметим аккумуляцию социально значимых знаний и управление знаниями, социокультурную коммуникацию и распространение культурных явлений, производство нового знания и социально-историческое воспроизводство культурных форм. По сути дела, библиотека описываемой модели выходит на уровень создания единой мировой библиотеки, способной обеспечить доступ к знанию, хранящемуся в документированной форме в любом месте планеты. Используя традиционный библиотечный инструментарий организации знаний, модернизированный с помощью информационно-коммуникационных технологий, моделируемая библиотека активно включается в процесс управления знаниями. Она генерирует поток вторичной информации, расширяя спектр создаваемых ею видов документов.

Библиотека инновационной модели организует процесс социальной коммуникации как в реальном, так и виртуальном пространстве. При этом она способствует освоению этого пространства, оценке и включению его объектов в культурную практику, обеспечивает ускорение процесса пространственной диффузии документированного знания, его сохранение. Такая библиотека способствует закреплению в общественной практике не только лучших образцов культурного наследия, но и культурных норм, обеспечивающих устойчивое развитие общества.

Благодаря выполнению кумулятивной функции, библиотека инновационной модели обеспечивает концентрацию в одном месте знания, зафиксированного в разных по форме документов, созданных в разное время и в разных точках пространства разными авторами. Участвуя в формировании распределенного библиотечно-информационного ресурса, она отвечает за аккумуляцию своего сегмента документированного знания, специфика которого зависит от типа и вида библиотеки, ее целевого и пользовательского назначения.

В рамках мемориальной функции моделируемая библиотека отвечает за сохранение тех документов, которые создаются на территории обслуживания, отражают историческое и культурное развитие этой территории, решая актуальную задачу построения общества знаний по обеспечению культурного разнообразия. Включая в зону своей ответственности сохранение цифрового наследия, она становится гарантом стабильности электронной среды, обеспечивая сохранение культурных текстов, созданных в сети Интернет.

Реализуя коммуникационную функцию, она обеспечивает доступ пользователей к документированному знанию независимо от их социально-экономического статуса и местонахождения. При этом обеспечение доступности рассматривается в контексте гарантии интеллектуальной свободы человека и как неперемное условие успешного образования и самообразования.

Когнитивная функция библиотеки отражает участие в процессах управления знаниями и производства нового знания. Она предполагает деятельность моделируемой библиотеки по структурированию и систематизации интегрированного знания (особенно в сетевой электронной среде), а также его обработку и синтез.

Культурная функция библиотеки инновационной модели предполагает распространение культурных образцов, обеспечивающих процесс инкультурации человека, введение его в систему основных ценностно-смысловых и нормативно-регулятивных установок культуры, в том числе информационной, критериев оценок и принципов отбора социально приемлемых форм и способов осуществления деятельности в формирующемся обществе знаний. Она является важным звеном в системе просвещения населения (правового, экологического, художественного, краеведческого).

Библиотека инновационной модели становится необходимым условием и основой для развития непрерывного образования. Являясь необходимым элементом образовательной системы, она способствует формированию личности, социально адекватной актуальным потребностям общества знаний, способной получать, использовать и интерпретировать существующие культурные образцы, а также создавать новые культурные формы, новое знание.

Нельзя не отметить, что в настоящее время социокультурные институты образуют систему документальных коммуникаций. На ранних этапах развития культуры довольно сложно идентифицировать специальные функции библиотек и музеев: книга, как и вещественные предметы, выполняла мемориальную функцию, являлась произведением искусства. Однако с момента изобретения книгопечатания книги стали ориентироваться на тиражированные, то есть отвечающие потребностям как можно более широкого круга читателей, документы. Музейные же документы ценны именно своей мемориальной составляющей. Они предназначены для иллюстрирования материальной культуры своего времени, являются свидетельством принадлежности какому-либо лицу или событию.

Сближение способов тиражирования документов, которые одинаково используются и в учреждениях для служебных целей, и в издательствах для публикации произведений, интеграция способов

пересылки документов, информационного поиска вновь приводят к слиянию обособленных прежде социокультурных, информационно-документальных институтов (библиотек, музеев, архивов) в единую систему. Многие библиотеки имеют в своем составе архивы рукописей, инкунабулы и палеотипы, музеи книги, мультимедиа-теки. В то же время практически все музеи имеют свои библиотеки, в ряде случаев представляющие собой общечеловеческую ценность. Например, Национальная библиотека Великобритании в течение ряда веков являлась составной частью Британского музея. В качестве примера можно упомянуть и библиотеку Государственного художественного музея им. А.Н. Радищева, которая пользуется большой популярностью у студентов и научных работников г. Саратова.

Таким образом, перед библиотеками, музеями, другими культурными учреждениями в настоящее время стоит глобальная задача утверждения культуры в качестве нравственной основы политики, экономики, социальной составляющей общества. Современные социокультурные институты должны стать культурно-информационными центрами, в которых посетитель мог бы не только познакомиться с разнообразной информацией по разным вопросам, но и был бы активно вовлечен в процесс инкультурации на основе лучших образцов культурного наследия. Не подлежит сомнению значимость современных социокультурных институтов в процессе сохранения человеческого общества как общества творческих личностей.

ГЛАВА 3. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

3. 1. ДИНАМИКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Глобализация, постепенно охватывающая все сферы жизнедеятельности человека, большинством исследователей рассматривается как естественная стадия развития общества и, одновременно, объективный, «весьма сложный, противоречивый и необратимый процесс», который «имеет немало позитивных последствий: установление единства человека, обмен материальными и духовными достижениями различных стран и народов. Очевидны и теневые негативные проявления глобализации: рост поляризации в мире, диктат Запада во главе с США»¹³⁸. Отсюда следует, что рассмотрение проблемы взаимосвязи человека и общества в настоящее время невозможно вне учета всей сложности и противоречивости условий глобализации и тех динамических процессов, которые охватывают все без исключения сферы социума.

Социодинамика раскрывает специфику развития культуры, связанную с особенностями движения, изменения, трансформации общества на разных его этапах. Сама идея социодинамики культуры универсальна и особенно важна в современных условиях формирования мировой рыночной экономики, интеграционных социокультурных процессов, потому что утверждает понимание того факта, что на разных этапах исторического развития действуют разные типы социодинамики культуры и, соответственно, это делает актуальным их исследование и выявление. Познание закономерностей, источников, социальных факторов, разработка рекомендаций по регулированию,

---

¹³⁸ Добренков В. И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006. С. 20-21.

управлению, функционированию, прогнозированию развития культуры, а также предложений по проведению культурной политики остаются главными ее целями.

Существуют разные подходы к осмыслению социодинамики культуры. Считаем, что и в настоящее время остается актуальной модель А. Моля, согласно которой распространение культурных образцов является одной из предпосылок развития культуры. Оно начинается, по его мнению, с деятельности творческих личностей, каждая из которых на основе своей умственной деятельности, экспериментов, прошлого опыта создает продукт или произведение культуры, по своим качествам пригодный для использования в некоторой социальной группе, в которой и происходит его первая оценка. В том случае, если образец устраивает членов малой группы, он принимается, и это считается первым распространением культурного образца в микросреде, которое на этой стадии может быть закончено или, при наличии некоторых условий, продолжено.

Рассматривая состояние культуры западного мира 60-х годов XX в. в рамках «мозаичного» типа, А. Моль утверждает, что она складывается из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет строгих границ между понятиями, между содержанием¹³⁹ Он анализирует социодинамику культуры как процесс функционирования ее элементарных частиц – «культурем». Для него «культуремы» представляют некие сообщения, которые заключены в продуктах интеллектуальной деятельности людей и передаются от создателя к потребителю средствами массовой коммуникации. А. Моль описывает акт культурной коммуникации как цикл процессов передачи «культурного образца» от его создателя через одобрение малой группой к его распространению с помощью основных каналов коммуникации – радио, печати, кино, телевидения в макрогруппе. Он выделяет три главных момента распространения культурного образца:

во-первых, автор идеи устанавливает контакт с единомышленниками, друзьями, партнерами, то есть, выражаясь современным языком, создает группу поддержки;

во-вторых, осуществляется поиск издательства, студии, фонда, которые помогут профессионально материализовать предложенную авторскую идею;

в-третьих, ведется поиск средств, необходимых для копирования и тиражирования авторского экземпляра.

Исследователя особенно интересует социодинамическая роль средств массовой коммуникации в мозаичной культуре Запада. С этой

---

¹³⁹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 43.

целью он анализирует четыре доктрины их воздействия на потребителя, отмечая при этом, что ни одна из них не имеет приоритетного положения. Средства массовой коммуникации используют все четыре доктрины, однако, в разных пропорциях:

- *демагогическая* нацеливает на распространение рекламной информации;
- *догматическая* ориентирует на распространение идеологической информации;
- *эkleктическая* направлена на распространение гуманитарных знаний, отражающих «глобальную» культуру;
- *социодинамическая* состоит в селективном нацеливании на выбор между прогрессивными, ускоряющими развитие культуры, и консервативными образцами, замедляющими динамику культуры ценностями.

А. Моль предвидел все сложности распространения массовой культуры в обществе и ее противоречивую роль в формировании ценностного сознания людей. Поэтому он и предложил повысить коэффициент разнообразия культурных сообщений (инноваций), чтобы противодействовать распространению стереотипных ценностей, которые публика систематически потребляет, к которым она уже привыкла и которыми руководствуется в повседневной жизни.

Каждый исторический этап развития общества представляет бесконечное множество культурных образцов, и наше время также не является исключением. При этом их ценность, ареал распространения, востребованность, функциональная значимость весьма разнообразны. Весьма расширился арсенал средств массовой коммуникации, сформировался контингент современных управленцев – менеджеров, общество стало больше интересоваться инновациями в социокультурной сфере, особенно в образовании, здравоохранении, досуге, туризме и многих других.

Социодинамическая модель распространения культурных образцов остается востребованной и в настоящее время, хотя новые социально-исторические условия предлагают иные источники и факторы культурной динамики, например, такие как: научные, педагогические, культурные, профессиональные, технологические инновации, культурное наследие, диффузия, синтез, культурная инсценировка и ряд других.

Крупнейший представитель русской и американской школ социологии П. А. Сорокин - один из основоположников социокультурной динамики - представил свою оригинальную модель развития культуры, в которой историческая действительность рассматривается им как единство различных культурных систем

Предметом социодинамики культуры в концепции П. А. Сорокина становится не только сама культура, но, главным образом, движущие общественные факторы, или социальные механизмы культуры. Он исходит из понимания культуры как единства или индивидуальности, в котором все составные части пронизаны одним основополагающим принципом и выражают общую главную ценность. В его концепции ценность представляет основу и фундамент каждой культуры. «Всякая великая культура, - считает он, - есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну и главную, ценность.... Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации»¹⁴⁰.

В результате такого подхода к анализу и осмыслению историко-культурного процесса формируется социодинамическая модель развития каждой культуры. Все имевшие место в истории человечества культурные системы П. А. Сорокин делит на три основных типа, которые, по его мнению, и образуют три суперсистемы: две противоположные друг другу - идеациональная и чувственная (или сенситивная). Третья система - идеалистическая - занимает промежуточное положение между ними.

Классификация противоположных суперсистем культуры основана на следующем критерии - «представление о природе реальности»:

- идеациональная суперсистема имеет сверхчувственную природу, идеальное божественное начало;
- чувственная суперсистема вполне реальна и адекватна восприятию наших органов чувств.

П. А. Сорокин подчеркивает, что в «чистом виде» идеациональная и чувственная суперсистемы культуры никогда полностью не реализуются, поэтому речь идет лишь о доминировании и об определенном господстве каждой из них в конкретный исторический период. Предложенную типологию он наполняет фактическим содержанием, выделяя в качестве основных ее составляющих - искусство, истину, мораль, право, давая им развернутые характеристики.

---

¹⁴⁰ Сорокин П. А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 429.

Идеациональная культура, по своей сути, религиозна, однако в основе ее может лежать и какая-то другая идея, например, коммунистическая, нравственная. В этой суперсистеме целью становится достижение главной идеи, при этом важно отметить, что на первом месте стоят духовные ценности, а материальные занимают второстепенное положение. Черты идеациональной культуры проявляются в культуре Брахманской Индии, Древнего Китая, Древней Греции, западноевропейского Средневековья.

Чувственная культура в качестве своего приоритета имеет материальные ценности, ее духовная жизнь менее развита и неинтересна. Она существовала еще во времена палеолита, в Древней Ассирии, в античной Греции и Риме. Задачей искусства Западной Европы, начиная с XV в., включая XX – XXI вв., становится следующая: доставить удовольствие реципиенту, в качестве которого выступает зритель, слушатель, читатель, пользователь, именно у него снискать успех, признание, славу.

Идеалистическая культура связывает идеационную и чувственную, выступая как переходная культура. Ее расцвет приходится на золотой век античной культуры и раннее европейское Возрождение.

С помощью оригинальных методик, а также благодаря привлечению специалистов из разных областей науки, опираясь на обширный фактический и статистический материал, П. А. Сорокин приходит к выводу о том, что в истории развития человечества наблюдается циклическая смена суперсистем культуры в следующей последовательности: идеациональная, идеалистическая, чувственная. При этом он также отмечает, что самим суперсистемам присуща внутренняя динамика жизни, охватывающая длительные исторические фазы: происхождение – рост – созревание – увядание – упадок – распад.

Изучение истории и культуры нашей страны, в контексте социодинамики культуры П. А. Сорокина, позволяет прийти к выводу о том, что социалистическое государство являлось государством смешенного типа, в котором идейно-ценностная сфера далеко ушла вперед, обогнав политику, экономику, социальное развитие, не успевающие быстро развиваться из-за неэффективного управления непомерно разросшимся госаппаратом, недостатка товаров народного потребления и т. д. Не учитывался также и тот факт, что духовные ценности быстро не изменяются: общественное сознание развивается в соответствии с изменением социального мироустройства.

В настоящее время социодинамическая модель развития культуры П. А. Сорокина активно осмысливается применительно к современному развитию общества и культуры и дополняется

диалектическим триединством взаимосвязанных между собой трех подсистем культуры:

- мировоззренческо-познавательной (наука, философия, в некоторые исторические периоды религия);
- художественно-эстетической (всевозможные разновидности искусства);
- соционормативной (мораль, этика, политическая культура).

Интересную и достаточно обоснованную в теоретическом и практическом отношении модель развития культуры предлагает современный исследователь М. Мид. Руководствуясь критерием взаимоотношения и взаимосвязи поколений, она рассматривает три типа культуры, в том числе современную префигуративную культуру¹⁴¹, из анализа которой можно сделать несколько важных выводов, подтверждающих влияние глобализации на динамику социокультурной сферы:

во-первых, современные взрослые люди получают дополнительные знания не только из традиционных источников, но учатся также и у своих детей, и именно в этом отражается специфика времени, в котором живет старшее поколение;

во-вторых, молодые люди, являющиеся гражданами разных стран, представителями разных культур, языков и народов, но объединенные всемирной электронной коммуникативной сетью, приобретают новую общую культуру и такой опыт деятельности, поведения, общения, которого никогда не было и не будет у старшего поколения;

в-третьих, старшее поколение уже никогда не увидит в жизни современных молодых людей повторения собственной культуры и своего беспрецедентного опыта; при этом, многие представители взрослого населения не знают и не понимают ценности, символику и атрибутику молодежной культуры, что провоцирует противоречия и риски во взаимоотношениях поколений;

в-четвертых, современные дети и взрослые вырастают в разных культурных и образовательных мирах, что ведет к непониманию и духовному разъединению поколений.

Известный американский социолог и публицист-футуролог О. Тоффлер отмечает еще одну важную особенность современной культуры, позволяющую существующее общество назвать «обществом выбрасывателей» и приводит достаточно яркий и наглядный пример. «Как разительно отличается новое поколение девочек, с радостью обменивающихся своих прежних Барби на новых, усовершенствованных, от их матерей и бабушек, которые не расставались со своей любимой куклой, покуда та не разваливалась от старости.... Девочка,

---

¹⁴¹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 323.

обменивающая свою старую Барби на новую, с младенческих лет видит, что у нее вещи в доме подолгу не задерживаются.... Ее дом подобен большой перерабатывающей машине, через которую проходят различные предметы, появляясь и исчезая с все большей скоростью. С момента рождения ей прививается культура выбрасывания»¹⁴².

Не так давно кукла Барби отпраздновала свой 50-летний юбилей. За полвека эта «девушка на все времена» сумела взрастить и воспитать в лучших традициях *american life style* несколько миллионов девочек разных национальностей. Она предлагала ограниченный репертуар действий: переодевания, обмен нарядами, посещение дискотеки, бара, ресторана, косметического салона и т. д. Для сравнения, традиционные отечественные куклы имеют два существенных, но весьма значимых для развития ребенка, отличия:

во-первых, они соответствуют возрасту владелицы,
во-вторых, с ними можно играть во что угодно.

Специалистами в связи с юбилеем была также прослежена эволюция куклы, в основе которой лежала идея расширить рынок продаж, а значит, удовлетворить любой вкус: от незатейливой девушки в стиле пин-ап образца 1959 г. до женщины в интересном положении, экзотической «Принцессы Нила», мусульманской версии Барби по имени Фулла, «Девушки Малибу», астронавтки, кандидата в президенты, инвалида-колясочника, сержанта армии и т. д. Подобная динамика образа не только позволила заработать ее создателям около полумиллиарда долларов, но и еще раз доказала, что детские игры и игрушки постепенно превращаются в потребительство, в коллекционирование, формируют некоторый стандарт внешнего образа, поведения, стиля общения.

Идею ослабления взаимосвязей не только между человеком и предметом, но и между человеком и человеком развивает в своих работах З. Бауман¹⁴³. Он считает, что современное общество «нормально» функционирует, но в другом режиме: отношения между людьми, с одной стороны, многообразные, однако, с другой стороны, фрагментарные и временные. Современный человек длительным, устоявшимся связям и привязанностям предпочитает непродолжительные, необременительные и ни к чему не обязывающие отношения, в которых ему ни за что не приходится отвечать и не брать на себя дополнительных обязательств и ответственности. Если с этой точки зрения посмотреть на отношения, которые складываются между

---

¹⁴² Цит. по: Щербенко Э. Потери на пути к себе//Иностранная литература. 1985. №3. С. 214.

¹⁴³ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996; Он же. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004; Он же. Текущая современность. СПб., 2008.

куклой (предметом) и девочкой (хозяйкой Барби), то несложно прийти к следующим выводам:

во-первых, свои отношения с предметом человек может прекратить в любой момент и по разным причинам или даже без явных причин,

во-вторых, человек может не утруждать себя переживаниями или дополнительными действиями в отношении данного предмета,

в-третьих, человек легко найдет данному предмету замену, потому что выбор товаров и услуг постоянно расширяется и обновляется,

в-четвертых, отношения ребенка к предмету, складывающиеся во время игры с ним, проецируются потом во взрослые отношения и во взрослую жизнь.

Позволим себе высказать предположение относительно реализации нестабильных и кратковременных взаимоотношений между людьми, а также между людьми и предметами в современной культуре как вызванное, с одной стороны, ускорением социального времени культуры, с другой стороны, неспособностью каждого человека соответствовать такому временному темпу-ритму.

Желая соответствовать современным нормам и стереотипам, молодые люди, подростки, дети принимают соответствующие «правила игры» и вовлекаются в созданные индустрии труда, развлечений, потребления, использует специальные социальные технологии, к числу которых относятся средства массовой информации, навязываемые рекламой и модой эталоны престижности, гламурности, единообразные стандарты, шаблоны жизни. Посредством конвейерной индустрии досуга в ее сознание активно внедряются клише массовой культуры, субкультуры с характерными для них:

с одной стороны, примитивизмом, развлекательностью, натуралистичностью, общедоступностью, раскованностью,

с другой стороны, закрытостью, неполнотой информации, ограниченностью доступа.

Существуют разные точки зрения относительно влияния глобализации на динамику культуры. Выделим две наиболее противоположные друг другу позиции:

первая считает, что глобализация нивелирует и унифицирует мировые культуры, исчезают языки и культуры малых народов, идет процесс обезличивания и стандартизации культурных ценностей. Появляется угроза возрождения имперских амбиций на основе новейших информационных технологий, возникновения новой «безликой» культуры, никак не связанной с общечеловеческими

ценностями, утверждения ситуации полного отсутствия диалога между культурами взрослых и детей;

вторая полагает, что интегративные процессы проявляют локальную специфику культур и народов, усиливая как их многообразие, так и различия. Благодаря глобализации перед человеком открываются безграничные возможности виртуализации реальности и перспективы решения многих проблем современности.

Действительно, объемы информации каждый год возрастают многократно, возникают новые информационные каналы, самым популярным из которых является компьютерная система Интернет. Благодаря ее использованию человек с разной шкалой ценностей и разными целями может войти в любую библиотеку и любой музей мира, прочитать любую газету, узнать самые последние новости, подключиться к разным источникам информации и по-разному использовать полученные им знания.

Однако без глубокого научного осмысления происходящих изменений невозможно сориентировать человека в конкретной социокультурной ситуации, направить его последующие действия и поступки в позитивное русло, особенно когда социодинамические реалии порождают неизвестность и как следствие человеку и сообществу в целом приходится принимать на себя ответственность за любое принятое решение. Поэтому среди общетеоретических проблем социодинамики культуры в настоящее время особо выделяется сюжет потери культурной самобытности, замены отечественной культуры культурой глобальной.

Попытаемся разобраться в том, что дает нашему поколению в условиях интенсивных социодинамических процессов основу для оптимизма и некую гарантию сохранения ментального ядра отечественной культуры.

Во-первых, каждая развивающаяся культура, в том числе и российская, имеет обязательную имманентно-поисковую направленность, являющуюся гарантом выживания на основе самоорганизации при внешнем воздействии, поддержке или сопротивлении при внутреннем влиянии. Как убедительно показывает история, несмотря на хрупкость многих образцов, культура обладает необыкновенной способностью к выживанию. В самых экстремальных условиях она продолжает функционировать и развиваться дальше, отчаянно сопротивляясь разрушению традиционных ментальных оснований.

Во-вторых, сформировавшаяся культура в своем развитии основывается на принципах моральной рациональности, выработанных человечеством, и имеющих нормативный характер, который

поддерживается в межличностных массовых взаимоотношениях людей, в функционировании существующих социальных институтов, что также, по нашему мнению, представляет необходимый гарант ее сохранения и дальнейшего развития.

В-третьих, культура, имеющая определенный международный статус, представляет, как правило, открытую систему и отражает трансформацию, которую претерпевают ее носители и сообщество в целом, она не остается в стороне от происходящих глобальных социодинамических процессов и активно в них участвует, провоцируя их реалии сложившимися и апробированными на протяжении веков культурными нормами.

Остановимся подробнее на изменении культурных норм в условиях социокультурной интеграции и возрастания международных контактов в различных сферах жизнедеятельности человека и общества. По истечении определенного времени некоторые нормы культуры, и это закономерно, перестают удовлетворять потребности человека, становятся бесполезными, тормозящими дальнейшее развитие межличностных отношений. Преобразование этих норм происходит по-разному.

Нормы этикета, повседневного поведения преобразуются относительно легко. Фундаментальные сдвиги, осуществляемые в последнее время на государственном и корпоративном (международные экономические, финансовые, политические корпорации, межгосударственные проекты по регулированию социально-экономической жизни глобального пространства) уровнях требуют изменения правовых и нравственных законов, религиозных традиций, норм языкового общения. Данный процесс происходит крайне сложно и болезненно для всего общества, однако, в разных странах он имеет различные степени вариативности. «Для жителей современного общества в его твердой и управляемой стадии основное противоречие отмечалось, - как утверждает польско-британский социолог З. Бауман, - между подчинением нормам и отклонением от них; основное противоречие в нашем обществе в его современной расплавленной и децентрализованной стадии... - это противоречие между способностью принять на себя ответственность и стремлением найти убежище, где не нужно отвечать за свои действия»¹⁴⁴.

В определенной степени данную ситуацию можно объяснить тем обстоятельством, что нельзя грубо вмешиваться в культурные образцы, пытаться резко их «улучшить» потому, что при этом нарушаются тонкие и сложные механизмы культурного мира, который

---

¹⁴⁴ Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008. С. 228.

складывается веками и удерживает человеческое сообщество от потери стабильности и разрушения. В противном случае может наступить хаос, разрушиться историческая связь времен и поколений, примеры чего имеют место и в истории отечественной культуры. С другой стороны, динамика социокультурной ситуации объясняется наличием различных противоречий в реальной жизни общества.

Итак, культура через свои институты, в том числе и через институт образования, оказывает систематическое и целевое воздействие на человека, характеризующееся тремя основными функциями:

- формирование ориентационных механизмов, необходимых для жизнедеятельности в данном обществе;
- создание условий для духовного и физического развития в соответствии с принятой моделью отношений;
- передача социального и культурного опыта.

Данное положение вполне согласуется с теми реализуемыми целями, которые современное образование ставит перед потребителями образовательных услуг, а именно:

- получение знаний, необходимых для выполнения человеком своей жизненной миссии;
- успешная адаптация человека при соблюдении принятых законов этики и культурных норм в данном обществе к реалиям существующей культуры, находящейся в состоянии интенсивной трансформации и интеграции.

В настоящее время необходимо исследовать активно развивающиеся динамические процессы, происходящие между культурой и образованием, вызванные:

с одной стороны, новым раскладом социально-экономических и политических связей, культурных норм, психологических установок, духовных ценностей, моделей поведения,

с другой стороны, внутренними потребностями развития социокультурной сферы российского общества.

Взаимное приспособление и объединение культурных и образовательных ценностей, при сохранении каждым институтом своей специфики, представляет, по нашему мнению, важный социальный ресурс и, одновременно, надежный гарант сохранения и выживания отечественной культуры. Вместе с тем данные динамические процессы осложняются существующими между культурой и образованием противоречиями, связанными со следующими обстоятельствами:

- социальной стратификацией современного российского общества и тенденцией ее усиления;

- отсутствием единой непротиворечивой общенациональной системы ценностей;
- инертностью сознания современного человека;
- существованием взаимоисключающих подходов к пониманию процесса воспитания;
- изменением и размытостью культурных норм, нечеткими моральными идеалами личности, тормозящими выработку у человека навыков самосохранения и выживания¹⁴⁵;
- отставанием образовательных программ за изменениями, происходящими в науке, культуре и обществе.

Данные противоречия, осложняя происходящие процессы, не лишают их динамики и позитивной результативности. Интересным примером является практика развития светского и религиозного образования. Такое взаимодействие соответствует либеральному плюрализму культурных ценностей, идей и интересов, однако, одновременно происходит нарушение сложившегося консенсуса в обществе, где место религии определялось границами свободы совести отдельного человека, при этом также затрагиваются базовые общественные интересы и групповые культурные предпочтения. Исследователь Н. Н. Реутов эмпирически определяет выявленные факторы, влияющие на интеграционный процесс и его эффективность: инициатива и активность граждан по защите своих интересов в сфере образования; степень информированности общества о планах и практике основных субъектов интеграции в сфере конфессионально-ориентированного образования; региональная специфика.¹⁴⁶ С успехом, по мнению автора данного исследования, может быть использован практический опыт изучения религии в светской школе, накопленный преимущественно в странах с историей, культурой, этноконфессиональной структурой населения, сравнимых с Россией.

Известный английский писатель Д. Б. Шоу следующим образом представляет направления адаптации человека к миру современной ему культуры, в основе которой лежит использование собственного образовательно-генетического потенциала: разумный человек пытается приспособиться к миру, а неразумный меняет мир под себя, поэтому прогресс развития общества целиком зависит от людей неразумных. В этом экспромте есть определенная доля истины: изменение условий жизнедеятельности человека влечет за собой

¹⁴⁵ Лысикова Н. П. Интеграция культуры и образования в современных условиях // Сб. науч. тр. «Гуманитарные науки, культура и образование: актуальные проблемы современности. Саратов, 2006. С.170.

¹⁴⁶ Реутов Н. Н. Интеграция светского и религиозного образования в современной России // Социальные структуры и процессы: Сб. науч. ст. Вып. П. Белгород, 2007. С. 96-100.

формирование новых форматов взаимодействия между обучающимися и обучаемыми, воспитанниками и воспитателями.

Помимо профессиональных педагогов, учителей, воспитателей, библиотекарей, музейных сотрудников, представителей искусства в роли наставников все чаще выступают средства массовой коммуникации и средства массовой информации. В настоящее время нередки случаи психолого-информационной зависимости от Интернета, телевидения, компьютера, даже мобильного телефона. К сожалению, данную нишу могут занимать и непрофессиональные педагоги, имеющие корыстные и далеко не гуманные цели. Происходит активное и достаточно быстрое изменение и расширение источников образовательного и воспитательного воздействия, качества и количества получаемых знаний и информации. Виртуальный мир становится подчас более реальным, чем мир живого человека и живой природы и оказывает мощное воздействие на познавательные процессы молодого человека. Он способен перестроить привычные социальные связи и даже заменить их. Возникают феномены психической компьютерной зависимости человека, фальсификации жизненного мира, который не нуждается в реальных общественных и культурно-образовательных отношениях и, следовательно, в традиционных культуре, образовании, воспитании.

Таким образом, динамика развития социокультурной сферы человека и общества выступает в разных соотношениях: то, как условие, то, как следствие; то, как содержание, то, как форма; то, как знаковая модель, то, как импульс трансформации. Особенности динамики социокультурной сферы свидетельствуют о значительных изменениях в отечественной культуре, а также о противоречиях, существующих между традиционной, народной, поколенными, молодежными культурами и субкультурами. Последовательное использование имманентно-поисковой направленности института культуры, принципов моральной рациональности, культурных норм, интеграция культуры и образования, на основе взаимной адаптации при сохранении своей специфики представляют важный социальный ресурс и перспективный гарант сохранения и выживания отечественной культуры.

3. 2. РИСКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Образование находится сегодня в центре внимания государственных структур и социума в целом, так как задачи совершенствования и укрепления современного российского общества напрямую зависят от качества и результативности образовательных процессов. Справедливо также и то, что отличительным моментом современного состояния образования можно назвать увеличение рискогенного поля. Это сопряжено с тем, что общемировые процессы глобализации и дестабилизации, качественных сдвигов во все сферах существования, усложнение современных организационных систем привели к усилению неопределенности, неустойчивости практически во всех сферах существования общества и личности и стали одним из решающих факторов социального бытия. А образование в этом смысле в процессах социального преобразования играет двоякую роль – оно одновременно является как объектом трансформаций, так и субъектом многих качественных изменений. Также можно сказать, что образование способно играть роль определенной лакмусовой бумажки, индикатора глубины и результативности социального переустройства.

Риск в социальном смысле рассматривается современными учеными как особенность субъективной и объективной действительности, сфера антиципации социальными субъектами неблагоприятных событий и способ приспособления к ним¹⁴⁷. Исследователи также отмечают динамичность этого феномена, подчеркивая его подвижность, соединенную с атрибутивными антропологическими характеристиками, что делает понятие риска неотрывным от практически всех аспектов человеческого существования. А. Н. Чумаков справедливо отмечает, что стремиться к преодолению глобализационных рисков - «значит просто не понимать сути происходящего»¹⁴⁸. Он акцентирует наше внимание на том, что риск есть неотъемлемая часть жизни человечества, имеющая разные уровни влияния на социальную жизнь, и что главная задача современного общества состоит в том, чтобы научиться решать постоянно поступающие задачи рискогенных ситуаций и уметь делать

¹⁴⁷ См.: Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. Саратов, 2006. С. 14.

¹⁴⁸ См. Чумаков А.Н. Глобальные риски: сценарии развития в XXI веке // Общество риска и человек в XXI веке: альтернативы и сценарии развития. М.- Саратов, 2006. С. 13.

из них позитивные выводы и опытные приобретения. Все это можно применять и к образованию как к важнейшей сфере общественного бытия, во многом определяющей социальную устойчивость нашего существования.

Анализ рискогенности образовательного пространства невозможно провести без четкого его определения. Начнем с понятия образовательного пространства, которое в современной литературе получило несколько трактовок. Так, исследователь О. А. Леонова обобщает данные трактовки следующим образом. «В ходе анализа ряда исследований были выявлены следующие типичные случаи использования понятия «образовательное пространство»: в качестве метафоры; как синонима термина «образовательная среда» в значении «территориальной» категории, связанной с масштабом тех или иных явлений в образовании или социальной практике; как результат возможной интеграции существующих элементов системы образования; в значении одного из уровней социального пространства (наряду с экономическим, политическим, культурным пространством); как явление в общественных отношениях стран, как специфическое качество единства; как результат конструктивной деятельности»¹⁴⁹.

Нам представляется вполне приемлемым использование различных толкований понятия образовательного пространства, поскольку это многообразие способствует более полному его анализу в соответствии с разнообразными аспектами социального бытия. Интересны интерпретации, связанные, во-первых, с метафоричностью этого термина, и, во-вторых, акцентирующие внимание на результате возможной интеграции существующих элементов системы образования. Также можно согласиться и с синонимом «образовательная среда», применяемом в исследованиях феноменов современного образования. В любом случае мы понимаем, что обращение к понятию «образовательное пространство» только подчеркивает значимость происходящих в образовании процессов, отмечает их качественное значение для будущего российского общества. Более того, именно обращение к нему позволит более полно выявить условия риска, в которых находится современное образование.

Ученые отмечают, что все чаще образовательное пространство соотносится с понятиями «событие», «вероятность», «неопределенность», «интерпретация», которые еще только заявлены в исследовательской литературе и нуждаются в серьезной категориальной педагогически ориентированной проработке. Нынешнее российское общество находится в состоянии качественного усложнения, что приводит и к усложнению образовательного пространства, ведущего к неминуемому изменению как в

---

¹⁴⁹ Леонова О.А. Понятие «образовательное пространство» и его региональная интерпретация // Педагогика. 2008. № 6. С. 37.

его восприятию, так и в его функционировании. Современное образовательное пространство оказывается своеобразной ареной для ситуации риска, в какой-то мере индикатором, лакмусовой бумажкой уровня рискогенности социума в целом. Именно в нем ярче проявляются и жестче обозначаются позитивные и негативные последствия усиления социального риска в дальнейшем развитии региона или страны.

Собственно в функционировании и восприятии образовательного пространства в первую очередь отражаются условия рискогенности общества. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, предуготовленное в обществе знание изображает порядок¹⁵⁰. Образование, в данном случае, подразумевает некий «смысловой универсум», определенную систему, в которой существует стабильное общество, имеющее механизм передачи объема знаний и традиций. Однако существующие автономно самостоятельные смысловые подуниверсумы, связанные с увеличением поля субкультур, конфессиональными, возрастными, половыми, этнокультурными предпочтениями, вносят дестабилизацию в общую образовательную среду, объективно требуя для себя особых условий и, таким образом, подвергая единое образовательное пространство риску размывания, рассыпания на отдельные образовательные замкнутые структуры.

В то же время постоянная усложняемость общего образовательного пространства, требование модернизации, его неустойчивость и изменчивость, вариативность в применении программ, стандартов и прочее усиливают общие рискогенные тенденции социума и себя самого, предлагая не всегда удачные, не апробированные нововведения и экспериментальные структуры. Отсюда следует, что предлагаемые обществом и даже настоятельно требуемые новшества создают своеобразную «питательную среду» для усиления рискогенности в социуме. «Инновации, ускоряющие процесс модернизации, всегда рискованны, идет ли речь об экономических инвестициях, новом законодательстве, педагогических реформах или научных исследованиях»¹⁵¹.

Как форма социальной динамики, знание реализует прямые и косвенные связи между людьми, их отношение к предметности, их саморефлексию. В процессе социального воспроизводства знание не только отображает бытие людей, но и фиксирует социально-пространственные контакты и деятельность людей, служит способом взаимосвязанности субъектов и действий в социальном времени. Оно оказывается скрепляющим элементом социальности, обеспечивающей «связность» человеческого бытия. Поскольку знание - элемент социального процесса, оно не только отражение и переживание людьми

---

¹⁵⁰ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

¹⁵¹ Крон В. Риск (не) знания: о смене функций науки в обществе знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 3. С. 69-89.

их бытия, но и форма их стремлений и побуждений, взаимодействия и самоидентификации. В социальном плане знание определяется как форма, обеспечивающая воспроизводство бытия людей. Оно во многом является формой отображения многомерности социального бытия, что не может не учитывать и не воспроизводить риски.

Современный этап развития общества предлагает его членам существовать в таких ситуациях, которые не имеют отработанных, зафиксированных (в том числе и в образовательной системе) стереотипов и правил поведения в имеющемся опыте социального взаимодействия. Риск уже в какой-то мере заложен в самом образовательном пространстве, но степень его проявления варьируется в разные временные и исторические отрезки. В настоящее время мы находимся на этапе, когда риски имеют большую степень проявленности и влияния на социальные процессы.

Если следовать современному исследователю Б. Гершунскому, образование в рамках образовательного пространства в широком смысле можно рассматривать одновременно как систему, ценность, результат и процесс¹⁵². Он отмечает, что понять и оценить истинную сущность образования как сложного многопланового явления можно лишь в единстве и взаимодополнении этих аспектных характеристик¹⁵³. Во всех обозначенных сферах наблюдаются качественные изменения, которые можно определить именно как состояние риска, так как все они сопряжены с глубинными, а не поверхностными изменениями, затрагивающими основы общества в целом и образовательного пространства в частности.

Попытаемся рассмотреть несколько основных, на наш взгляд, направлений рисков в пространстве образования.

Первое направление связано с системными рисками образования. Систему образования вполне возможно трактовать как горизонтально-вертикальное взаимосвязанное множество образовательных учреждений и их теоретико-практическое взаимодействие с целью достижения в результате определенного образовательного уровня социума. Оно имеет право обладать всеми признаками системы. Системность образования есть необходимое условие стабильного функционирования общества. Она не может не реагировать на системные социальные изменения, в свою очередь, становясь, одновременно, и субъектом и объектом сложных трансформаций. Система образования постоянно подвергается серьезному испытанию

---

¹⁵² См. подробнее: Гершунский Б. Философия образования для XXI века. М., 1999. С. 34.

¹⁵³ См.: Там же.

на прочность и служит некоторой лакмусовой бумажкой стабильности и выживаемости социума в целом.

Риск системности – один из самых важных, поскольку он обусловлен как объективными обстоятельствами, так и их последствиями. К объективным обстоятельствам можно отнести вполне понятные социальные изменения, продиктованные необходимостью структурных преобразований и реформ. Среди них, в первую очередь, вхождение в Болонскую систему, смена системы отчетности и оценки качества полученных знаний. Если даже не касаться тех споров, которые ведутся вокруг происходящих изменений, так или иначе, мы вынуждены отметить, что появление новых видов отчетности и характеристики всех ступеней образования поставило современные образовательные учреждения перед тем, что они вынуждены не только вводить эти новые формы, но и по ходу их внедрения, одновременно с процессом освоения, проводить их качественный анализ, давать этому феномену оценку. Качественно новые цели образования еще не до конца освоены как самими их создателями, так и теми, кто реализует их на практике.

Думается, что система образования, ориентируясь на цели ЕГЭ, в первую очередь должна заботиться о сохранении устойчивости и увеличения продуктивности системы. Она должна соответствовать требованиям, предъявляемым к системам по поддержанию таких значимых качеств, как:

- гибкость,
- динамичность,
- вариативность,
- стабильность,
- адаптивность,
- преемственность,
- целостность,
- прогностичность.

Современные переустройства в образовании создают весьма ощутимые риски в каждой из обозначенных характеристик. Так, гибкость образовательной системы, связанная с вариативностью программ, наличием различного уровня и видов образовательных учреждений сопряжена с опасностью размывания стройности и целостности полученных знаний, с которыми индивид вступает в общественную и профессиональную жизнь. Динамичность характеризуется скоростью реакции образования на требования времени, но здесь имеются риски как опережающей, так и запаздывающей реакции. Опережающая реакция может выдать результат, который не будет востребован через несколько лет, то есть

именно тогда, когда обученные люди вступят в профессиональное поле деятельности. Запаздывающий вариант демонстрирует слишком долгую задержку в реагировании на требуемые временем изменения в формах и способах обучения, в предлагаемых алгоритмах действия, что также создает особую зону риска в таком качестве системы, как адаптивность.

Риски, связанные с прогностическим элементом системы, характеризуют сложности в той сфере, которая отвечает за уровень успешной применимости полученных в данной системе образования знаний и степени их соответствия с предполагаемой социальной системой хотя бы ближайшего будущего. В этом смысле образование подвергается извечному риску уже упомянутого выше запаздывания, так как в любом случае созданная и отлаженная образовательная структура функционирует за счет предыдущих поколений. И как бы эти поколения ни стремились к опережающим результатам, их видение перспектив и образовательных запросов будет отставать от представлений тех, кого они обучают. В свою очередь, молодое поколение не сможет до конца ответить на запрос своих потомков.

Опираясь на предложенную схему М. Мид о трех видах культуры: постфигуративной, где дети, прежде всего, учатся у своих предшественников, кофигуративной, где и дети и взрослые учатся у сверстников, и префигуративной, где взрослые учатся также у своих детей, мы понимаем, что современная культура представляет собой достаточно болезненный переход к префигуративной культуре со всеми вытекающими из этого последствиями¹⁵⁴. Еще не устоявшаяся префигуративная культура порождает целый набор рисков – в том числе и в понимании смыслов, целей, ценностей и задач образования. Префигуративная культура в этом ключе может рассматриваться как изначально рискованная, так как в ее рамках обостряются все межпоколенные и социальные противоречия. Она предполагает, что устоявшееся, апробированное уже не устраивает тех, ради кого существует система образования, – сами будущие поколения. Поколения молодых стремятся в угоду новизне и современному, еще не оформленному запросу, пожертвовать устойчивыми фундаментальными основами, на которых они были выращены. Так, префигуративная культура обостряет все привычные социальные противоречия.

Риски системности проявляются также и в том, что изменяется статусность образования. Это связано с таким явлением, как коммодификация образования, которая представляет собой тенденцию по превращению его в один из видов товара со всеми присущими

---

¹⁵⁴ См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

последнему свойствами (уровнем качества, количеством ассортимента, стоимости и пр.)¹⁵⁵. Профессиональные образовательные учреждения становятся все чаще как бы предприятиями по производству и реализации образовательных услуг, в последние годы уже мало кого настораживает данная формулировка. Это меняет статус как преподавателя, так и обучающихся, которые превращаются в клиентов - первичных потребителей, а вторичным потребителем становится всё общество.

Преподаватели также меняют свое отношение к способу передачи знания, смещают свои воспитательные и информационные функции в пользу последних. Данный риск трактуется Ю. С. Давыдовым как риск потери статуса образования, являющегося основой национально-культурного развития, «общественного блага» доступного всем и не отторгаемого общественного ресурса и достояния¹⁵⁶. Логика рынка вторгается в сферы, ранее им не контролируемые, вследствие чего эти области социального начинают оцениваться с точки зрения стоимости и производного состояния от экономики¹⁵⁷.

Образование приобретает статус вещи, что радикально изменяет его параметры в восприятии участников образовательного процесса. Вещь теряет временные, коммуникативные, этические начала, присущие образованию как феномену. Именно процессуальность образования уходит на второй план. Создается иллюзия вечного «обладания» образованием, если вы приложили разовые усилия к получению этого продукта.

Образовательные учреждения попадают в ситуацию риска, когда они вынуждены бороться за торговый, по сути дела, бренд, а не за длительные перспективы фундаментальных исследований. Обучающиеся стремятся в любое образовательное учреждение, следуя за выработанным (в лучшем случае) или рекламно сконструированным брендом, рекламным имиджем, изменяя незаметно для общества и внутренний запрос к образованию.

Особенно ярко это выражается в столичных вузах или известных средних образовательных учреждениях. Студенты поступают исключительно в вузы с престижным названием и за теми межличностными связями, которые впоследствии помогут создать благоприятную среду для собственного бизнеса в любой сфере независимо от полученной профессии (скорее, ее записи в дипломе). Качество знаний, их специализация и будущее применение в обозначенной профессии не столь значимо, как те социальные дивиденды, которые может дать «раскрученный» бренд вуза. Это приводит к реальным рискам потери

¹⁵⁵ См.: Кармадонов О.А. Институт образования в современном мире: основные тенденции развития // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 6. С. 56-57.

¹⁵⁶ См.: Давыдов Ю.С. Болонский процесс и новые реформы российского образования // Педагогика. 2005. №7.

¹⁵⁷ См.: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

научных школ и вузовских традиций, которые во много обеспечивали преемственность науки и образования в стране.

Не менее рискованным оказывается стремление к унификации образования. В данном случае под унификацией образования не стоит понимать естественное тяготение к необходимой для социума стандартизации, к которой сейчас вплотную подходит отечественная школа. Унификация также вторгается в целевые установки обучающихся, поскольку часто ориентирует их на получение некоего «образования вообще», и под стандартами не подразумевается уровень, качество, встроенность образования в запросы конкретного общества или сферы производства.

Если останавливаться на элементах процессуальности образования, которые естественным образом присутствуют в нем как неотъемлемая и необходимая часть, то здесь следует обратить внимание на усиление его технологичности, увеличения компетенции как конечного результата. Сам процесс современного образования лишается размерности, характерной для предшествующих времен. Не только в восприятии окружающей среды, но в способах усвоения материала учениками и студентами присутствует, так называемая, «клиповость сознания», которая дробит любой информационный блок, любую информацию.

Прерывистость информационного потока, который, с одной стороны, тотален и вездесущ, а с другой стороны, разрознен и беспорядочен, порождает особенные личностные характеристики, к которым ряд авторов относит: «снижение интереса к обучению, поскольку оно не рассматривается как способ формирования будущего, да и будущее мало интересует молодого человека. Основой мировоззрения служат формулы о быстротечности жизни и необходимости наслаждаться и “брать от жизни все”; ослабление и снижение интереса к поиску и формированию духовных связей; усиление прагматического аспекта во взаимоотношениях с людьми; доминирование индивидуалистических ценностей, направленных на удовлетворение таких качеств, как тщеславие, эгоизм и другие; снижение способности индивида к самоанализу, что проявляется в поверхностной, но абсолютно уверенной оценке происходящих процессов, нежелании вникать в суть проблем, акцентируя внимание только на внешних признаках, стереотипизации мышления»¹⁵⁸. Клиповость сознания проникает в сущностные начала образования, что

---

¹⁵⁸ Давыдова М. А. Клиповость сознания как механизм формирования деструктивного индивидуализма // Перспектива. Избранные материалы X Международного конгресса молодых ученых. Нальчик, 2007.

требует серьезного анализа данной рискованной ситуации и реальной оценки перспектив.

Не менее важным элементом оценки риска в образовании является исследование устойчивости символических образов, лежащих в основе культурных представлений социума. Образование рискует лишиться своей символической сущности, с одной стороны, а с другой – рискует потерять способность создавать и воспроизводить символическую основу той культуры, в рамках которой оно существует. Важный момент создания символического, ментального пространства культуры как важнейшей функции образования практически перестал учитываться сейчас как раз в силу усиления коммодификации, поскольку ценность товара на порядок ниже духовного, архетипического, ментального символа, скрепляющего жизнь нации или государства. Это не должно принимать необратимые формы, иначе тогда и образование как таковое перестанет быть востребованным социумом.

Нельзя забывать, что образование несет большую нагрузку по наиболее сконцентрированной, доступной в рамках конкретной этнической или мультиэтнической среде передаче глубинных основ культуры, которая лежит в основе стабильности государства, любых его политических и социальных институтов. Именно образование закладывает их первые устойчивые образы на том уровне, когда человек не отслеживает рационально способы их усвоения. Образование формирует для каждого народа или эпохи, а в них – и каждого конкретного человека – именно им присущий комфортный и оптимальный способ социальной адаптации индивида и воспитания его внутренней этической, личностной структуры и в целом восприятия мира.

Все это подводит к мысли, что коммуникативные риски образования также занимают одно из первых мест по значимости. Коммуникация здесь может рассматриваться как межпоколенческая и как коммуникация между сверстниками. В обоих случаях мы сталкиваемся с качественно новыми факторами, характеризующими это явление.

В первую очередь, высвечивается межпоколенческая проблема коммуникации. Так, исследователи отмечают, что в настоящее время сложился новый вид коммуникации – сетевое сообщество, которое создает абсолютно новый качественный коммуникационный прецедент. И в нем наиболее ярко проявляются несоответствия коммуникационных моделей поколений. О. А. Кармадонов отмечает, что старшее поколение находится в роли «символических инвалидов» и «когнитивных изгоев», поскольку они не понимают новых функций

сетевого сообщества и, таким образом, оказываются вне его¹⁵⁹. Сеть Интернет создает особый мир общения и межличностного взаимодействия, которое приводит к серьезному поколенческому разрыву. Стандартная формула – «дедушки и внуки» - как наиболее удобная и естественная, уже не работает, и поколение родителей уже никогда не увидит повторения своего жизненного опыта в жизни молодых людей¹⁶⁰.

Таким образом, молодые поколения создают свои системы коммуникации и технологии передачи знаний, но способы усвоения этих знаний применяются либо старые, привычные для предшествующих поколений, либо еще не выработаны. Отсюда, как одно из объяснений, почему современная молодежь плохо усваивает и так несложно поданный материал. Все дело в том, что существует разрыв между восприятием информации и тем способом, каким ее пытаются воспринять молодые участники чатов, форумов, блогов. Они либо пытаются рассказать ее себе на языке сетевого сообщества, но для научного знания и архетипического основания эти языки еще не годны, или стремятся уловить чужой язык старших поколений, который базируется на другой ценностной шкале и других способах постижения действительности. Сетевое сообщество изначально предлагает участнику множественность решений и иллюзию индивидуальной ниши переживания и мироустройства. Традиционное усвоение знаний опиралось на обобщенную рациональную картину мира. Более того, современная коммуникация предлагает виртуальные, дистанционные способы общения не только в личном взаимодействии, но и в рамках образовательных учреждений – дистанционное обучение, онлайн-конференции и другие формы контроля и контакта обучающего и обучаемого, которые создают качественно иную атмосферу и пространство учителя и ученика в широком смысле этого слова. Это позволяет быть более раскованными в общении, но в то же время уходит такой важный элемент индивидуальной передачи знания как сакральный ритуал, и молодые поколения рискуют остаться без Учителя как Личности.

3. 3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ

---

¹⁵⁹ См.: Кармадонов О. А. Социальная адаптация в межпоколенческой перспективе: на примере института образования // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 6. С. 169.

¹⁶⁰ Там же. С. 170.

В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Дальнейшая мультикультуризация современного мира способствует ускорению процессов социальной дезинтеграции и личностного кризиса. Привычный социальный порядок и культурные нормы утеряны, и человек может легко растеряться в измененной ситуации. На групповом уровне источником тревожности становится тот факт, что в новых условиях не работают прежние схемы властных отношений, общественного порядка и экономические стратегии, а на индивидуальном уровне могут возникнуть враждебность, неуверенность, идентификационная спутанность и депрессия.

Необходимость сохранения существующего миропорядка в целях глобальной безопасности диктует настоятельную потребность поиска возможностей создания условий для межкультурного диалога, поскольку будущее зависит от усилий по реализации интеграционных тенденций не только в экономической и политической, но и в культурной областях, формированию нового типа мышления и цивилизованного отношения между людьми, носителями различных социальных, конфессиональных и культурных ценностей.

Общемировые ценности в отношении мультикультурных сообществ выражаются в плюрализме культур, уважении к инакомыслящим и «инакобытийствующим», сочетании культурной идентичности, терпимости и уважении к представителям других культур, развитию глобального взгляда на человека как носителя планетарной культуры. «Характерной чертой современного мира является не только интенсивный диалог культур, но и взаимопроникновение культур, которое может быть описано такими понятиями как диффузия, конвергенция, интеграция, сближение, ассимиляция, творческое взаимодействие и др. Обозначенные этими понятиями динамические процессы способствуют формированию единой мировой общности, в то же время они сопровождаются иными, противоположными им процессами, направленными на определение культурной идентичности, подчеркивание уникальности культур, установление культурной автономии, - и в этом отличительная черта современной культурной ситуации»¹⁶¹.

В современных условиях степень актуализации в социокультурной динамике различных тенденций варьируется. В периоды стабильности любая локальная культура, как правило,

¹⁶¹ Дианова В. М. Культурный плюрализм в условиях глобализации // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума. Выпуск 1 / Под ред. Парцвания В. В. СПб., 2003. С. 93-103.

является самодостаточной и процесс заимствования ценностей других культур, приобщения к их опыту сведен почти к минимуму: общество довольствуется функционирующими в нем и поддерживаемыми официальными социокультурными институтами, привычными ценностями, стандартами, устоявшимися традициями.

Для того, чтобы вступить в межкультурный диалог, человеку необходимо обладать определенным уровнем знаний, иметь свои собственные ориентиры, поскольку любой человек не просто выбирает ценности, а еще и пытается придать данным ценностям различную значимость, выстраивая, таким образом, определенную иерархическую систему. Несомненное влияние на этот процесс оказывает как внутреннее духовное состояние индивида, так и социокультурное пространство, в котором человек существует, так как в процессе своего становления он воспринимает все многообразие окружающей его культуры.

Даже отрицая как существовавшие ранее социокультурные ценности, так и существующие на данном конкретном этапе общественно-исторического развития, индивид не может быть к ним совершенно индифферентен, он впитывает некоторые социокультурные постулаты на подсознательном уровне.

В реальной практике межкультурной коммуникации самосознание более всего негативно рефлегирует по поводу фрагментарности той диспозиции, которая реализуется субъектами в процессе общения. При этом немаловажную роль играет социокультурная память, которая выступает не только в виде совокупности природных и культурных раритетов, обретших в сознании людей высшую меру харизматичности, но и как комплекс факторов культурной референции, которые постоянно обуславливают меру социокультурной идентичности. По мнению Ю. М. Резника, «социокультурные различия носят дихотомический характер» и выражаются «чаще всего при помощи дуальных позиций»¹⁶².

В условиях мультикультурности современного бытия остро встает вопрос о социокультурной адаптации человека. Интерес к этой проблеме возник в мировой науке в начале XX в. В настоящее время в силу изменений, произошедших в мировом социокультурном пространстве, данная проблема приобретает новое звучание.

Социокультурная адаптация определяется как интегрированный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные социальные и культурные функции. Следовательно, речь в первую очередь, идет об адекватном восприятии

---

¹⁶² Резник Ю. М. Конструирование социальной реальности: социокультурные различия субъектов познания // *Czlowiek w kulture*. Warszawa, 2007. С. 420.

окружающей действительности и собственного внутреннего мира. Немаловажное значение приобретает и адекватная система отношений и общения с окружающими, способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха, а также адаптивность поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других.

Принято выделять два типа адаптационного процесса:

- первый характеризуется преобладанием активно-инициативного воздействия на социокультурную среду;
- второй определяется как пассивный, с преобладанием конформистской ориентации.

В исследовании проблемы социальной адаптации можно выделить три направления.

Первое направление представлено видными исследователями З. Фрейдом, Э. Эриксонем, Л. Берковитцем. Оно связано с психоаналитическими концепциями взаимодействия личности и социальной среды. При этом социокультурная адаптация трактуется как результат, выражающийся в гомеостатическом равновесии личности и требований внешнего окружения.

Второе направление опирается на гуманистическую психологию и реализовано в работах А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Оллпорта, В. Франкла и других исследователей, где цель адаптации рассматривается как достижение духовного здоровья и соответствия ценностей личности ценностям социума. При этом предполагается развитие у индивида необходимых личностных качеств.

Третий подход связан с концепциями когнитивной психологии личности. Предполагается, что если в процессе информационного взаимодействия со средой личность сталкивается с информацией, противоречащей имеющимся у нее установкам, то возникает рассогласование между содержательным ее компонентом и образом реальной ситуации. Этот когнитивный диссонанс и переживается как состояние дискомфорта, стимулирующее личность к поиску возможностей снятия или уменьшения когнитивного диссонанса.

Долгое время наиболее важные исследования по проблемам социокультурной адаптации проводились только этнологами при изучении аккультурации, которая рассматривалась в качестве феномена, появляющегося тогда, когда группа индивидов из разных культур вступает в непосредственный и продолжительный контакт, последствием которого является изменение элементов оригинальной культуры одной или обеих групп. Отсюда следует, в ситуациях межкультурного общения можно наблюдать динамику, результатом которой может стать принятие или отвержение новой культуры.

Социокультурная адаптация относится к совокупности внешних поведенческих следствий связи индивидов с их новой средой, включая их способность решать ежедневные социокультурные проблемы в семье, быту, школе, на работе. Данный феномен подразумевает приспособление индивида или группы к условиям новой социокультурной среды, а, следовательно, и к новым аксеологическим ориентациям, нормам поведения, традициям, ритуалам, чтобы успешно существовать в новой культурной среде: то есть в данном случае также присутствует динамика, ее результатом может стать принятие новой культуры, изменение личности общающегося.

В результате исследований, проведенных современными учеными, принято выделять четыре основных стадии социокультурной адаптации. К ним относят фазу первой реакции, характеризующуюся диссонансом между объектом и субъектом личности, формированием защитных механизмов, снижением социокультурной активности и работоспособности человека.

На стадии социальной апатии происходит возрастание автоматизма в выполнении жизненно необходимых функций, притупление внимания к новой информации, ощущение ирреальности происходящего, ухудшение памяти, желание прожить начавшийся день поскорее.

Так называемая «контрастная фаза», по сути, является продолжением второй, но адаптация в этот период может либо продолжаться в форме затянувшейся апатии, либо смениться агрессией. Продолжаются регрессивные процессы; преобладают в основном социобиологические потребности в еде, сне, которые могут принять и агрессивный характер, если что-то мешает их удовлетворению. Это тоже один из механизмов защиты. Третья фаза характеризуется также нарушением целостности взаимосвязи индивида со средой. Отсутствует полноценное общение, имеет место языковой барьер, слишком много непривычного, потому что вокруг другая культура, традиции, обычаи. В это время идет интенсивный поиск своего «Я», своего места в другой социокультурной среде.

Последняя стадия является фазой реабилитации. В этот период происходит достаточно интенсивное удовлетворение социальных потребностей, возрождается социальная активность и способность к креативной деятельности, также происходит понимание и принятие обычаев, традиций и стереотипов другой культуры. Таким образом, на четвертой стадии происходит изменение логики поведения человека по направлению к сближению с новой культурой.

Говоря об индивидуальной социокультурной адаптации, необходимо иметь сопоставимую систему ценностей индивида со

шкалой ценностей социума, или точнее, сравнить качества личности на предмет наличия качеств, требуемых социумом в данный момент времени. Для данной проблемы актуален также аспект культурной и психологической комплиментарности, принцип которой связан с подсознательной взаимной психологической симпатией индивидов. В становлении первичного коллектива главную роль играет неосознанная предрасположенность людей определенного склада друг к другу, которая присутствует всегда. Она лежит в основе самопроизвольно формирующихся социальных институтов. При этом различным личностным качествам придаются неодинаковые весовые функционалы.

Индивид с вполне определенными качествами личности живет в определенной социальной группе или принадлежит к конкретной субкультуре, которая, в свою очередь, является составной частью социально-политической системы государства, расположенного на вполне определенной географической территории, с особенностями климата, биосферы, историко-культурного наследия. Вопрос о физическом и психологическом комфорте проживания индивида без учета всей этой группы факторов решен быть не может.

Интенсивное развитие процесса глобализации, являющееся очевидным фактом современного бытия, делает относительными любые национальные границы. «Во многих сферах глобализация изменяет баланс не только между национальным и глобальным, но и глобальным и локальным»¹⁶³. Перманентная модернизация большинства локальных сообществ, этнокультурная интеграция, растущая доля массовой культуры и разнообразные миграционные процессы качественным образом воздействуют на социокультурную картину мира. Культурные ценности, определяющие и связывающие между собой сообщества на местном, региональном или национальном уровнях, оказываются под угрозой поглощения неумолимыми силами мирового рынка. В этих условиях возникает вопрос, каким образом общества могут управлять последствиями глобализации с тем, чтобы местные и национальные культуры, а также лежащее в их основе творчество не понесли потерь, а наоборот, были сохранены и получили дальнейшее развитие¹⁶⁴.

Социокультурное пространство, создаваясь человеком, получает самостоятельное существование. Его развитию во многом способствуют новейшие коммуникативные системы, которые создают эффект «одновременности» в глобальном масштабе: через системы

---

¹⁶³ Богатырева Т. Г. Государство и культура в условиях глобальной динамики // Вестник Московского университета. Серия 18. 2002. № 4. С. 67.

¹⁶⁴ Культура, творчество и рынок. М., 2001. С. 154.

спутниковой связи можно стать свидетелем любого события независимо от того, где оно произошло. Внутренний мир человека отражает все перипетии в развитии социума, состояние духовной культуры общества.

Очевидно, что наше время — это время радикальной реструктуризации всей культуры, специфический темпоральный пласт бытия, когда был совершен переход от просветительской модели культуры к культурам развлекательной, массовой. Одновременно с этим в современном мультикультурном макрокосме наблюдается феномен множественности идентичности, иными словами, один человек ощущает себя частью многих культур.

Множественность культур увеличивается в геометрической прогрессии, появляется все больше субкультур. При этом массовая культура не уничтожает субкультуры, а черпает из них все, что ей необходимо. Впитывая в себя универсальные проблемы, интересы, чувства, массовая культура базируется на универсальных механизмах распространения.

На смену логоцентристскому приходит новый тип культурно-информационного пространства, где нейтральное место принадлежит визуальному образу. В связи с реструктуризацией социокультурного пространства коренным образом изменяется сознание современного человека, который вынужден приспосабливаться к изменяющимся параметрам бытия. Приспособление к окружающей среде чаще всего понимается на собственно адаптационном и поведенческом уровнях.

Очевидно, что в больших и малых городах России и в сельской местности живут традиционно культурно ориентированные группы населения, их подавляющее большинство, с коренным мышлением и, как уже указывалось, в решении адаптационных задач ориентирующиеся не просто на текущий сиюминутный технологический и социальный опыт, но на традиционный опыт многих поколений по выживанию в существующей социокультурной среде. Именно разнообразие субкультур обеспечивает разнообразие адаптационного опыта всех социальных групп, слоев, обеспечивая тем самым устойчивость общественного развития.

В определенные темпоральные периоды развития человека решение социокультурных адаптационных задач преобладает и решающим образом влияет на ход жизни любого индивида, представляя своего рода охранный, профилактический барьер антисоциальным проявлениям, деструктивному влиянию среды. Важную роль в процессе социальной адаптации играет вторичная инкультурация в мультикультурной среде. Именно культура способна обеспечить социальную самореализацию личности, поскольку она охватывает всю

совокупность общественных связей и отношений между людьми, обуславливающую личностное развитие индивида, создающую благоприятные условия для его становления.

С одной стороны, культура формирует тот или иной тип личности, а с другой стороны, личность самим процессом своей жизнедеятельности оказывает влияние как непосредственно, так и опосредованно на процессы, существующие в той или иной культурной среде, поскольку «каждый индивид, рождаясь и существуя в определенном пространстве, формируется как личность и в этом процессе личностного становления создает собственное культурное пространство на основе усвоенного из социального пространства заложенного в нем культурного достояния»¹⁶⁵.

Общество в силу своего социокультурного консерватизма и тяготения к усреднению и уравниванию отдельных членов сообщества, для наиболее благоприятного господства над ними стремится низвести личность до определенного, общего среднего уровня, обедняя и нивелируя тем самым её.

Рассматривая различные варианты взаимоотношений личности и общества, можно выделить несколько видов.

Во-первых, *открытый антагонизм* личности и общества, результатом которого является конфликт противников общественных устоев, добивающихся своих целей любой ценой. К антагонистам можно отнести революционеров, стремящихся радикальными средствами изменить общественно-политическое устройство окружающего их социума, диссидентов и «инакомыслящих».

Как явление диссидентство характерно для тоталитарных режимов. Диссиденты открыто противопоставляют свои убеждения господствующей идеологии, но не являются и не стремятся стать политической оппозицией. Подобное явление практически невозможно в демократическом обществе, поскольку в нем отсутствует жесткая открытая регламентация духовной жизни со стороны политических и государственных институтов. Однако всегда остается возможность существования скрытого влияния общественно-политических институтов на состояние духовной жизни индивидов с помощью средств массовой информации и других способов воздействия на сознание членов социума.

В демократическом обществе можно отметить наличие оппозиции, которая проявляется в двоякой форме. С одной стороны, имеется оппозиция, выражающая свой антагонизм существующему общественному устройству демократическими методами, с

---

¹⁶⁵ Гуткина И. М. Культурное пространство личности // Личность в пространстве России. Саратов, 2000. С. 159.

соблюдением конституционных правил. С другой стороны, часть оппозиционно настроенных индивидов выражает свой протест, прибегая к радикальным методам, примером этому могут служить печально известные «Красные бригады» или ИРА. Открытый антагонизм с обществом может проявляться и в других формах, например, еретическом движении или в Никонианском расколе.

Во-вторых, *конформизм и приспособленчество*. Человек, жертвуя в чем-то своим стремлением, своей целью, идет в добровольное подчинение социально-политическим институтам общества. При этом он перестает быть самим собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему обществом, и становится точно таким же, как все остальные, таким, каким общество хочет его видеть. Превратившись в винтик общественного организма, человек зачастую нивелирует себя как личность. Однако в данном случае также возможны некоторые варианты, история знает примеры того, как не только отдельные индивиды, но и целые социальные группы занимали позицию внешнего конформизма, оставаясь при этом внутренне не согласными с позицией, господствующей в обществе. Так, в Испании после Реконкисты, марраны и мориски, внешне принявшие христианство, в тайне продолжали исповедовать свою религию, что дало повод в дальнейшем Святейшей Инквизиции в первую очередь отправить на костер представителей этих этнокультурных слоев.

В-третьих, *совпадение интересов личности и общества*. В этом случае последнее не отчуждает, не принуждает, не ломает личность, а осуществляет взаимодействие через правовые и моральные регуляторы. На первый взгляд, здесь мы имеем нечто сходное с тем, что характеризуем как конформизм, однако существует принципиальное отличие подобных отношений, которое состоит, в том, что в последнем случае внутреннее «Я» человека не претерпевает сколько-нибудь существенных изменений, ему не приходится «ломать» свой внутренний микрокосм для комфортного существования в социокультурной среде, поскольку интересы общества и личности совпадают.

В-четвертых, *бегство от общества*, стремление человека уйти в мир иллюзий, фантазий, мистику, религию. Не в силах найти свое место среди людей и, стремясь обрести душевное спокойствие, человек укрывается от контактов с обществом. Эта модель взаимоотношений личности и общества получает наибольшее распространение в периоды, когда происходит утрата ранее исповедовавшихся ценностей. Многие члены социума испытывают в сложившихся условиях чувство иррациональности бытия и неспособны адаптироваться в «новом» для них мире. Выдающийся отечественный философ Н. О. Лосский отмечал:

«Человек у которого так раскололась внутренняя и внешняя жизнь, начинает утрачивать сознание реальности...Естественное следствие такого распада и главное, такого самоотрицания есть мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения»¹⁶⁶. Наиболее простым выходом из создавшейся ситуации часть людей считает преобразование своего бытия в небытие.

Исследователи отмечают, что для переходных историко-политических периодов характерно резкое увеличение случаев суицида во всех возрастных группах. В месте с тем, наблюдается так называемый «духовный» суицид, который проявляется по-разному. Некоторые люди полностью абстрагируются от действительности, уходя в различные секты, монастыри, братства, пытаясь сменить традиционную конфессиональную принадлежность в расчете на то, что «новая» религия поможет успешнее адаптироваться в обществе. Одновременно возрастает уровень социокультурного и политического инфантилизма населения. Вступая в агрессивную конфронтацию с миром, принимая активное участие в деятельности криминальных структур или военных действиях, человек разрушает свое внутреннее «Я» и ускоряет процесс перехода сначала в духовное небытие, а затем, в зависимости от сложившейся жизненной ситуации, и в физическое. Поскольку в небытие погружаются носители определенных культурных традиций, то многие знания, сохранявшиеся на уровне бытовой культуры, оказываются безвозвратно утерянными.

Рассмотренные виды взаимоотношений человека и социума предполагают существование в обществе различных типов личности со своим специфическим отношением к культуре.

Во-первых, личность, которая принимает как должное культурные нормы, господствующие в обществе, и даже не осознает этого.

Во-вторых, личность, которая осознает все «плюсы» и «минусы» существующего бытия, но при этом принимает данное состояние как условие комфортного существования и защиты от других внешних потрясений, которые могут возникнуть при изменении существующих социально-культурных институтов.

Следующий тип – это личность пребывающая в инокультурной среде, но исповедующая принципы и нормы своей традиционной культуры. При этом в сознании индивида преобладают автостереотипы, а культурная идентичность носит доминирующий характер. В результате личность нивелируется, так как в угоду традициям человек вынужден отказаться от своей самости, от своей воли. Отсюда, следование различным догмам лишает человека

---

¹⁶⁶ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 137.

внутренней свободы, что может привести к деградации самой личности, а затем к анархии и полному хаосу в обществе, поскольку гипертрофированное восхищение своей культурой часто ведет к усилению сепаратистских тенденций националистического толка.

В условиях мультикультурного социального пространства возникает новый тип личности. Человек проходит стадию инкультурации, в процессе которой выстраивает свою личностную иерархию аксиологических императивов. Вступая в контакты с инокультурной средой, изучая ее «плюсы» и «минусы», он впитывает некоторые постулаты «иной» культуры. На основе соединения компонентов различных культур формируется новое уникальное внутреннее культурное пространство личности. Его уникальность заключается в том, что оно не существует в виде набора господствующих заостренных культурных норм, а обладает достаточной гибкостью и вариативной мобильностью. Эти качества позволяют личности приобрести нормальную культурную идентичность в мультикультурном социуме.

Отрицательное воздействие на процесс социокультурной адаптации оказывает и «духовный» тоталитаризм. В этом случае на личность обрушивается давление не со стороны политических институтов, а средства массовой информации, которые детально охватывают все сферы жизнедеятельности членов общества, жестко регламентируют их путем создания своей иерархии ценностей, закрепощая внутреннее «Я» человека. «Духовный» тоталитаризм проявляется в попытке навязывания идеалов с помощью массовой культуры, при этом нестандартная личность, осознавшая свое внутренне «Я», сумевшая выстроить свою иерархию ценностей, способна отталкивать это давление, а стандартная личность при подобном воздействии подвергается еще большему закрепощению. Следует отметить наличие в тоталитарном обществе как политического, так и «духовного» тоталитаризма, в то время как в демократическом обществе существует лишь «духовный» тоталитаризм.

Если рассматривать свободу в условиях демократического общества, то, так называемая, «свобода от» выступает, на наш взгляд, не как свобода от общества, а как свобода от устаревших ценностных установок, создающих препятствия для дальнейшего внутреннего развития индивида. В то же время «свобода для» в условиях отсутствия тоталитарного воздействия на человека выглядит как свобода для дальнейшего раскрепощения и совершенствования как самой личности, так и окружающего ее социума. В таком случае подавление свободы отдельных членов общества может быть чревато возникновением

произвола, который проявляется как насилие одной части общества или его социальной группы над остальными. С другой стороны, волевые моменты развития личности способны помочь духовному освобождению индивида, который получает возможность саморазвития и формирования своей индивидуальной системы ценностей.

Очевидно, что если в условиях тоталитаризма идет процесс внутренней реализации свободы личности в противовес внешней закрепощенности человека, то в условиях отсутствия тоталитарного воздействия со стороны социума внешняя свобода оказывается обусловленной рамками внутреннего саморазвития индивида. В этих границах обнаруживается культура, поскольку именно в ней сосредоточен внутренний мир человека, при этом культура выступает как мера реализации и развития внутренней самости индивида, отсюда процесс приобщения к культурным ценностям проявляется в качестве механизма индивидуализации и социализации личности.

Свобода, несомненно, выступает фактором, порождающим механизм мира культуры, способностью преобразовывать свой базис, мир, существовавший и существующий до и независимо от человека, в некую качественно новую реальность. Это, по словам Гегеля, «не только свобода абстрактного отрицания, но скорее конкретная и положительная свобода»¹⁶⁷.

Если личность по тем или иным причинам, ощущает она это или нет, понимает или не понимает, но в любом случае и в обществе любого типа зависит от него, то есть в любом случае она несвободна от культурных норм и ценностей социума, возможен ли вариант свободного самоощущения, независимости. Возможным вариантом более легкой социокультурной адаптации в мультикультурной среде представляется творчество.

Проблема творчества всегда занимала человечество, оно исследовалось и продолжает изучаться в настоящее время представителями различных наук как естественных, так и гуманитарных. Отдавая должное сложности феномена творчества и необъятности литературы, посвященной его исследованию, ограничимся положениями о влиянии творчества на духовное развитие личности. С одной стороны, творчество предстает как атрибутивное свойство культуры, с другой стороны, выступает в качестве реализации возможностей трансформации личностью своего бытия.

Понимая творчество как созидание нового, необходимо помнить и учитывать, что результат творческой деятельности может быть различным: или творящий целиком создает ранее не бывшее, или

---

¹⁶⁷ Гегель Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 337.

вносит в известное что-то новое, или же открывает нечто объективно существующее, но ранее неизвестное. Как представляется, достижение состояния внутренней свободы, возможно, прежде всего, при создании нового, ранее не бывшего, то есть того, что составляет основу творчества.

Личность в процессе творчества свободна в том смысле, что она не связана ничем противным вдохновению, ничему внешнему по отношению к творчеству не послушна. Без этого невозможен дух свободного творения. Ведь несамостоятельность и покорность ума принуждает лишь самонадеянно переиначивать чужие мысли, не создавая ничего нового.

Н. Гартман, рассматривая проблему специфики творчества, отмечал, что художника «не подгоняет никакая обязанность, на нем не лежит никакая ответственность... ему открыто безграничное царство возможного, которое не связано никакими реальными условиями. Свобода художника... соответствует дематериализации как модусу бытия художественного созидания и является чистой свободой, не связанной никакими внешними условиями»¹⁶⁸.

Отсюда следует, творец произвольно освобождается от объективного материального мира, природных и общественных отношений, от довлеющих над ним законов социокультурного бытия. При этом, как отмечает А. Ф. Зотов, «творчество - естественный мир свободы хотя бы потому, что с традицией, с принципами, с образцами разрыв здесь диктует сама установка. Творчество преодолевает сопротивление материала, мыслительной инерции, собственных привычек»¹⁶⁹. Творчество свободно, если индивид сумел обрести внутреннюю раскрепощенность. Если говорить о творчестве как о социальном феномене, то следует отметить, что творческая характеристика присутствует на всех уровнях бытия.

Несомненно, творчество следует рассматривать относительно разных его аспектов.

Во-первых, оно выступает как свойство человеческой природы, родовой признак человека.

Во-вторых, понимается как атрибут исторического процесса — процесса развития общества в целом, народов, социальных групп.

В-третьих, оно проявляется как свойство и условие бытия культуры¹⁷⁰.

---

¹⁶⁸ Гартман Н. Эстетика. М., 1958. С. 64.

¹⁶⁹ Зотов А. Ф. Метафизика свободы // Свободная мысль. М., 1992. № 3. С. 113.

¹⁷⁰ Аскин Я. Ф. Категория творчества и проблемы детерминации // Социальное знание: логико-методологический анализ. Саратов, 1987. С. 25.

В-четвертых, творчество представляет собой социальный вид человеческой деятельности, содержанием которого является создание произведений искусства, научных открытий, технических изобретений.

В-пятых, оно есть осуществление свободы личности.

Творчество предстает как способ бытия человека, связанный не только с обновлением и преобразованием внешнего мира, с опредмечиванием в нем всего разнообразия и богатства сущностных сил индивида, но и с одновременной трансформацией духовного мира человека. Отсюда, оно выступает как свободная воля реструктурирующего свой внутренний мир человека. При этом восприятие результатов творчества ведет к трансформации внутреннего и внешнего мира других людей.

Подход к творчеству с позиций его роли в раскрытии внутреннего мира личности характерен для многих русских философов: С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, П. А. Флоренского и других, которые рассматривали творчество не только как процесс созидания, а как служение Творцу. По их мнению, человек является существом, обладающим свободой воли и ведомым по своему земному пути любовью к Богу, а потому — творческим.

Н. А. Бердяев полагал, что творчество приобретает особый смысл, поскольку оно является той средой, в которой человек определяет себя, утверждает себя как личность, как «дитя Божье и дитя свободы»¹⁷¹. По мысли философа, творчество выступает единственным способом овладения смыслом бытия, а сама природа творчества божественна и свободна, так как «от Бога исходит зов, чтобы человек осуществил свой творческий акт, осуществил свое призвание, и Бог ждет ответа на свой зов... Свобода, ничем не детерминированная, дает ответ на Божий зов к творческому деланию»¹⁷².

Именно творчество, согласно теории мыслителя, позволяет индивиду наиболее полно выразить свои личностные силы, подняться над самим собой и тем самым перейти в «инобытие», поскольку «это возвышение над собой, это трансцендентирование себя, выход за замкнутые пределы самого себя есть творческий акт человека, любая деятельность, в которой индивид раскрывает свои сущностные качества, выступает как творчество, ибо «самый малый акт личности есть творчество»¹⁷³. Отдавая должное мыслям русского философа, необходимо отметить, что он рассматривал свободу как проявление творчества. Мы же подходим к творчеству как способу социокультурной адаптации.

---

¹⁷¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 39.

¹⁷² Там же. С. 118.

¹⁷³ Там же. С. 349.

Б. П. Вышеславцев полагал, что «всякое творчество есть воображение, то есть воплощение образа, воплощение идеи»¹⁷⁴. Он видел возможность подлинного творчества лишь со стороны Бога, поскольку человек выступает только как ретранслятор божественных идей и откровений, способный продолжать творения по данным ему свыше образцам. Поэтому мыслитель ставил в один ряд способность к творчеству и способность к внушению, видя в этом критерий творческого: «творческою личностью будет та, которая способна такие внушения получать, которая стоит всего ближе к творчеству Творца, которая творит по образу Его совершенства»¹⁷⁵.

Философ полагал творчество как «сублимированный произвол», отмечая при этом, что свобода произвола, свобода абсолютного выбора, так называемая негативная свобода, в данном контексте выступает как позитивная. Поскольку в этом случае свобода проявляется не в выборе между понятиями о добре и зле, существующими в данной социокультурной среде, а в выборе между дифференцированными комбинациями ценностных ориентаций позитивного толка, иными словами между различными творческими возможностями. Сама личность выступает как «воплощенный дух, воплощенный ум, творческая свобода, свобода воплощения своих идей»¹⁷⁶.

По мнению представителей русской философской школы, творчество оказывается единством всеобщей свободы, особенного мира и единичного, даже единственного дара, оно утверждает ценность индивидуальности и проявляется как наивысшая форма интенсивного развития психо-интеллектуального уровня человека. Свобода проявляется в творчестве в возможности реализовать свои устремления, мысли, чувства, желания, которые индивид не способен реализовать иным путем. Именно человек в продуктах своего творчества способен раскрыть всю глубину своих духовных исканий, проявить свое «Я» независимо от того, существуют ли внешние ограничители. Мировосприятие творящего отличается от существующего бытия индивида, и в творчестве человек раскрывает свое мироощущение. Творческое восприятие мира проявляется в переосмыслении человеческих отношений, истории, культуры, возможности самому быть толкователем, интерпретатором бытия. В одном из своих стихотворений М. Волошин писал:

Творческий ритм от весла, гребущего против течения,
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.

¹⁷⁴ Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 83.

¹⁷⁵ Там же. С. 85.

¹⁷⁶ Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Б. П. Вышеславцев. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 287.

Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой — ты не актер и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающей замысел драмы¹⁷⁷.

В своем творчестве человек велик, он в истинной свободе бессознательного влечения выражает то, чем полна его душа, по-своему воспринимая свое место в мире и высказывая свой, отличный от обыденного взгляд на предназначение творящего:

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз¹⁷⁸.

При этом для творящего характерно завышение оценочных критериев своего творческого «Я», подобное восприятие характерно для многих мастеров. Так, у К. Бальмонта находим:

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сын солнца, я — поэт, сын разума, я — царь¹⁷⁹.

Процесс творчества это нечто очень сложное, непостижимое, которое происходит глубоко внутри человеческого духа. Неведомым для мира, а иногда и для самого творящего путем, часто наперекор его собственному уму, он раскрывает перед окружающими глубочайшие основы своего жизнеотношения и мирозерцания.

Довольно часто, человек в своем творчестве пытается достичь того, что не дано ему как реальному живому человеку. Если обратиться к персонажам «Человеческой комедии» О. Бальзака, то очевидно, что автор, рисуя судьбы и характеры своих героев, прежде всего, обращается к самому себе, к своим воспоминаниям, своим горестям. Многие из его романов, как бы вознаграждают писателя за то, в чем ему было отказано в реальной жизни. Так, де Марсе приносит ему красоту и силу, Растиньяк женится на богатой женщине и делает блестящую карьеру. Каждый персонаж выступает двойником своего создателя: в них он торжествует над окружающим его бытием. Реализуя в процессе творчества креативные способности в создании виртуального мира, человек творящий ощущает собственную значимость:

...Я верую тогда, что сонмом звезд горящим
Одна моя душа согрета в мире спящем,
Что мне здесь одному понять их суждено,

¹⁷⁷ Волошин М. Доблесть поэта // М. Волошин. Избранное. Минск, 1993. С. 157.

¹⁷⁸ Белый А. Вечный зов // А. Белый. Стихотворения. Саратов, 1989. С. 21.

¹⁷⁹ Бальмонт К. Избранное. М., 1990. С. 65.

Что здесь я не пришелец угрюмый, молчаливый,
А царь таинственный всей ночи горделивой,
Что только для меня и небо зажжено¹⁸⁰.

Потребность к обретению своего «Я», наиболее полному выявлению своего внутреннего мира, во всем его противоречии и непонятности проявляется в стремлении к поиску своей единой, неповторимой личности. В творчестве человек способен его обрести, поскольку именно в нем обнаруживает беспредельный полет фантазии творящего, полностью раскрепощается и многократно увеличивается сила воображения, начинают проявляться до той поры, казалось бы, невозможные ассоциативные фантазии автора.

Исследуя в процессе творчества бесконечное разнообразие действительности, развертывая для себя картину бытия, индивид обнаруживает свободу безоглядного проявления себя, по-новому осмысливая, так называемые «вечные проблемы», при этом очень часто создается новый мир, как бы вызванный из небытия:

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани.
И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больных ожиданий.

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...¹⁸¹.

Создание «иномирья» в процессе творческой деятельности можно рассматривать как способ конструирования внутреннего «Я» индивида. Разочаровавшись в окружающем его макрокосме и не имея другой возможности для изменения существующего бытия, человек в процессе творчества создает новый мир, иной, отличный от того, в котором он пребывает в качестве социокультурного существа. Этот виртуальный мир подвластен одному творящему. Вот почему некоторые авторы, рассматривая в своих произведениях всеобщие ценности и истины, стремятся «нарядить» их в фантастические наряды и перенести в созданные ими новые миры. Так, в трилогии У. Ле Гуин «Земноморье» сам мир, созданный автором, — это глубокая аллегория: разбросанные по миру острова, как одинокие, обособленные люди, которые изолированы, замкнуты в себе, поскольку утратили нечто важное для своего существования. Обретение этого Нечто, поиск самих себя в этом фантастическом мире и составляет смысл бытия как автора, так и

---

¹⁸⁰ Гюго В. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1988. С.412.

¹⁸¹ Брюсов В. Я. Мучительный дар // В. Я. Брюсов. Избранное. М., 1984. С.46.

главного героя, совершающего quest в поисках своего предназначения¹⁸².

Необходимо признать, что и в творчестве человек не способен полностью адаптироваться в мультикультурной среде. Даже создавая новые реальности, конструируя новые миры, некоторые авторы переносят многие достижения техногенной цивилизации из реально существующего мира в мир собственных фантазий и творческих поисков. Так, Р. Желязны, создав мир Янтаря, населив его причудливыми созданиями, не только перенес в Иномирье морально-этические нормы реального бытия, но и поместил рядом мифические существа (единорог) и последние достижения современной цивилизации (самообучающийся компьютер)¹⁸³.

Как видно, влияние социокультурной среды на творчество выступает в виде выработки определенной мировоззренческой «матрицы», которая отвечает особенностям того типа культуры, к которой принадлежит творческая личность. Создание новых миров еще более увеличивает количество субкультур, в контакт с которыми вступает современный человек. Поскольку для информационного общества характерна виртуализация бытия, то современный человек воспринимает виртуальные миры как часть общего социокультурного пространства и включает их в свой онтологический контент.

Несомненно, универсальная природа индивида может порождать и некоторые формы не только социально-полезного, но и иного творчества, которые способны служить угрозой как самому человеку, так и социуму в целом, поскольку несут в себе деструктивный элемент вместо созидательного, отсюда встает вопрос о ценностных ориентациях процесса творчества. Во многом, творческая активность, её направленность, характер детерминированы системой ценностей, существующих в окружающей человека социокультурной среде, что еще раз подтверждает невозможность безоговорочной свободы творчества.

Возможность в процессе творчества подняться над существующим уровнем развития дает выход богатству духовного потенциала индивида, которое выступает как своего рода культурное образование. Социокультурная адаптация предполагает способность реализовывать свои творческие конструктивные потенции, преодолевая давление любых препятствующих этой реализации детерминант, будь то окружающий творческую личность макрокосм, мезокосмическая среда или собственная ограниченность личности.

Таким образом, творчество человека вовлечено в социокультурное историческое движение. Возможность творческого

---

¹⁸² Ле Гуин У. Волшебник Земноморья. М., 1999.

¹⁸³ Желязны Р. Девять принцев Амбера. М., 1992.

самовыражения тесно связана с уровнем индивидуальной свободы, который в свою очередь, зависит от уровня культуры личности. Лишь в творчестве человек способен предпринять попытку отбросить культурные рамки своего бытия и создать нечто, совершенно невозможное и нереальное в границах существующей культурной парадигмы, его можно рассматривать как сферу, в которой человек способен себя реализовать как личность. Самоощущение личности в процессе творчества представляет один из возможных путей социокультурной адаптации, трансформации социокультурной матрицы личностного бытия в условиях мультикультурного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобализационные процессы, охватившие все сферы жизнедеятельности общества, мозаичность современного культурного мира не могли не сказаться на специфике развития системы

образования, традиционной и массовой культуры, духовного, физического и психологического состояния человека. Исследование динамики культурно-образовательного пространства современного человека показало, с одной стороны, его основополагающую роль в приобщении обучающихся к ценностям культуры и науки, с другой стороны, выявило достаточно сильное, во многом противоречивое и даже хаотичное, воздействие на его формирование целого ряда внешних и внутренних факторов:

во-первых, противоречивых процессов интеграции, происходящих в культуре и образовании,

во-вторых, особенностей современного развития социокультурных институтов,

в-третьих, специфики содержания и связи с непрерывным образованием молодежных субкультур и контркультур,

в-четвертых, весьма непростой социокультурной адаптации человека в мультикультурной среде к конкретной социокультурной ситуации,

в-пятых, изменения аксиологических ориентиров обучающихся и общества в целом.

Для поступательного развития и активизации позитивного воздействия культурно-образовательного пространства на человека, необходимо использовать следующие реальные стратегические ресурсы человека и общества:

ценности и ментальности традиционной и народной культуры и образования,

уникальное личностное развитие, связанное со способностью изменяться и адаптироваться к окружающей рискованной действительности,

сохранение и воспроизведение традиционных образцов деятельности, поведения, общения,

формирование новых идей, составляющих основу культурных инноваций, пополняющих традиционную культуру и не противоречащих ей по своей сути,

своевременный отказ от устаревших реликтовых элементов, тормозящих развитие культуры и образования,

плодотворный творческий диалог с культурами других стран и народов,

исследовательские наработки по прогнозированию и предвидению социальных рисков в культурно-образовательной сфере.

Определен круг актуальных проблем, актуализирующих динамику культурно-образовательного пространства современного человека и требующих своего дальнейшего изучения:

диалоговое сосуществование массовой и национальной культуры, которая не просто воспроизводит этнокультурные особенности народа, а является условием его жизни в цивилизационном пространстве,

перспективы развития тенденций к массовости традиционных культур в эпоху глобализации,

позитивное соотношение традиций и творчества в современной культуре,

дихотомия целостности и антиномичности самого человека, являющаяся важным условием успешного развития народной культуры, самодостаточности и адаптации к социально-образовательному пространству человека,

противопоставление образовательной системе молодежных контркультур, ценности и установки которых носят четко выраженный агрессивно-разрушительный характер.

Несмотря на значительные позитивные изменения в системе образования, существует ряд сложностей, оказывающих негативное влияние на процесс его дальнейшего развития, а в итоге на формирование культурно-образовательного пространства в целом. Концепция непрерывного образования, базирующаяся на гуманистической парадигме, способна сформировать у человека аксиологический контент личностного бытия, успешно адаптировать его к окружающему миру, развить навыки, соответствующие потребностям современного рынка труда. Отсюда следует, что перед учреждениями образования и культуры - библиотеками, музеями, эстетическими и досуговыми центрами и другими в настоящее время стоит задача утверждения культуры и образования в качестве доминанты их стратегического развития, нравственной основы политики, экономики, социальной составляющей общества. Современные социокультурные институты должны стать культурно-информационными центрами, в которых можно не только познакомиться с разнообразной информацией, но и быть вовлеченным в процесс инкультурации на основе лучших образцов культурного наследия. Не подлежит сомнению значимость современных социокультурных институтов в процессе сохранения человеческого общества как общества творческих личностей.

Последовательное использование имманентно-поисковой направленности института культуры, принципов моральной рациональности, культурных норм, интеграция культуры и образования, на основе взаимной адаптации при сохранении своей специфики представляют важный социальный ресурс и перспективный гарант сохранения и выживания отечественной культуры.

Творчество человека вовлечено в социокультурное историческое движение. Возможность творческого самовыражения тесно связана с уровнем индивидуальной свободы, который, в свою очередь, зависит от уровня культуры личности. Лишь в творчестве человек способен предпринять попытку отбросить культурные рамки своего бытия и создать нечто, совершенно невозможное и нереальное в границах существующей культурной парадигмы, его можно рассматривать как сферу, в которой человек способен себя реализовать как личность. Самоощущение личности в процессе творчества представляет один из возможных путей социокультурной адаптации, трансформации социокультурной матрицы личностного бытия в условиях мультикультурного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимаева О. И. Изучение молодежной субкультуры в контексте социокультурных проблем образования // Социокультурное пространство современной России: тенденции развития: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2007.

2. Алимаева О. И. Библиотеки и музеи как социокультурные институты в эпоху глобализации // Современная библиотека: традиции и инновации: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.П. Лысиковой. Саратов, 2005.
3. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
4. Аскин Я. Ф. Категория творчества и проблемы детерминации // Социальное знание: логико-методологический анализ. Саратов, 1987.
5. Барулин В. С. Человек и общественный мир как система // Личность. Культура. Общество: Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. Том VII. Вып. 2 (26). М., 2005.
6. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. М., 2005.
7. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008.
8. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
10. Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира // Новый мир. 1990. №1.
11. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
12. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2.
13. Блумер Г. Общество как символ интеракции // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М., 1984.
14. Богатырева Т. Г. Государство и культура в условиях глобальной динамики // Вестник Московского университета. Серия 18. 2002. № 4.
15. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.
16. Бойченко А. А. Процессы региональной интеграции в мировой экономике // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2007. № 2.
17. Бом Д. Наука и духовность: необходимость изменений в культуре // Человек. 1993. № 1.
18. Борисенков В. П., Гукаленко О. В., Данилюк А. Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования. М. - Ростов н/Д., 2004.
19. Вакулич Н. Р. Социокультурные аспекты взаимодействия человека и общества // Социокультурное пространство современной России: тенденции развития. Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2007.
20. Вакулич Н. Р. Роль образования в процессе культурной интеграции человека // Человек и общество: культурная интеграция: Сб. науч. ст. Саратов, 2008.

21. Ванслова Е. Г. Социальные функции музея: споры о будущем // Музееведение. На пути к музею XXI в. М., 1989.
22. Вертинский Н. Московские музеи и школа // Советский музей. 1938. №9.
23. Видт И. Е. Культурологическая интерпретация эволюции образовательных моделей // Высшее образование в России. 2003. №3.
24. Видт И. Е. О культурологической функции образования // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб. 2000.
25. Вишленкова Е. А. «Тело для народа или «увидеть русского дано не каждому» // Человек. № 3. 2008.
26. Власов В. Г. Онтология народной медицины // Человек. 2001. №3.
27. Власова С. В. Образование XXI века: каким ему быть? // Общественные науки и современность. 1999. №2.
28. Воропай Т. С. Между глобализацией и масскультурой (несколько фрагментов об идентичности) // Философские науки. 2009. №10.
29. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Б. П. Вышеславцев. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
30. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
31. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.
32. Гартман Н. Эстетика. М., 1958.
33. Гегель Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т.1.
34. Гершунский Б. Философия образования для XXI века. М., 1999.
35. Грейс Н. Как Помочь Себе Самому. Приемы развития памяти, внимания и речи. СПб., 2006.
36. Гуревич П. С. Контркультура // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х т. СПб., 1998. Т.1.
37. Гуревич П. С. Массовая культура как феномен // Философия культуры. М., 1994.
38. Гуткина И. М. Культурное пространство личности // Личность в пространстве России. Саратов, 2000.
39. Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М., 1980.
40. Давыдов Ю.С. Болонский процесс и новые реформы российского образования // Педагогика. 2005. №7.
41. Давыдова М. А. Клиповость сознания как механизм формирования деструктивного индивидуализма // Перспектива. Избранные материалы X Международного конгресса молодых ученых. Нальчик, 2007.

42. Джозеф Д. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4.
43. Джурицкий, А. Н. Педагогика межнационального общения: Поликультурное воспитание в России и за рубежом. М., 2007.
44. Дзялошинский И. Культура, журналистика, толерантность. // Материалы научно-практической конференции "Пресса, государство, культура: мультикультурализм как новая философия взаимодействия". М., 2002.
45. Дианова В. М. Культурный плюрализм в условиях глобализации // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума. Выпуск 1 / Под ред. Парцвания В. В. СПб., 2003.
46. Дмитриев, Г. Д. Многокультурность как дидактический принцип // Педагогика. 2000. № 10.
47. Добренёв В. И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006.
48. Дондурей Д. Культура ноль или *Mi secunda patria* // Знание-сила. 1993. №3.
49. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. №2.
50. Захаров А. В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. №9.
51. Золотухина-Аболина Е. В. В. В. Налимов. М., 2005.
52. Зоркая Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов. М., 1976.
53. Зотов А. Ф. Метафизика свободы // Свободная мысль. М., 1992. № 3.
54. Инновации и образование. Сб. материалов конференции. Серия «Simposium». Вып. 29. СПб, 2003.
55. История русской культуры. М., 2006.
56. Камю А. Человек бунтующий. М., 1990.
57. Кара-Мурза А. А. "Новое варварство" как проблема российской цивилизации. М., 1995.
58. Кармадонов О.А. Институт образования в современном мире: основные тенденции развития // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 6.
59. Кассирер Э. Опыт человека // Человек. 1990. №3.
60. Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000.
61. Кемеров В. Ч. Введение в социальную философию. М., 1996.
62. Козлова О. Н. Социокультурные изменения: определение и выбор стиля // Социально-гуманитарные знания. 2000. №4.
63. Козлова О. Н. Среда человеческого существования в эпоху постмодерна // Высшее образование в России. 1997. №4.

64. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (Текст) // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М., 1999.
65. Крон В. Риск (не) знания: о смене функций науки в обществе знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 3.
66. Культура, творчество и рынок. М., 2001.
67. Культурные трансформации в информационном обществе: Сб. науч. статей. М., 2006.
68. Кусов В. Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования. 2000. № 9.
69. Левикова С. И. Молодежная субкультура. М., 2004.
70. Леонова О.А. Понятие «образовательное пространство» и его региональная интерпретация // Педагогика. 2008. № 6.
71. Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека//Философские науки. 2009. № 10.
72. Лири Т. Семь языков Бога. М., 2001.
73. Листвина Е. В. Социокультурная ситуация: опыт исследования. Саратов, 2008.
74. Листвина Е. В. Культура в обществе риска // Первый Российский Культурологический конгресс. Программа. Тезисы докладов. СПб., 2006.
75. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
76. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн. 1992.
77. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №5.
78. Лысенко Е. М. Молодежная субкультура: синергетическое осмысление феноменов. Саратов, 2006.
79. Лысикова Н. П. Интеграция культуры и образования в современных условиях // Сб. науч. тр. «Гуманитарные науки, культура и образование: актуальные проблемы современности. Саратов, 2006.
80. Лысикова Н.П., Алимаева О.И., Вакулич Н.Р. Современная библиотека и образование: социокультурный аспект: Научно-практическое пособие. М., 2009.
81. Лысикова Н. П. Социокультурный контекст непрерывного образования// Современное образовательное пространство: единство, региональность, непрерывность: Межвуз. сб. научн. тр./ Под ред. проф. Ю. Г. Голуба. Саратов. 2005.
82. Макаев В. В., Малькова З. А., Супрунова Л. В. Поликультурное

- образование - актуальная проблема современной школы // Педагогика. 1999. № 3.
83. Мариносян Х. Э. Истоки и сущность глобального кризиса. Задачи государства в построении нового миропорядка // Философские науки. 2009. № 1.
84. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002.
85. Мексин Я. П. Экскурсионная работа в музее // Советский музей. 1935. №2.
86. Мельникова О. Т., Ширков Ю. Э., Фоломеева Т. В. Потребительское поведение: теория и действительность // Социальная психология в современном мире. М., 2002.
87. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
88. Мирский Э. М. Интеллектуальные и социальные составляющие высшего образования // Человек. 2005. №1.
89. Михайлова Н.Г. Местные и региональные сообщества: традиции и современные нормы культурной деятельности// Местные сообщества: проблемы социокультурного развития. М., 2010.
90. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.
91. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
92. Московичи С. Наука о массах.//Психология масс. Хрестоматия. М., 2001.
93. Мулярчик А. С. Спор идет о человеке: О литературе США второй половины XX в. М., 1985.
94. Наука и образование в обществе риска: Сб. науч. ст. / Под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов, 2009.
95. Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
96. Образование в современном мире: Сб. науч. ст. Вып. 1-4. Саратов, 2006-2009.
97. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. Саратов, 2006.
98. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1991.
99. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева и др. СПб., 2002.
100. Попов В. Д. Информациология и информационная политика. М., 2001.
101. Разлогов К. Э. Коммерция и творчество: враги или союзники? М., 1992;
102. Разлогов К. Э. По ту сторону наслаждения. Дар или проклятье? Мозаика массовой культуры. М., 1994.

103. Резник Ю. М. Конструирование социальной реальности: социокультурные различия субъектов познания // *Czlowiek w kulture*. Warszawa, 2007.
104. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Итоги первой пятилетки» // *Советский музей*. 1933. №1.
105. Реутов Н. Н. Интеграция светского и религиозного образования в современной России // *Социальные структуры и процессы: Сб. науч. ст.* Вып. П. Белгород, 2007.
106. Розанов В. В. Цель человеческой жизни // *Смысл жизни*. М., 1990.
107. Российская ментальность (Материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 1994. №1.
108. Саломон К. Культурная экспансия и мировая экономика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. №1.
109. Самохвалова В. И. Масскульт и маленький человек // *Философские науки*. 2001. №1.
110. Самохвалова В. И. Идентичность, норма и пределы толерантности // *Философские науки*. 2008. № 4.
111. Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // *Общественные науки и современность*. 1993. №5.
112. Сикевич З. Молодежная культура: «за» и «против». Л., 1990;
113. Слободчиков В. Духовные проблемы человека в современном мире // *Педагогика*. 2008. №9.
114. Смирнов С. Современная антропология // *Человек*. 2004. №2.
115. Соловьев А. В. Социокультурная среда информационного общества: трансформация культурных форм // *Вопросы культурологии*. 2008. №4.
116. Сорокин П. А. Личность, общество и культура как неразрывная триада // П. А. Сорокин. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992.
117. Сорокин П. А. Социокультурная динамика // *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992.
118. Сохраняева Т. «Массовый человек» как субъект образования // *Высшее образование в России*. 2002.
119. Степин В. С. Культура // *Вопросы философии*. 1999. №8.
120. Теплиц К. Т. Все для всех. Массовая культура и современный человек // *Человек: образ и сущность*. М., 2000.
121. Тикунова И. П. Концептуальные модели современной библиотеки в странах Баренцева Евро-Арктического региона // *Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки»*. 2006. № 8.
122. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // *Вопросы философии*. 2010. № 2.
123. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
124. Урсул А. Концепция опережающего образования // *Alma Mater*. 2006. № 7.

125. Уханов Е. В. Идентичность в сетевых коммуникациях // *Философские науки*. 2009. №10.
126. Федорова И. И. Гедонизм как принцип контркультуры // *Этика и эстетика*. Киев, 1983. Вып. 26.
127. Фетисова Т. Культурологические аспекты информационного общества // *Человек: образ и сущность: Ежегодник: Массовая культура*. М., 2000.
128. Филатова В. Ф. Магия и народное православие // *Человек*. 2009. № 6.
129. Фортъе А. М. Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения // *Логос*. 2005. №4.
130. Фролова М. и др. Массовая культура - как культура экрана // *Mikstura verborum – 99: Онтология, эстетика, культура: Сб. ст. Самара*, 2000.
131. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009.
132. Хаксли О. Двери восприятия // Хаксли О. Двери восприятия. Рай и ад. М., 1991.
133. Человек и общество: культурная интеграция: Сб. науч. ст. Саратов, 2008.
134. Чумаков А.Н. Глобальные риски: сценарии развития в XXI веке // *Общество риска и человек в XXI веке: альтернативы и сценарии развития*. М., Саратов, 2006.
135. Шичанина Ю. В. Самоидентификация: и интернет форматы // *Философские науки*. 2009. №10.
136. Шишков Ю. В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 4.
137. Щербенко Э. Потери на пути к себе // *Иностранная литература*. 1985. №3.
138. Эйзенштейн О. М. Психология искусства // *Психология процессов художественного творчества*. Л., 1980.
139. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000
140. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.
141. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996;
142. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.
143. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей. М., 2001.
144. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
145. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
146. Hhannerz U. Cosmopolitans and locals in world culture // *Theory , culture and society*. L. etc., 1990. Vol. 7. №4.

147. Pattison R. The triumph of vulgarity: rock music in the mirror of romantism. N.-Y., 1987.
148. Roszak Th. The Making of a Counter-Culture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Oppositions. N.-Y., 1969.